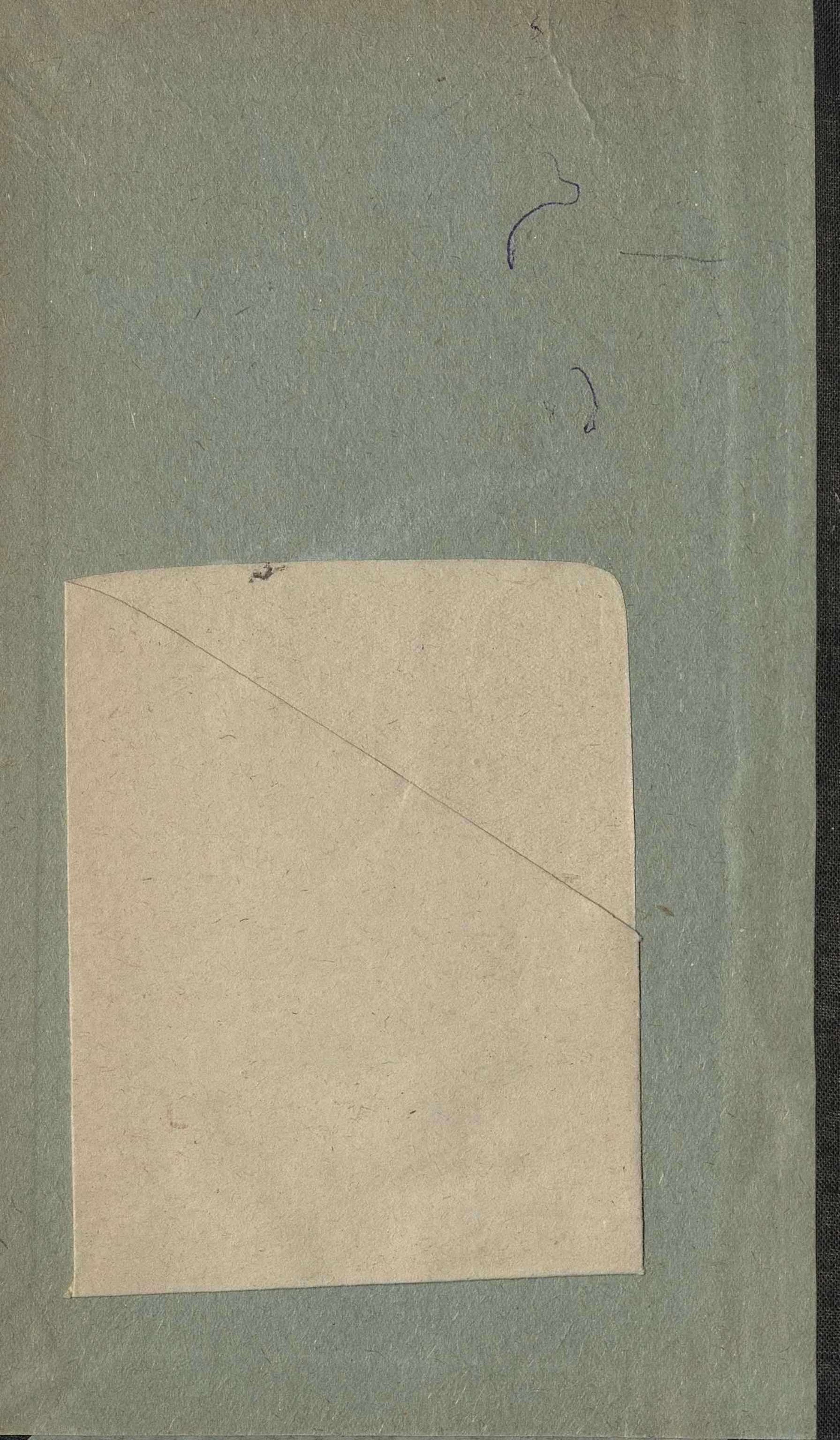
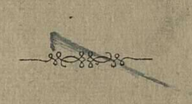

В. Л. Дѣдловъ

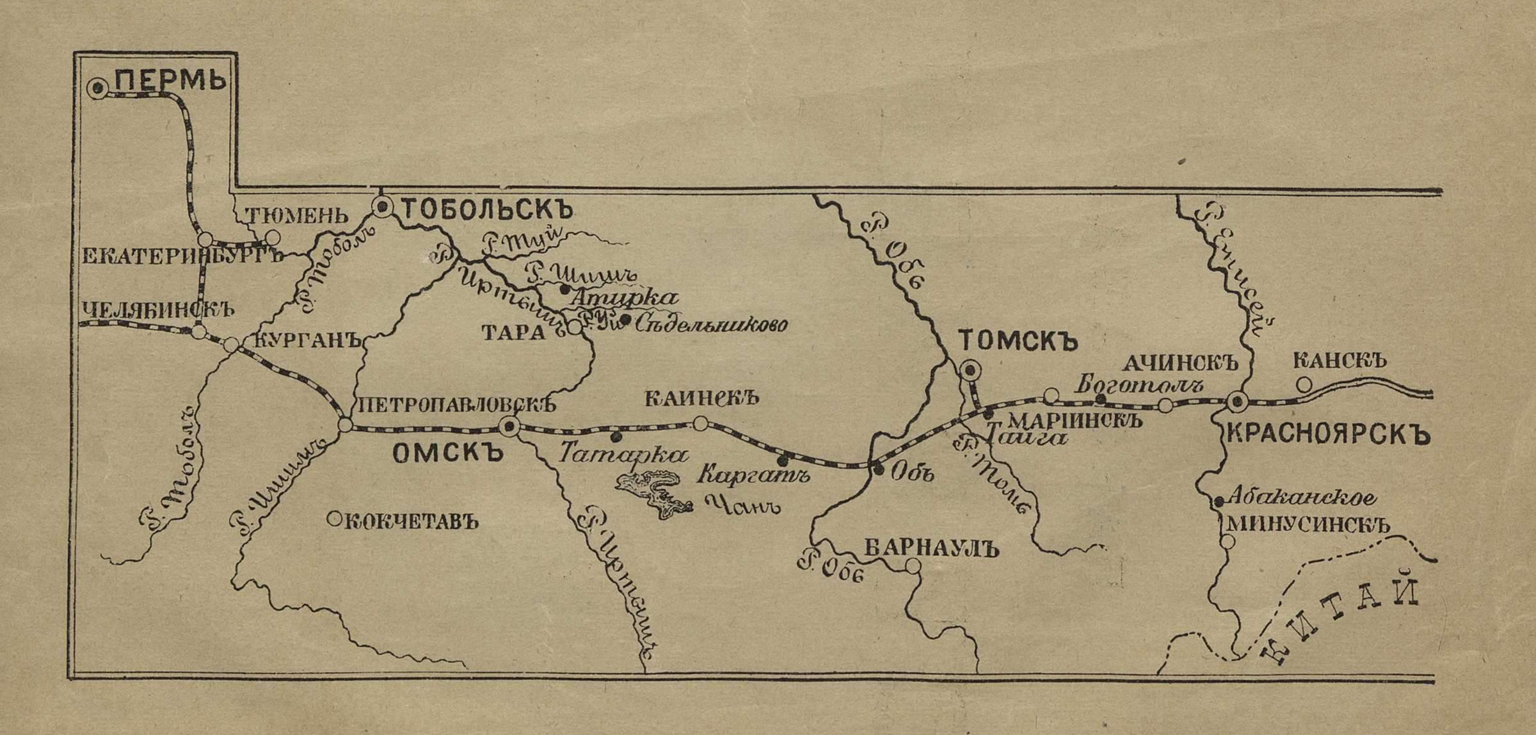
ПАНОРАМА
СИБИРИ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Сибирь осенью. — Сибирь лѣтомъ.
Черезъ Сибирь, отъ Урала до Тихаго Океана.
Изъ Владивостока въ Одессу.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1900.

ПЕРМЬ
ТЮМЕНЬ
ТОБОЛЬСКЪ
ЕКАТЕРИНБУРГЪ
ЧЕЛЯБИНСКЪ
КУРГАНЪ
Р. Тоболъ
Р. Туй
Р. Шишъ
Р. Иртышъ
Атирка
Сѣдельниково
ТАРА
Р. Обь
ТОМСКЪ
АЧИНСКЪ
Боготолъ
Р. Енисей
КАНСКЪ
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
КАИНСКЪ
Татарка
Карагатъ
Чанъ
Обь
Р. Томь
Тайга
МАРІИНСКЪ
КРАСНОЯРСКЪ
Абаканское
МИНУСИНСКЪ
Р. Ишимъ
КОКЧЕТАВЪ
БАРНАУЛЪ
КИТАЙ

В. Л. Дѣдловъ

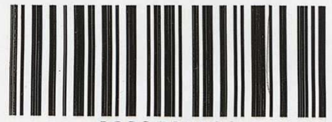
ПАНОРАМА

СИБИРИ

(Путевыя замѣтки)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя М. Меркушева, Невскiй пр., № 8.
1900.

2022565529

Василію Ивановичу Гиппіусу

НА ПАМЯТЬ

отъ автора.

Сибирь осенью

(Тюмень, Тобольскъ)

I.

За Уралъ мы перевалили 30-го августа 1896 года по желѣзной дорогѣ, изъ Перми на Екатеринбургъ въ Тюмень. День былъ холодный, совсѣмъ осенній, но ясный. Желѣзная дорога огибаетъ Екатеринбургъ, и городъ издали представляется европейскимъ и оживленнымъ городомъ. Колокольни, большіе дома, сады. Это—послѣдній городъ, который, хотя-бы издали, походитъ на европейскій городъ. Поѣздъ скоро вбѣгаетъ въ лѣсъ,—это послѣдній, какъ это ни удивительно, хорошій и бережонный сибирскій лѣсъ, который мы видимъ. Въ европейской Россіи, если не увидишь хорошей рощи на протяженіи всего десяти верстъ, и то уже начинаешь печалиться и корить лѣсовладѣльцевъ въ небережливости. Конечно, лѣса есть и въ западной Сибири, но тамъ, гдѣ «рѣдко нога человѣческая ступаетъ»; а по близости человѣческихъ жилищъ, на десятки верстъ въ обѣ стороны, все—вырублено, выжжено, перепорчено.

На слѣдующій день утромъ мы подъѣзжали къ подлинному сибирскому городу, старѣйшему въ Сибири, основанному въ 1586 году, Тюмени.

Западная Европа и Россія, это два совсѣмъ разные міра. Западная Европа—Италія, Греція, Архипелагъ. Это—тепло, море, острова, полуострова, заливы, горы. Россія—Сибирь. Это—плоская равнина, океанъ суши, съ немногочисленными островками воды; это—холодъ, съ тепломъ урывками. Западная Европа—собраніе индивидуальностей; мы—колонія полиповъ, которые, внѣ колоніи,—ничто. На всемъ огромномъ пространствѣ нашего царства у насъ почти одинъ и тотъ-же пейзажъ, тѣ-же растенія, тѣ-же

небеса и солнце, — кажется, что и душа отпущена на всѣхъ насъ всего одна. Не площади, далеко меньшей, чѣмъ русская имперія, на Западѣ умѣстились десятки государствъ, развились десятки разновидностей исторіи и культуры; у насъ—почти полное однообразіе, отъ Варшавы до Владивостока. Тамъ—шумъ, споры, соревнованіе; у насъ—тишина. Тамъ—многолюдное сборище; у насъ—словно одиночество.

Когда возвращаешься изъ западной Европы домой, все это ощущается очень живо. Будто съ шумной улицы, изъ наполненнаго народомъ театра пришолъ къ себѣ домой,—а домъ огромный, пустой, недостаточно освѣщенный. Оно и хорошо—отдохнуть, почувствовать себя дома, и скучненько вмѣстѣ съ тѣмъ, — и нельзя иначе, и не слѣдуетъ вѣкъ таскаться по гостямъ и забывать домъ, каковъ-бы онъ тамъ ни былъ. Когда я переѣзжаю русскую груницу, воображеніе настойчиво рисуетъ мнѣ карту Россіи. Ни одного горнаго хребта, ни одного моря и залива. Равнина до Урала, а за Ураломъ еще большая равнина. Равнина на сѣверъ, сливающаяся съ холоднымъ сѣвернымъ моремъ, ничѣмъ не защищенная отъ дыханія полярныхъ льдовъ. Путь для сѣвера и холода свободенъ, и, кажется, захоти они,—и овладѣютъ всею страной, до Чернаго моря, и замретъ на ней всякая жизнь. Кажется, если этого не случается, то по чьей-то забывчивости, счастливой оплошности, которая, того и гляди, можетъ быть исправлена. Все это, конечно, игра воображенія, утомленнаго долгою дорогой и поражоннаго контрастомъ Европы и Россіи,—но все-таки Россія и Европа, это два разныхъ міра.

То-же, но несравненно сильнѣе, чувствовалъ я, когда мы подъѣзжали къ первому нашему сибирскому этапу, Тюмени. Здѣсь начиналась страна, въ два съ половиною раза большая, чѣмъ европейская Россія, въ два съ половиною раза большій океанъ суши, длиною отъ Урала до Тихаго океана въ $7^1/_2$ тысячъ верстъ. Россіей владѣетъ холодъ; здѣсь сѣверъ—царь. Сѣверныя моря Россіи, хоть и на короткое время, но открываютъ путь къ материку; здѣсь, это—непроницаемая ледяная стѣна, которая изрѣдка рушится, но, и разрушившись, въ видѣ ледяныхъ горъ,

бродитъ по океану и, словно флотилія вражескихъ крейсеровъ, рѣдко когда оплошаетъ и пропуститъ какой-нибудь пароходъ къ блокированному побережью. Холодъ здѣсь—царь. Земледѣліе возможно только на одной десятой части всей площади Сибири. Въ Амурской области оно прекращается сѣвернѣй широты Харькова. Плодовыя деревья, будь то хотя-бы выносливая антоновская яблоня, не растутъ нигдѣ въ Сибири. На всемъ ея пространствѣ, кромѣ самыхъ южныхъ уголковъ на крайнемъ востокѣ, вы не увидите липъ, кленовъ, вязовъ, ясеней, дуба. Одни только хвойныя деревья, которыя любятъ сѣверъ, да еще береза и осина, изрѣдка рябина. Не велика, однако, и полоса лѣсовъ, и львиную долю страны оставилъ за собою холодъ, превративъ ее въ голую тундру, съ вѣчно мерзлой почвой и карликовыми изуродованными кустарниками. Сибирь прорѣзываютъ величайшія въ мірѣ рѣки, но онѣ впадаютъ во враждебныя сѣверныя моря и производятъ впечатлѣніе чего-то ненужнаго, какихъ-то громадныхъ, но давнымъ-давно заброшенныхъ и пришедшихъ въ разрушенное состояніе сооруженій, вродѣ циклопическихъ стѣнъ Греціи, пирамидъ Египта, древне-римскихъ водопроводовъ, мексиканскихъ храмовъ, открываемыхъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Колизей разбираютъ на кирпичи и строятъ изъ нихъ корчмы; по сибирскимъ гигантскимъ потокамъ, созданнымъ, казалось-бы, для того, чтобы нести на себѣ цѣлыя флотилии всемірной торговли, ѣздятъ со скоростью, не превосходящей пятнадцати верстъ въ часъ, изъ Павлодара въ Тару и изъ Кривощекова въ Барнаулъ. Сѣверъ замкнулъ море и покушается на рѣки, замораживая ихъ до дна. Въ области тундръ, гдѣ ложе рѣки находится въ мерзлой землѣ, и рѣкамъ не откуда получать воду, ихъ теченіе зимою совсѣмъ прекращается. Оно-бы остановилось навѣки, масса льда не успѣвала-бы растаять втеченіе короткаго лѣта, еслибы не притокъ воды съ юга, которая, широко разливаясь внѣ ложа, подымаетъ ледяную плотину, дробитъ ее и выноситъ въ море. Тутъ борьба холода съ тепломъ, смерти съ жизнью—въ полномъ разгарѣ, и побѣда клонится не на сторону послѣдней. Ученые говорятъ, что холодъ періодически наступаетъ на наше полушаріе съ сѣвера, что когда-то

ледники покрывали всю Россію, что періодъ отступленія ихъ къ полюсу кончился, и мы—въ началѣ новаго постепеннаго замерзанія и замиранія. При первомъ актѣ этой драмы мы присутствуемъ въ Сибири. Все крѣпче съ каждой зимой замыкаются ледяной стѣною устья рѣкъ, все дальше на югъ отступаютъ лѣса и ползетъ тундра, все ниже отодвигается полоса земледѣлія, все обширнѣй становится резервуаръ, наполненный холодомъ, который дышетъ на насъ черезъ Уралъ и котораго дыханіе доносится до западной Европы.

Холодъ, однообразіе и неизмѣримое пространство—вотъ какія ощущенія охватываютъ васъ, когда, холодной, дождливой осенью, переваливъ за Уралъ, вы сознаете, что вы въ Сибири. Съ Европой и югомъ кончено; здѣсь — сѣверъ и Азія. То, что мы видимъ изъ окна вагона, подъѣзжая теперь къ Тюмени, мы будемъ видѣть на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, отъ Урала до Оби, проѣзжая пароходами, на лошадяхъ, по желѣзнымъ дорогамъ:— равнину, все тѣ-же травы и деревья, все тѣ-же хлѣба, такихъ-же лошадей, коровъ и овецъ и такихъ-же мужиковъ, даже безъ тѣхъ различій, которыя раздѣляютъ бѣлоруссовъ, малороссовъ и великоруссовъ. И на протяженіи этихъ двухъ тысячъ верстъ мы проѣдемъ всего двѣ губерніи, изъ которыхъ Тобольская можетъ вмѣстить Германію, Францію и европейскую Турцію, а Томская, много меньше, равна всего лишь $2^1/_2$ Англіямъ. Мы—въ самомъ западномъ уѣздѣ Тобольской губерніи. Онъ самый теплый: тутъ еще растетъ липа, хотя о дубѣ и помина нѣтъ. Онъ самый культурный: народъ занимается кустарными промыслами, потому-что свободныя земли уже поистощились. Самый культурный изъ уѣздныхъ городовъ и городъ уѣзда — Тюмень: у него есть желѣзная дорога, отъ него начинается пароходство, по Оби до Томска, и по Иртышу до Семипалатинска; въ немъ устроены телефоны, и даже имѣются гостинницы и трактиры, чего въ другихъ городахъ не отыщете.

Намъ, однако, не посовѣтовали останавливаться въ гостинницахъ и направили на «общественную квартиру». Эти квартиры имѣются по всей Сибири для пріюта пріѣзжающихъ въ городъ чиновниковъ. Это истинно благо-

дѣтельное учрежденіе, какъ я узналъ впослѣдствіи, когда присмотрѣлся къ гостинницамъ и постоялымъ дворамъ, и безъ него приходилось-бы плохо человѣку, требующему хоть маленькаго комфорта. Общественныя квартиры находятся въ частныхъ домахъ, которые нанимаетъ для этой цѣли общество, городское или сельское. Хозяинъ, а чаще хозяйка дома, являются и завѣдующими квартирой. Три дня пріѣхавшій по дѣламъ службы можетъ жить даромъ, а затѣмъ долженъ платить. Продовольствуется онъ, разумѣется, за плату. Почтенное учрежденіе, но и тутъ не безъ сибирскихъ особенностей. Наша тюменская квартира была прекрасная: высокія и большія комнаты, занимавшія весь второй этажъ хорошаго, купеческой постройки, дома, безукоризненная чистота, множество цвѣтовъ, до которыхъ сибиряки большіе охотники. Когда внесли наши вещи, на насъ взглянули съ удивленіемъ:

— Позвольте спросить, гдѣ-же ваши кровати? спросили насъ.

— То-есть, подушки? переспросили мы.—Вотъ онѣ. А бѣлье—въ чемоданахъ.

Насъ, видимо, не понимали.

— Подушки-съ? По одной?.. А перины тоже въ чемоданѣ?

Тутъ ужь мы не понимали.

— Какія перины?

— Чтобы спать-съ: и на квартирахъ, и въ тарантасѣ.

— Позвольте, какъ-же въ тарантасѣ спать, да еще на перинѣ? Вѣдь, для этого надо лежать.

Еще большее недоумѣніе.

— Конечно, лежать! говорятъ намъ.

— Да кто-же въ тарантасѣ лежитъ?

Чѣмъ больше мы разговаривали, тѣмъ больше запутывались и таращили другъ на друга глаза. Потребовалось вмѣшательство лица, которое, съ одной стороны, знало сибирскіе обычаи, а съ другой, было знакомо съ людьми обычаевъ «россійскихъ». Немало, однако, труда было положено, чтобы увѣрить насъ въ томъ: 1) что въ Сибири ѣздятъ не сидя, а лежа, для чего подстилаютъ пуховики; а подъ головы и съ боковъ подкладываютъ подушки; 2) что на общественныхъ квартирахъ нѣтъ ма-

трасовъ для пріѣзжающихъ, а потому всѣ ѣздятъ со своими—не матрасами, которые громоздки,—а пуховиками и, наконецъ, 3) что для пріѣзжихъ на квартирахъ не имѣется, нетолько постелей, но и кроватей, вслѣдствіе чего каждый уважающій себя сибирскій путешественникъ везетъ съ собою въ кожанномъ чехлѣ складную желѣзную кровать. Въ неимѣніи пуховиковъ и достаточнаго количества подушекъ намъ скоро пришлось раскаяться. На квартирахъ пришлось спать на хозяйскихъ перинахъ, не всегда достаточно чистыхъ, а недостатокъ подушекъ возмѣщать стуломъ, который ножками упирался въ стѣну, а наклоненной спинкой изображалъ изголовье. Но самое жгучее раскаяніе мы ощутили въ тарантасѣ, гдѣ дѣйствительно пришлось не сидѣть, а лежать. Сколько ни напихивали намъ сѣна, сколько ни настилали мы плэдовъ, первыя-же версты поистинѣ бѣшеной сибирской почтовой скачки, сопровождаемой неописуемыми толчками на гатяхъ и мостахъ, въ конецъ разрушали наши приспособленія, а, затѣмъ, такъ-же портили расположеніе духа.

Описывать-ли Тюмень? Я затрудняюсь. Всѣ сибирскіе города на одинъ фасонъ, и, останавливаясь на Тюмени, я почти лишаю себя возможности разсказывать о другихъ городахъ. Тюмень — городъ старый, ему больше трехсотъ лѣтъ, но самое примѣчательное въ немъ—телефоны и электрическое освѣщеніе пароходныхъ пристаней. Въ немъ сорокъ тысячъ жителей, но ихъ и не видно: по сибирскому обычаю, всѣ сидятъ по домамъ. Улицы—широкія, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ. На главной улицѣ—двухъ-этажные каменные дома; на остальныхъ—деревянные, въ одинъ этажъ, съ дворами при нихъ, съ высочайшими заборами и крѣпчайшими воротами. Желѣзный болтъ, желѣзный засовъ и свора злыхъ собакъ — непремѣнная принадлежность каждаго двора, каждой двери и каждой ставни: тутъ—Сибирь и сибирскіе бродяги и бѣглые. Нужно, чтобы болты и засовы были крѣпче ломовъ любителей чужой собственности. Въ каменныхъ домахъ—магазины и лавки. Эти тоже сибирскаго склада. Большой залъ, наполненный всякой всячиной, въ которомъ вы встрѣтите самую разнообразную публику. Мы со спутникомъ выбирали себѣ швед-

скія куртки. Дама примѣривала шляпку. Господинъ покупалъ табакъ. Тюменская татарка, татарка особенная, подлинная, прямой потомокъ завоевателей Руси, съ лицомъ плоскимъ какъ тарелка и желтымъ, какъ лимонъ, перебираетъ ботинки и никакъ не можетъ рѣшить, въ какихъ она будетъ красивѣй. Не принявъ окончательнаго рѣшенія насчетъ ботинокъ, она начинаетъ разсматривать рукавицы, которыя въ магазинѣ тоже налицо. Эти предназначаются для ея татарчатъ. И тутъ затрудненіе. Татарчата дичятся и остались на улицѣ. Одинъ лежитъ животомъ внизъ на телѣгѣ, другой ковыряетъ стѣну. Надо примѣрить рукавицы, мать зоветъ ребятъ въ магазинъ, а тѣ уперлись и не идутъ. Вынести рукавицы на улицу не позволяетъ прикащикъ. Кончилось тѣмъ, что татарчата показывали матери свои желтыя лапки въ окно, а та примѣряла покупку на глазъ.

Тюменскихъ татаръ считается около тридцати тысячъ, но ни въ Тюмени, ни въ Тобольской губерніи ихъ не видно. Они тонутъ въ массѣ русскато населенія, котораго въ губерніи насчитывается до полутора милліона. Вообще, Западная Сибирь совершенно русская страна, гораздо болѣе русская, чѣмъ восточныя губерніи европейской Россіи, изрядно наполненныя татарами, башкирами, мордвой, чувашами и проч. и проч. Остатки инородцевъ Западной Сибири быстро вымираютъ. Во многихъ деревняхъ отъ многочисленнаго когда-то населенія осталось всего нѣсколько семей, которыя и наслѣдовали всю, часто огромную, площадь земли, принадлежавшую ихъ обществу. Казалось-бы, эти наслѣдники должны быть богачами, потому-что инородческіе земли и луга—самые лучшіе, все по большимъ рѣкамъ. Чего имъ недоставало? При завоеваніи Сибири, послѣ первыхъ-же битвъ, ихъ нетолько оставили въ покоѣ, но еще особыми грамотами, которыя уцѣлѣли и по сей день, утвердили за ними ихъ огромныя земли, притомъ на правахъ собственности, такъ-какъ земли русскаго населенія и до настоящаго времени признаются государственными. Матерьально инородцы были обезпечены съ избыткомъ. Недоставало имъ культуры, стояла она ниже культуры русскихъ пришельцевъ?—Тоже нѣтъ. Это были племена,

просвѣщенныя бухарцами, которые до русскихъ имѣли огромное значеніе въ странѣ, являясь носителями и распространителями среднеазіатской пивилизаціи, стоявшей на ступени далеко не низкой. И все-таки инородцы одичали, обнищали и почти вымерли. Право, если сравнить ихъ судьбу съ долей русскаго сибиряка, то придешь къ тому заключенію, что имъ не хватало только одного,—горя и бѣды. Татаринъ жилъ на собственной землѣ, въ родной странѣ,—русскій приходилъ сюда не отъ хорошаго житья на старинѣ, въ качествѣ переселенца, а то такъ и бѣглаго. Татаринъ могъ исповѣдывать какую ему угодно вѣру,—русскому сильно доставалось за расколъ. Татаринъ живетъ на землѣ неотъемлемой; русскій—всего оброчный, арендаторъ. Захотятъ его согнать съ мѣста, могутъ это сдѣлать хоть сейчасъ. И дѣлывали. Нужно устроить новый почтовый трактъ,—русскаго перегоняютъ на трактъ и приказываютъ держать почтовую гоньбу. Явилась надобность выдвинуть въ глубь киргизскихъ степей казачью линію, берутъ, сколько нужно, русскихъ мужиковъ, наряжаютъ ихъ казаками, даютъ въ руки пики, сажаютъ верхомъ на лошадей и селятъ по линіи, лицомъ къ лицу съ киргизами А, въ концѣ-концовъ, русскій живъ, здоровъ и богатъ, умнѣе и энергичнѣй барина-инородца. Рѣшительно, нашему брату, обыкновенному смертному, не мѣшаетъ иной разъ отвѣдать горькаго, чтобы начать стремиться къ сладкому.

Однако, вернемся къ Тюмени.

Послѣднее десятилѣтіе Тюмень жила очень бойко. Ею кончалась желѣзная дорога, соединявшая волжскую систему рѣкъ съ обской. Тутъ-же начинается сибирское пароходство по колоссальнымъ сибирскимъ рѣкамъ, предъ которыми сама Волга не очень значительная величина. Садясь въ Тюмени на пароходъ, вы ѣдете сначала по Турѣ и затѣмъ по Тоболу въ Тобольскъ; изъ Тобольска вы можете отправиться по Иртышу на югъ до Семипалатинска, который лежитъ на восемь градусовъ южнѣе, чѣмъ Тобольскъ, или, по Иртышу и Оби, въ Томскъ, Барнаулъ и Бійскъ, въ сердце Алтайскаго горнаго округа. Чтобы представить эти разстоянія, скажемъ, что отъ Тюмени до Томска столько-же верстъ, сколько отъ Вар-

шавы до Тамбова. Пароходами-же до недавняго времени подвигалась внутрь Сибири и переселенческая волна. Лѣтомъ, въ разгаръ движенія, въ Тюмени на ея выгонахъ и у пристаней образовывался другой городъ, переселенческій. Многотысячная толпа мужиковъ, бабъ и ихъ дѣтей занимала цѣлыя десятины, въ ожиданіи парохода и баржъ. Въ настоящее время, съ проведеніемъ великой сибирской желѣзной дороги, переселенческій городокъ опустѣлъ, и роль Тюмени перешла къ Челябинску. Движеніе товаровъ тоже измѣнило свое направленіе и оставило Тюмень. «Два года тому назадъ,—говорили пароходовладѣльцы,—мы и съ тѣмъ, кто пять тысячъ пудовъ отправлялъ, разговаривали сидя, а теперь и передъ пятью сотнями пудовъ встаемъ со стула». Но пока внѣшній видъ пристаней не измѣнился. Рядъ нарядныхъ домиковъ, яркое электрическое освѣщеніе, телефоны.

Сама Тура, рѣка знаменитая въ качествѣ первой со стороны Европы вѣтви сибирскихъ судоходныхъ рѣкъ, мало внушительна. Это—средняя русская рѣка, въ безлѣсныхъ, подъ Тюменью, берегахъ, лежащая въ глубокой ложбинѣ, какъ-бы въ провалѣ. Таковы и другія небольшія рѣки степной и полустепной частей Западной Сибири,—всѣ эти Ишимы, Тоболы, Оми. По Турѣ большіе пароходы ходятъ только весною. Лѣтомъ и осенью до Тобольска приходится нѣсколько разъ пересаживаться, все на бо̀льшія и бо̀льшія суда. Такъ-какъ въ этомъ мало пріятнаго, особенно, когда пересадка совершается ночью, мы рѣшили ѣхать въ Тобольскъ лошадьми.

II.

— Сколько времени ѣзды до Тобольска?

— Часовъ двѣнадцать, пятнадцать.

— Но, вѣдь, до Тобольска 240 верстъ!

Собесѣдникъ улыбается.

— У насъ ѣзда, вѣдь, сибирская, а нашъ тюменскій ямщикъ, можно сказать, первый по всей Сибири. Погода хорошая, дорога сухая. Выѣзжайте пораньше утромъ; къ вечеру—въ Тобольскѣ.

— Значитъ, двадцать верстъ въ часъ?!

— Что-же! Господина губернатора, когда очень нужно бывало, важивали и по двадцати-пяти. И, повѣрите-ли, ни разу ни одна лошадь не околѣла: только ѣхать было страшно.

Дѣйствительно, сибирская ѣзда необыкновенная, «страшная». И лошади необыкновенныя. Съ вида больше на какого-нибудь лося похожи, чѣмъ на лошадь. Голова большая, задъ горбатый, туловище короткое. Грудь—цѣлый ящикъ, задъ немного свислый, но широкій, кости могучія. Двадцати верстъ въ часъ мы не дѣлали: нашъ тарантасъ былъ слишкомъ великъ и грузенъ; къ тому-же въ утро выѣзда начался дождь, черноземная дорога сначала сдѣлалась скользкой, такъ-что экипажъ плылъ то на одну сторону, то на другую, а лошади бѣжали неувѣренно; потомъ образовалась довольно глубокая грязь. Но все-таки до восемнадцати верстъ въ часъ мы дошли. И эта быстрота достаточно внушительна. Образчики-же двадцатипяти-верстной ѣзды и совсѣмъ поразительны. Показывали намъ эти образчики такимъ манеромъ.

Ѣдемъ. Пристяжныя идутъ, конечно, вскачъ, но дышловыя рѣдко сбиваются съ рыси. Сзади насъ тѣмъ-же аллюромъ слѣдуетъ засѣдатель. Но, вотъ, до станціи остается всего пять верстъ. Слышатся хриплые крики, визгъ, гиканье, свистъ кнута, и сбоку, выщелкнувшись изъ колеи, вылетаетъ засѣдательскій тарантасъ. Крики и визгъ оглушаютъ; тройка лошадей, съ куцыми подвязанными хвостами, съ брюхами въ грязи, растягиваются по землѣ, тарантасъ, похожій на груду мокрой земли,—опережаютъ насъ, окруженные роемъ пляшущихъ вокругъ нихъ лепешекъ и комьевъ грязи, и скоро скрываются изъ виду. Это—любезный засѣдатель спѣшитъ пріѣхать на станцію раньше насъ и приготовить лошадей. Это 25 верстъ—со стороны.

Слѣдующія четыре версты мы не мѣняемъ нашей скорости, но на послѣдней ямщикъ не можетъ удержаться, чтобы не потѣшить насъ, не потѣшиться самому и не щегольнуть передъ сосѣдней деревней своими конями. Визгъ и крики начинаются уже на нашихъ козлахъ. Вся четверня подымается въ бѣшеный галопъ. Съ вели-

чайшей поспѣшностью мы задергиваемъ фартуки, опускаемъ зонтъ, закрываемся пледами, но всетаки два, три грязныхъ блина попадаютъ внутрь экипажа и украшаютъ собою наши вещи, а то такъ и физіономіи. Далѣе мы ничего не видимъ и только чувствуемъ, что летимъ. Летимъ и думаемъ: о томъ, что можетъ свалиться колесо; о томъ, что попадется дырявый мостъ; о томъ, что̀ произойдетъ, если поскользнется и свалится одна изъ дышловыхъ. Минута, полторы—и останавливаемся. Съ тарантаса стекаетъ грязь фантастическими фестонами. Отпряженныя лошади едва отходятъ нѣсколько шаговъ въ сторону и стоятъ, понуривъ головы, съ помутившимися глазами, хлопая боками. Ямщикъ, протягивающій руку за гостинцемъ,—совершенно Адамъ, въ черновомъ видѣ: до такой степени онъ облѣпленъ грязью. Когда онъ открываетъ ротъ, чтобы поблагодарить, у него и во рту оказывается грязь. Это—25 верстъ испытанныя самолично.

— Еслибы это были наши россейскія лошади, вся четверка околѣла-бы, говорили мы.

— А нашимъ ничего, наша скотина сибирская!

Первая отъ Тюмени станція — знакомая мнѣ мѣстность, которую я видалъ шесть лѣтъ тому назадъ, проѣзжая изъ Троицка въ Златоустъ. Это — земледѣльческая полоса Западной Сибири, тянущаяся отъ Урала до Оби. Южнѣй ея—киргизскія степи; сѣвернѣй — полоса лѣсовъ; еще сѣвернѣй—тундры. Земледѣльческая Западная Сибирь—громадная равнина, перерѣзанная правильными «гривами», грядами, не выше пяти саженей надъ общимъ уровнемъ страны, шириной отъ нѣсколькихъ десятковъ саженей до двадцати верстъ, раздѣленными ложбинами, тоже разной ширины. Въ ложбинахъ — солонцы, болота, а въ Барабинской степи, дальше на востокъ, къ Алтаю, — безчисленныя озера, прѣсныя, соленыя и горькія. На гривахъ почва черноземная, хотя ея черноземъ далеко не такъ тученъ, какъ русскій. Гдѣ-нибудь въ Курскѣ пахали не одно столѣтіе, прежде чѣмъ истощили эту удивительную почву; здѣсь-же земля служитъ не дольше пятнадцати лѣтъ и потомъ ее приходится бросать. Эта равнина, однако, не безлѣсная степь. Когда-то здѣсь были настоящіе лѣса, надо пола-

гать, даже хвойные, но необходимость послѣ истощенія почвы раздѣлывать все новыя и новыя поля повела къ быстрому истребленію лѣсовъ. Этому помогли еще и сибирскіе «палы». Въ Сибири некошенныхъ и нетоптанныхъ травъ много. На зиму подъ ихъ защиту прячется «гнусъ»,—оводы, слѣпни, комары и мошки. А гнусъ въ Сибири, это—казнь египетская. Вотъ, личинки «гнуса» и истребляются палами. Весною, когда подсохнетъ прошлогодняя трава, пускаютъ по вѣтру огонь, который и сжигаетъ ее вмѣстѣ съ гнусомъ. Отъ этихъ паловъ еще и другая польза: лучше растетъ новая трава. Но и вредъ отъ паловъ огромный. Огонь пускается зря. Гдѣ онъ остановится, куда онъ зайдетъ, куда перекинется, объ этомъ не заботятся. И огонь идетъ куда хочетъ, заходитъ въ лѣса, и тутъ начинаетъ работать во всю, пользуясь сухимъ валежникомъ, взбирается по стволамъ къ вѣтвямъ, и, если лѣсъ хвойный,—онъ весь въ огнѣ. Въ нѣсколько часовъ истребляются огромныя пространства сосновыхъ, еловыхъ и кедровыхъ лѣсовъ, на мѣстѣ которыхъ засѣдаетъ березникъ и осинникъ. Вся заселенная часть Западной Сибири—эти березники и осинники, отъ Челябы до Томска, отъ Тобольска до линіи желѣзной дороги. Береза и осина, въ свой чередъ, подверглись нападенію человѣка, который изводитъ ихъ, не давши хорошенько вырости, на дрова, или расчищаетъ подъ пашню взамѣнъ брошенныхъ выпаханныхъ полей. Въ концѣ концовъ, дерево, толще оглобли, въ Западной Сибири рѣдкость, а на рощицу строевыхъ деревъ смотришь съ восхищеніемъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ эти рощи оказываются татарскими и бухарскими кладбищами. Сибирская желѣзная дорога серьезно начинаетъ подумывать о томъ, что для нея выгоднѣй: дрова, или нефть, или каменный уголь?

Итакъ, первая станція — типичная западно-сибирская «березовая степь», опредѣленіе, которое обыкновенно присваивается одной Барабѣ, части сибирской равнины. Плоская черная земля, широкая дорога и разбѣгающіяся во всѣ стороны молоденькія березовыя рощицы. Видъ однообразный, а такъ-какъ небо сѣро и моросить дождь, то и унылый. По выѣздѣ изъ Тюмени скоро нагоняемъ

большую партію ссыльныхъ. Жуткое зрѣлище! И не потому, чтобы тутъ были какіе-либо ужасы. Кандаловъ мало. Никого не гонятъ, и идутъ совсѣмъ не спѣша, еле переступая ногами. Лица не представляютъ ничего звѣрскаго. Солдаты, съ ружьями, имѣютъ видъ мирный и идутъ сами по себѣ, а ссыльные сами по себѣ. Многіе изъ послѣднихъ отстаютъ, или отходятъ въ сторону, къ окраинѣ дороги, и торгуются съ бабами и дѣвками придорожныхъ деревень, вынесшими на продажу разную снѣдь. Все попросту, халатно, по-русски. Но жуткое впечатлѣніе производитъ выраженіе этихъ лицъ. Всѣ смотрятъ развязно, «форсисто». Всѣ дѣлаютъ видъ, что ничего особеннаго не случилось. Всѣ стараются быть какъ-будто веселыми. Вотъ, шагаетъ по самой серединѣ дороги высокій молодой худой малый. Арестантская шапка набекрень, сѣрый халатъ, несмотря на холодъ, въ накидку. Онъ идетъ и на ходу что-то разсказываетъ, въ самомъ, повидимому, безпечномъ настроеніи. Онъ разсказываетъ что-то интересное, потому-что окруженъ группой слушателей, которые жмутся къ нему и съ боковъ и сзади. Разсказчикъ дѣлаетъ видъ, что онъ совершенно, какъ дома, что все обстоитъ благополучно, что онъ тутъ лицо съ вѣсомъ и пользуется уваженіемъ: вѣдь, вотъ какъ къ нему жмутся. Но въ то мгновеніе, когда нашъ тарантасъ промелькнулъ мимо него, онъ чуть приподнялъ опущенныя вѣки устремленныхъ на дорогу, подъ его ногами, глазъ, чуть скосилъ глаза въ нашу сторону, и мы въ это мгновеніе могли прочесть въ нихъ, и зависть къ намъ, свободнымъ, и признаніе въ томъ, что ему вовсе «не все равно», что его развязность вымученная, и что на душѣ и сердцѣ безконечная тоска. Лицо было сѣро-желтое, — арестантское. Губы тонкія, съ бѣлымъ налетомъ. Тонкій правильный носъ. Глаза—большіе, свѣтлосѣрые, въ оправѣ черныхъ рѣсницъ.

На второй станціи пейзажъ измѣнился. Оказывается, Тюмень на самомъ краешкѣ «березовой степи» и на рубежѣ лѣсной полосы Сибири. Начиная со второй станціи, мы уже вступили въ эту послѣднюю. Черноземъ встрѣчается только отдѣльными кусками; почва—то супесь, то настоящій песокъ. Начали попадаться сосновые лѣса,

средняго возраста, конечно, тоже попорченные пожаромъ. «Гривы» становятся круче и перемежаются съ глубокими ложбинами, мѣстами съ болотами. Изрѣдка лѣсъ разступается, и мы видимъ, что ѣдемъ вдоль Туры, которая течетъ въ такомъ-же провалѣ, какъ и подъ Тюменью.

Третій перегонъ. Дождь все сильнѣе, дорога все грязнѣе, ѣдемъ все медленнѣй, но толчки увеличиваются, сѣно подъ нами расползается, пристяжныя, словно нарочно, швыряютъ къ намъ въ тарантасъ все большіе комки грязи. Попадаются горки, попадаются гати, а на нихъ нашъ экипажъ такъ подпрыгиваетъ, что мы сами приказываемъ ѣхать тише. Понемногу смеркается, и настаетъ ночь, черная, какъ уголь. Нашъ засѣдатель, когда остаются до станціи положенныя пять верстъ, съ обычными воплями и свистами своего ямщика, обгоняетъ насъ и исчезаетъ въ темнотѣ. Лошади-ли наши пристали подъ тяжелымъ экипажемъ, или ямщикъ плохо въ темнотѣ видитъ, но ѣдемъ мы все тише и тише, а ямщикъ что-то начинаетъ ворчать себѣ подъ-носъ. Мы прислушиваемся,— ворчитъ о скверномъ мостѣ, который впереди. Вотъ и мостъ. Передъ самымъ мостомъ стали.

— Что случилось?

— Надо посмотрѣть, цѣлъ-ли мостъ?

— Да, вѣдь, засѣдатель сейчасъ во всю прыть тутъ пролетѣлъ.

Ямщикъ молчитъ и слѣзаетъ съ козелъ.

Темная ночь, засѣдатель насъ покинулъ, мостъ—любимое пристанище разнаго рода сибирскихъ «дорожныхъ мастеровъ». Мы съ понятной внимательностью начинаемъ слѣдить, насколько позволяетъ темнота, за дѣйствіями ямщика.

Ямщикъ пошолъ къ мосту и наткнулся на ограду откоса, налѣво. Неувѣреннымъ шагомъ пошолъ онъ направо, и слышно было, какъ и тутъ наткнулся на мостовыя перила. Ямщикъ беретъ дышловыхъ подъ уздцы и переводитъ лошадей черезъ мостъ. Ясно, ямщикъ плохо видитъ въ темнотѣ, но впечатлѣніе есть:—Сибирь, ночь, дождь, вѣтеръ треплетъ крылья экипажнаго фартука, на пять верстъ вокругъ ни души, съ нами—никакого иного оружія, кромѣ гильотинки для обрѣзыванія сигаръ, нѣтъ.

Почти шагомъ доѣзжаемъ мы до парома, черезъ Тоболъ. На томъ берегу свѣтятся огоньки большого села, Іевлева, гдѣ мы рѣшили заночевать, но до нихъ надо еще добраться.

— Паромъ! Паро-о-омъ! кричимъ мы.

— Идетъ! слабо доносится откуда-то очень издалека.

Смотримъ на голосъ и въ черной тьмѣ видимъ два слабо мерцающихъ огонька. Огоньки видны внизу,—значитъ, мы на горѣ. Каковъ-то спускъ? Умѣютъ-ли спускать лошади? Глинистый спускъ или песчаный? Скатимся мы по глинѣ, какъ по ледяной горѣ, и угодимъ въ Тоболъ по милости ямщика, плохо видящаго въ темнотѣ, или благополучно и помаленьку, тормозимые пескомъ, попадемъ на паромъ?

Паромъ присталъ къ нашему берегу, и чрезъ минуту нашъ тарантасъ окружонъ полудюжиной какихъ-то невидимыхъ въ темнотѣ людей. Только одинъ держитъ фонарь, который освѣщаетъ ему бороду, отбрасывая тѣни усовъ и носа на лицо.

— Ребята, затормозить надо! говоримъ мы этимъ невидимымъ людямъ.

— О, пожалуйста, не безпокойтесь! Мы основательно знакомы съ мѣстными условіями и все сдѣлаемъ въ наилучшей формѣ, отвѣчаетъ изъ тьмы чей-то голосъ.

— Затормозите-же колеса!

— Такъ точно, ваше превосходительство, отзывается другой невидимый человѣкъ.

— Ты солдатъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Въ настоящее время сосланный по приговору общества.

И затѣмъ нѣсколько голосовъ:

— Идзѣ ты дручокъ нашъ подзѣлъ?

— «Подзѣлъ! подзѣлъ!» Самъ куда его забросилъ послѣ засѣдателя?! Тормози теперь, чѣмъ хочешь, литва!

— Ну, ребятушки! Ну, ребятушки! Держи рукамъ за колеса-тѣ. Дрючковъ вашихъ искать—фонарей газовыхъ нѣту... Трогай!

Четверть часа тишины и кажущейся неподвижности: мы переѣзжаемъ на паромѣ черезъ Тоболъ. Тьма, молчаніе, мѣрный плескъ воды, тяжелое дыханіе и глухой то-

потъ мокрыхъ ногъ перевозчиковъ, тянущихъ мокрый канатъ, по сибирскому обычаю опущенный на дно рѣки. Кто эти люди? Кому принадлежитъ этотъ интеллигентный теноръ, завѣрявшій, что онъ «знакомъ съ мѣстными условіями»? Изъ какой губерніи этотъ «литва», который спрашивалъ, куда «подзѣли дручокъ». Владимірецъ или костромичъ—этотъ человѣкъ, употребляющій, словно болгаринъ, частицы—отъ, та, то: «колеса-тѣ»?

— На чаишко-бы, ваше высокородіе! восклицаетъ у самаго уха солдатскій голосъ.

«На чаишко» дано, вся загадочная компанія на рукахъ подымаетъ нашъ тарантасъ на склизкую глинистую гору,—и мы въ теплой и свѣтлой общественной квартирѣ, въ Іевлевѣ. Шипитъ самоваръ. На сковородѣ яичница. На окнахъ—филодендроны, фикусы, глоксиніи и пиретрумы въ цвѣту. Обязательный засѣдатель приглашаетъ насъ къ столу.

III.

Общественная квартира помѣщается въ крестьянской избѣ, но изба эта особенная, сибирская, какъ особенныя тутъ и деревни. Это—цѣлые городки, съ одной, двумя или тремя улицами. Избы слѣдуетъ величать домами, изъ которыхъ много двухъэтажныхъ, часто каменныхъ. Только при въѣздѣ найдется съ десятокъ убогихъ хижинъ; но это сосланные, приписанные къ старожильскимъ обществамъ.

Мы теперь сидимъ и грѣемся во второмъ этажѣ сибирской избы. Нѣсколько комнатъ, конечно, маленькихъ, конечно, низкихъ, какія любятъ нагораживать и въ европейской Россіи мелкіе купцы въ уѣздныхъ городахъ, но замѣчательно чистыхъ. Мебель городская и не дешевая. Хорошая лампа, подсвѣчники. На окнахъ кисейныя занавѣски, на стѣнахъ картинки и фотографіи; во всѣхъ комнатахъ множество зелени и цвѣтовъ, притомъ не какихъ-нибудь гераней и бальзаминовъ, а довольно рѣдкихъ, за которыми ухаживать надо умѣючи. Въ сибирскихъ деревняхъ нѣтъ дома, гдѣ-бы не было множества цвѣтовъ; даже у ссыльныхъ на ихъ маленькихъ и кривыхъ окошкахъ видишь розы и гвоздики.

Богато живутъ старожилы. Сыты въ Сибири вездѣ, но такой достатокъ и такая культурность, какіе мы видимъ теперь, встрѣчаются не повсемѣстно. Это принадлежность селъ, расположенныхъ по большимъ трактамъ, занимающихся извозомъ и почтовой гоньбой. Говорятъ, встарину ямщицкія села между Петербургомъ и Москвой были такія-же богатыя и красивыя, и упали послѣ постройки николаевской желѣзной дороги. Такая-же судьба предстоитъ и сибирякамъ; они это понимаютъ и потому ворчатъ на желѣзную дорогу.

Села на большихъ трактахъ богатѣютъ не всегда отъ трудовъ праведныхъ. Однимъ изъ самыхъ прибыльныхъ, но темныхъ промысловъ, до проведенія желѣзной дороги было «срѣзываніе чаевъ». «Работали» чаерѣзы такъ. Съ наступленіемъ зимы шли по большому тракту обозы съ чаемъ. Шли и днемъ и ночью. Когда смеркнется, чаерѣзъ съ товарищемъ выѣзжаетъ на дорогу и дожидается обоза. Лошадь съ санками и товарищемъ прячется въ сторонѣ, гдѣ-нибудь въ кустахъ или въ перелѣскѣ, а самъ чаерѣзъ плотно закутывается въ бѣлую простыню и ложится въ снѣгъ у края дороги, у самой колеи. Въ обозѣ извозчики — не на каждой подводѣ, а на три, на четыре по одному, да и тѣ иной разъ спятъ или дремлютъ. Вотъ, чаерѣзъ и примѣчаетъ, на какихъ саняхъ нѣтъ человѣка,—на тѣ и сваливается, норовя лечь на отводъ саней. Извозчикъ иной разъ и оглянется на другія сани и увидитъ, что на отводѣ что-то лежитъ, но приметъ закутаннаго въ бѣлую простыню человѣка за кусокъ снѣга, захваченный санями при раскатѣ, и не обратитъ вниманія. А чаерѣзъ тѣмъ временемъ и рѣжетъ. Сброситъ одинъ цибикъ, сброситъ другой, а потомъ и самъ свалится. Когда обозъ отойдетъ подальше, цибики— на сани и домой. А вѣдь въ каждомъ цибикѣ товара рублей на двѣсти, на четыреста. Занятіе чрезвычайно прибыльное, но и рискованное. Извозчики съ чаерѣзами расправлялись безъ всякой жалости, нетолько не признавая суда, но и обыкновеннымъ битьемъ не довольствуясь, а прямо убивали на смерть. Встарь убивали кистенями, а въ послѣднее время шли въ дѣло большею частью револьверы.

Какъ читатель видитъ, нравы въ Сибири въ прямомъ смыслѣ «жестокіе». Мертвое тѣло тутъ мало кого удивляетъ и волнуетъ. Дюжина оттаявшихъ весною чаерѣзовъ въ участкѣ засѣдателя было обычнымъ и правильно повторяющимся явленіемъ. Вообще, сибирскій крестьянинъ жестокъ и суровъ. Типы лицъ самые разнообразные, но всегда съ болѣе или менѣе значительной примѣсью инородческихъ чертъ. Есть черные, какъ цыгане, съ горбатыми носами и большими глазами. Попадаются рыжіе, востроносые и долгоносые, съ свѣтло-сѣрыми маленькими глазками, какіе-то, нето зыряне, нето остяки. То прямые монгольскіе волосы, то курчавыя шапки волосъ. Многихъ не назвалъ-бы русскими, еслибы не ихъ русскій языкъ. Преобладающее большинство — блондины съ волосами, какъ-будто запыленными, и сѣроватымъ цвѣтомъ лица. Ростъ выше средняго, довольно стройный. Отличительная особенность сибиряка — легкая и свободная манера держаться. Никакой натянутости и напряженности въ движеніяхъ и въ рѣчахъ. Предъ начальствомъ онъ спокоенъ и достоенъ, съ своимъ братомъ суровъ, къ посторроннимъ относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Намъ какъ-то пришлось свернуть съ пути первоначально предположеннаго и проѣхать по деревнямъ, гдѣ насъ не ждали. Тутъ большого труда стоило, нетолько заставить быстро запречь лошадей, но просто достучаться мужика въ окно. Насилу подойдетъ, лѣниво отворитъ окно, равнодушно выслушаетъ, и все съ такимъ видомъ, что провалились-бы вы, только-бы меня не безпокоили. Даже прогоны, усиленные хорошими на-чаями, не были въ состояніи расшевелить равнодушнаго ко всему, кромѣ себя, сибиряка. И во всемъ онъ таковъ. Кромѣ пристрастія къ цвѣтамъ, у него, повидимому, нѣтъ другихъ художественныхъ влеченій. Даже пѣсенъ вы не услышите по сибирскимъ деревнямъ. Даже ямщики обходятся безъ обычныхъ присвистовъ, приговариваній и прикрикиваній, переходящихъ въ пѣсню. Сибирскій голосъ грубый, глухой и хриплый. Ямщикъ больше рычитъ, чѣмъ кричитъ, и совсѣмъ не находитъ ласковыхъ словъ, которыми сопровождаетъ ѣзду русскій ямщикъ. Сколько мы ни ѣздили на почтовыхъ, только и слышали два слова: «скотина»,

да еще какая-то «бараба»,—которыми поощряли сибиряки своихъ лосеобразныхъ коней. Объ украшенiи внѣшности своихъ домовъ сибирякъ тоже мало заботится. Поставилъ стѣны, накрылъ ихъ крышей,—и ладно. До церквей, которыми такъ украсили свои сѣрые городки и деревни и свою сѣрую жизнь европейскiе великоруссы, сибирякъ совсѣмъ не охотникъ, да, говорятъ, и къ религiи онъ равнодушенъ. Церкви, которыя намъ попадались, нетолько въ городахъ, но и въ деревняхъ, какъ старыя, XVII вѣка, такъ и самыя новыя,—по большей части правительственной постройки и на казенный счетъ украшенныя.

Завязавъ въ Iевлевѣ первое знакомство съ сибирской деревней, рано утромъ, 2-го сентября, мы выѣхали въ дальнѣйшiй путь. Мѣстность становится все болѣе лѣсистой, сибирскiя «гривы» дѣлаются выше и начинаютъ походить на холмы. Попалось два, три взгорка съ эффектнымъ видомъ осенняго сибирскаго лѣса. Золотыя березы, бронзовый листъ липы, пурпурныя осины, а между ними зеленочерныя тонкiя и стройныя, какъ кипарисы, съ острыми и нѣсколько склоненными на бокъ верхушками, пихты. Раза два проѣхали мимо небольшихъ кедровыхъ рощъ. Прекрасное дерево, съ длинной, мохнатой, глубокаго зеленаго тона хвоей, съ гладкой корой, по общему впечатлѣнiю нѣчто среднее между сосной и елью. Кедръ—единственное «плодовое» дерево Сибири, притомъ дающее немалый доходъ. Гдѣ его много, его не берегутъ, срубая столѣтнiя деревья, чтобы обобрать шишки. Гдѣ имъ дорожатъ, тамъ его уже мало, какъ, напримѣръ, тутъ.

До Iевлева мы ѣхали вдоль Туры; теперь ѣдемъ вдоль Тобола, рѣки большой и широкой. По ея берегамъ расположены и села, и ихъ поля и сѣнокосы. Все жмется къ рѣкѣ, влѣво. Вправо все время тянется полоса лѣса. Что тамъ, за лѣсомъ? спрашиваемъ мы.—Болото.—А въ болотѣ что?—Ничего, и людей нѣтъ.—Въ огромной части Сибири, именно въ лѣсной ея полосѣ, населены только ближайшiя прибрежья рѣкъ, дренированныя потоками. Дальше вглубь страны,—пустыня лѣсовъ и болотъ, безъ дорогъ и людей, извѣстная только инородцамъ, да охотникамъ, промышляющимъ звѣрей и птицу. Около пяти часовъ вечера мы уже на берегу огромнаго потока,

Иртыша. Вдали на горѣ бѣлѣются кремль и церкви Тобольска.

IV.

Тобольскъ, «царствующій градъ Сибирь», какъ называется онъ на крестѣ, пожалованномъ царемъ Михаиломъ первому тобольскому архіепископу, Кипріану, издали красивъ, даже эффектенъ и показывается пріѣхавшимъ сухимъ путемъ неожиданно. Когда мы подъѣхали къ Иртышу, потоку въ триста саженей ширины и въ 6—10 саженей глубины, на противоположной сторонѣ его мы увидѣли высокій и обрывистый берегъ, съ ровнымъ, какъ по линейкѣ обрѣзаннымъ верхомъ, безъ признаковъ жилья. Нашъ экипажъ поставили на паромъ, паромъ отчалилъ, и десятка полтора татаръ, съ криками, принялись грести. Гребли и кричали такъ, какъ-будто мы убѣгали отъ какой-то ужасной опасности. Мы подвигались впередъ быстро и очень скоро причалили къ противоположному берегу. Снова крики, снова татарскія лица, встревоженныя крайней опасностью. Нашъ тарантасъ на рукахъ поднимаютъ на крутой взъѣздъ, и мы видимъ вдали Тобольскъ.

Своеобразная, чисто сибирская картина. Налѣво сырая равнина, сливающаяся съ горизонтомъ. Направо почти отвѣсная стѣна горы, стѣна безъ перерыва, безъ промоинъ и размывовъ,—совсѣмъ заборъ. Сходство съ заборомъ еще увеличивается тѣмъ, что верхъ горы ровный. Этотъ заборъ идетъ отъ рѣки въ глубь и на разстояніи трехъ верстъ почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ влѣво—и показываетъ намъ Тобольскъ, расположенный на его темени. Бѣлыя златоглавыя церкви, бѣлые длинные казенные дома, бѣлыя каменныя стѣны. Привычное и красивое зрѣлище кремля старыхъ русскихъ городовъ. Но тутъ кремль производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Онъ стоитъ на азіатской землѣ. Этотъ гигантскій земляной заборъ, эта тундрообразная равнина, эта неуклюжесть и геометрическая простота пейзажа, все это— нерусское. Начало сентября смотритъ концомъ русскаго октября. Сѣрое низкое небо, такое-же безграничное, какъ

и равнина, подходящая къ горному забору. Неперестающій мелкій дождикъ. Порывистый вѣтеръ, гуляющій на всей свободѣ по равнинѣ и Иртышу, плещущему волнами. Въ Россіи этакого пейзажа и зрѣлища нѣтъ. Это Сибирь, въ глухую осень, безконечная, холодная, мрачная, сѣрая, однообразная. И эту Сибирь подчинилъ себѣ бѣлый златоглавый русскій кремль.

У Тобольска есть порядочный кусокъ исторіи, которая поучительна, какъ страница исторіи развитія нашей культуры.

Глава первая исторіи Тобольска, это—его завоеваніе. Завоеваніе совершенно русское. Русская власть рѣдко предпринимала завоеванія. Если она покоряла, то въ видахъ самозащиты, а не потому, чтобы хотѣлось поживиться чужимъ добромъ. Власть всегда имѣла дѣлъ по горло, больше, чѣмъ могла сдѣлать,—съ какой-же стати наваливать на себя еще новыя обязанности и заботы! Всегда было мало людей для чиновниковъ, денегъ на жалованье чиновникамъ, солдатъ и ружей, чтобы защищать огромную территорію, средствъ, чтобы привести страну и народъ въ порядокъ: устроить дороги и мосты, построить школы и церкви, завести лѣкарей, сборщиковъ податей, полицейскихъ, учителей. Вся наша исторія и до сего дня—постоянная «нехватка» средствъ, живыхъ и мертвыхъ, съ помощью которыхъ власть и культурные классы распространяютъ въ темныхъ массахъ цивилизацію, внѣшнюю и внутреннюю. На каждое новое завоеваніе, на всякое новое расширеніе государственной территоріи рѣшались скрѣпя сердце и вынужденные необходимостью. Такъ оно было встарину, такъ оно и теперь въ нашемъ роковомъ наступленіи все дальше и дальше въ Азію, на югъ и востокъ.

Сибирь была завоевана «самовольно», разбойниками, которыхъ приличія ради называютъ казаками. Эти казаки были выписаны въ Пермь Строгановыми съ Волги, гдѣ «казаки» промышляли разбоемъ, и наняты въ защитники отъ инородцевъ. Отъ инородцевъ сначала дѣйствительно только зашищались, потомъ стали на нихъ нападать, потомъ казаки разлакомились, прослышали про богатыхъ нехристей Сибири, напали на нихъ, хорошенько ограбили,

а кстати и покорили, чтобы тѣ на будущее время добровольно и сами, не причиняя особыхъ хлопотъ покорителямъ, доставляли ясакъ.

Глава первая окончена, самовольное завоеваніе совершилось. Но и въ Россіи есть предѣлъ самоволію, а въ эпоху покоренія Сибири предѣлы были, если не тѣсные, то строгіе: царилъ царь Иванъ Грозный. Казакамъ онъ былъ-бы и не страшенъ, потому-что разбойничали-же они на Волгѣ,—а въ Сибири разбойничать было-бы и совсѣмъ свободно, на всемъ пространствѣ отъ Урала до Берингова пролива, чѣмъ и воспользовались преемники Ермака. Но забезпокоились Строгановы, которымъ нельзя было унести всѣхъ своихъ богатствъ въ сибирскіе урманы и тайги. Они порѣшили заставить своихъ казаковъ поднести грозному царю завоеванную Сибирь. Съ какими чувствами отправлялись въ Москву со своимъ подаркомъ завоеватели, не берусь судить, но думаю, что съ неособенно пріятными. Не то чтобы они думали, что откажутся отъ подарка: это было-бы недостойно,—не взять того, что добыли «людишки». Подарокъ-то возьмутъ, но за «своеволіе» могутъ взыскать. Однако, дѣло обошлось благополучно, сибирскіе Кортецы остались съ головами, не попали ни на колъ, ни на плаху, ни въ веревочную петлю. Сибирь объявлена присоединенной къ Россіи,— и начинается глава вторая ея исторіи, насажденіе гражданственности, культуры и религіознаго просвѣщенія.

Съ этимъ вышла, однако, отсрочка по случаю скоро наступившаго смутнаго времени на Руси, когда власть шаталась, временами и совсѣмъ упразднялась, а государству было не до расширенія, а только-бы уцѣлѣть и устоять. Этимъ временемъ самовольные завоеватели воспользовались, чтобы пожить по-своему. Въ Тобольскѣ сидятъ воеводы, но ихъ едва-ли очень боятся. Воеводы все строятся, все рубятъ церкви, избы и стѣны, а ихъ постройки все жгутъ. Казачки-разбойнички гуляютъ по окрестностямъ и собираютъ дани съ инородцевъ. Во время одного изъ такихъ походовъ утонулъ Ермакъ, оправдавъ свое прозвище, которое означаетъ жерновъ. Живутъ шумно, весело и пріятно, но нельзя сказать, чтобы нравственно и культурно. Первый тобольскій архіепископъ,

Кипріанъ Старорусcенниковъ, поставленный въ 1620 г., прибывъ въ Сибирь, ужаснулся нравамъ, которые выросли и привились тамъ за тридцать лѣтъ, прошедшихъ съ водворенія въ Тобольскѣ его соотечественниковъ. Вотъ, какая картина представилась ему. «По прибытіи въ Сибирь, преосвященный нашелъ въ ней растлѣніе нравовъ, дошедшее до высшей степени безобразія. Порокъ этотъ существовалъ преимущественно между первыми русскими переселенцами, холостыми казаками. Хотя приселялись сюда обыватели и изъ внутренней Россіи, съ семействами своими, но, несмотря на это, всетаки существовалъ недостатокъ въ русскихъ женщинахъ. По этой причинѣ, казаки и другіе поселенцы, пришедшіе въ Сибирь одиночками, и жили въ противозаконной связи съ дочерьми татаръ, калмыковъ, остяковъ и вогуловъ. Отправляясь въ Москву для доставленія ясака или по другимъ дѣламъ, сибирскіе казаки женились въ Россіи по нѣскольку разъ, а также, щеголяя тамъ въ лисьихъ и дорогихъ шубахъ, хвастались своимъ богатствомъ и посредствомъ разныхъ обольщеній сманивали и увозили съ собою въ Сибирь, не только дѣвицъ, но и молодыхъ замужнихъ женщинъ. По возвращеніи въ Сибирь, лишнихъ женъ и похищенныхъ дѣвицъ они проигрывали въ зернь (кости и карты), закладывали въ нѣсколькихъ рубляхъ, или даже продавали другимъ холостымъ обывателямъ. Преосвященный Кипріанъ всѣми мѣрами старался объ искорененіи этихъ беззаконій, нерѣдко покровительствуемыхъ даже воеводами, но, какъ старанія его не сопровождались желаемымъ успѣхомъ, то онъ и нашелся вынужденнымъ послать государю жалобу на воеводу Матвѣя Годунова и другихъ правителей сибирскихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1623 году присланы быди изъ Москвы сыщикъ (слѣдователь) Иванъ Спасителевъ и подьячій Арефа Башмаковъ. Замѣтивъ, что въ Туринскомъ Покровскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1604 году, монахи съ монахинями жили вмѣстѣ и не было у нихъ, кромѣ одного священника, ни игумена, ни игуменьи, владыко послалъ туда іеромонаха Макарія съ двумя монахами, строго поручивъ имъ привести монастырь въ

должный порядокъ» *). Архіепископъ Кипріанъ вовсе не былъ суровымъ монахомъ, который преувеличивалъ-бы степень паденія нравовъ. Это былъ живой, любознательрый и отзывчивый человѣкъ. Стараясь о благосостояніи церкви, преосвященный Кипріанъ не забылъ и о первыхъ завоевателяхъ Сибири. На другой годъ по пріѣздѣ своемъ въ Тобольскъ онъ призвалъ къ себѣ оставшихся еще въ живыхъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, разспросилъ ихъ подробно о сраженіяхъ съ татарами, сколько было дружины, и кто изъ нея и гдѣ былъ убитъ. Казаки доставили ему письменныя свѣдѣнія, которыя онъ сличилъ, дополнилъ другими свѣдѣніями и такимъ образомъ составилъ первую сибирскую лѣтопись. Имена Ермака и казаковъ, убитыхъ при покореніи Сибири, преосвященный записалъ въ синодикъ соборной Софійской церкви и заповѣдалъ каждогодно въ недѣлю православія въ соборѣ протодіакону *кликами* воспоминать имена ихъ и возглашать имъ вѣчную память.

Съ архіепископа Кипріана и начинается культурная исторія Тобольска и Сибири. Сибирскія лѣтописи и записи хранятъ память о рядѣ тобольскихъ воеводъ, намѣстниковъ и губернаторовъ, которые въ далекой Сибири являются несравненно болѣе видными должностными лицами, чѣмъ въ европейской Россіи. Ихъ дѣятельность памятна населенію, ихъ личности интересовали сибиряковъ, и сибиряки оставили потомству письменные ихъ портреты. Наиболѣе выдающіеся изъ этихъ сибирскихъ владыкъ, какъ въ зеркалѣ, отражаютъ характерныя черты и стремленія своихъ эпохъ. На фонѣ такой tabula rasa, какъ Сибирь, ихъ фигуры рисуются особенно отчетливо.

Сначала идутъ московскіе воеводы, до 1708 года. О нихъ осталась дурная слава. Само правительство не оставляло ихъ на мѣстѣ болѣе двухъ, трехъ лѣтъ, а потомъ поскорѣй отзывало въ Москву. Архіепископы тобольскіе, то-и-дѣло, шлютъ на нихъ жалобы. Митрополитъ сибирскій Павелъ I отлучилъ отъ церкви товарища тобольскаго воеводы, Приклонскаго, за беззаконія и развратную жизнь.

---

*) Гольдниковъ. Тобольскъ и его окрестности.

Первымъ тобольскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сибирскимъ губернаторомъ былъ князь Матвѣй Гагаринъ. Это типичный «птенецъ гнѣзда Петрова»,—подъ конецъ замаравшій гнѣздо. Неутомимая дѣятельность, свѣтлый умъ, смѣлые замыслы уживались въ немъ рядомъ съ лихоимствомъ и казнокрадствомъ. Онъ стремится завести торговыя сношенія съ Японіей, изслѣдуетъ восточную Сибирь до ея предѣловъ, предполагаетъ завоевать китайскую Джунгарію, гдѣ имѣются золотыя розсыпи, измѣняетъ теченіе Тобола, отведя его русло отъ Тобольска, такъ-какъ напоромъ воды этой рѣки подмывало городской берегъ; онъ распространяетъ ремесла, заводитъ школы, строитъ церкви, дѣлаетъ въ нихъ богатѣйшіе вклады, — но все это не мѣшаетъ ему быть лихимъ взяточникомъ и мздоимцемъ. Это доходитъ до царя Петра, который посылаетъ на тайное дознаніе какого-то полковника, имени котораго не сохранилось. Полковникъ скрылъ правду. Но въ одно время съ полковникомъ посылается другой, еще болѣе тайный слѣдователь, который изобличаетъ и Гагарина, и полковника. Послѣдній приговоренъ къ смерти. Онъ проситъ Петра о помилованіи ради многихъ своихъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ. Царь цѣлуетъ раны, но все-таки велитъ казнить согрѣшившаго стараго воина. Гагаринъ былъ повѣшенъ въ Петербургѣ противъ оконъ юстицъ-коллегіи, откуда на казнь смотрѣли царь и сенаторы. Чиновники грѣшили, но и много дѣлали хорошаго, чего безъ нихъ потомки казачковъ-разбойничковъ одними своими силами не сдѣлали-бы; чиновники грѣшили, но и ихъ жизнь была не сладка: ихъ казнили, не только за вину, но часто и безъ вины. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить тобольскій губернаторъ, Соймоновъ.

Въ молодости Соймоновъ находился въ свитѣ Петра и однажды спасъ ему жизнь. При Аннѣ Соймоновъ, будучи генералъ-кригсъ-коммиссаромъ, за дружбу съ Артеміемъ Волынскимъ былъ битъ кнутомъ и, съ вырваніемъ ноздрей, сосланъ въ Сибирь на вѣчную каторжную работу. Съ воцареніемъ Елизаветы о немъ вспомнили и послали его отыскать. Посланный изъѣздилъ всю Сибирь, но безуспѣшно. Оставался одинъ пунктъ, гдѣ могъ быть

Соймоновъ,—это Охотскъ, на берегу океана, гдѣ каторжники вываривали соль изъ морской воды. Но и тамъ не оказалось сосланнаго. Наканунѣ отъѣзда изъ Охотска посланецъ, зайдя въ хлѣбопекарню, спросилъ кухарку, нѣтъ-ли на заводѣ Соймонова. Баба въ отвѣтъ указала на темный уголъ, гдѣ, по ея словамъ, валяется какой-то хворый Ѳедька-варнакъ.

— Не вы-ли Ѳеодоръ Ивановичъ Соймоновъ? наудачу спросилъ больнаго посланецъ.

— Да, государь мой, было время, когда я именовался Ѳеодоромъ Ивановичемъ Соймоновымъ, но теперь предъ вами всего лишь несчастный Ѳедоръ Ивановъ.

Соймонова прикрыли знаменемъ, возвратили шпагу; вырѣзавъ кусокъ мяса изъ правой руки пониже плеча, приростили его къ ноздрямъ, и вскорѣ бывшаго каторжника сдѣлали тобольскимъ губернаторомъ.

Этотъ чиновникъ—тоже «петровецъ», но иного типа, чѣмъ Гагаринъ. Тотъ былъ меншиковскаго пошиба, геній, но и хищникъ. Соймоновъ, даровитый, но скромный и въ высшей степени честный труженикъ,—талантливый Третьяковскій. Безъ шума, кротко, но настойчиво, онъ упорядочивалъ свою Сибирь, пока не усталъ и не попросился въ отставку. На покоѣ онъ прожилъ еще четырнадцать лѣтъ и умеръ на девяносто-девятомъ году отъ роду. Послѣ него остались ученые труды по русской географіи, по мореходству и астрономіи и по исторіи Петра Великаго.

Соймонова смѣнилъ Чичеринъ, опять типическій представитель своего времени, эпохи «великолѣпнаго князя Тавриды». Какъ Гагаринъ былъ меньшаго калибра Меншиковымъ, такъ Чичеринъ былъ уменьшенной копіей Потемкина. Онъ держитъ себя «пышно». Въ высокоторжественные дни онъ облекается въ мантію ордена св. Александра Невскаго и, сопутствуемый военными и гражданскими чинами, шествуетъ въ соборъ; во время его парадныхъ обѣдовъ производится пальба изъ тяжелыхъ орудій и стрѣльба изъ ружей; воспитанники семинаріи подносятъ ему «гратуляціи», въ формѣ русскихъ и латинскихъ рѣчей и стиховъ. При его «дворѣ» появляются владѣтельныя особы, въ лицѣ хана средней киргизской

орды, Вали-Хана, владѣтеля якутовъ, князя Обдорскаго (потомки ихъ существуютъ съ тѣми-же титулами и понынѣ: перваго—въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области, второго — въ Березовскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи), и старшинъ Тарскихъ вогуловъ. Въ торжественныхъ аудіенціяхъ Чичеринъ принимаетъ посольства среднеазіатскихъ владѣтелей. Но Чичеринъ не забывалъ и дѣла. Самое видное изъ его дѣлъ, это—заселеніе большого сибирскаго тракта и Барабы. Потемкинъ создаетъ Новороссію, — Чичеринъ населяетъ Барабинскія степи. Эпоха стремится создать русскія сословія, пріучить купцовъ торговать, мѣщанъ упражняться въ полезныхъ ремеслахъ, дворянъ—быть носителями чести. У Чичерина сословій нѣтъ, кромѣ сибирскаго мужика, и Чичеринъ то-и-дѣло ѣздитъ по селамъ и пріучаетъ земледѣльца къ трудолюбію, наблюдая, дабы всѣ воздѣлывали свою землю, соблюдали чистоту нравовъ и не проводили существованія въ праздности. Тутъ было и дѣло, и большое дѣло, потому что память о Денисѣ Ивановичѣ Чичеринѣ и до сихъ поръ жива по тобольскимъ городамъ и деревнямъ.

Затѣмъ слѣдуетъ «карамзинецъ», Бантышъ-Каменскій. Шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ переводитъ чувствительный романъ «Матильду». Ему принадлежатъ патріотическія и историческія сочиненія: «Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена», «Путешествіе въ Валахію, Молдавію и Сербію» и «Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра I». Въ Тобольскѣ онъ дѣйствуетъ съ чувствительной кротостью: кончаетъ миромъ земельныя тяжбы въ Ялуторовскомъ округѣ, длившіяся 163 года, склоняетъ Тарскихъ татаръ къ исправному платежу податей, уничтожаетъ у вогуловъ калымъ (обычай покупать женъ), «столь гибельный для бѣднаго народа, потому-что неимущіе всю свою жизнь должны были оставаться холостыми», вводитъ разведеніе картофеля и выдѣлку холста изъ крапивы. Осматривая Тобольскъ, Бантышъ-Каменскій распорядился сломать ветхіе дома, угрожавшіе паденіемъ, «но при этомъ приказалъ и вознаградить хозяевъ ихъ деньгами по оцѣнкѣ»,—какъ прибавляетъ мѣстный историкъ. Чувствительность и склонность къ историческимъ изысканіямъ нѣкоторымъ образомъ послужили

губернатору во вредъ. Бантышъ-Каменскій вскрылъ въ Березовѣ могилу Меншикова. Вѣчно мерзлая почва сохранила знаменитаго человѣка втеченіе ста лѣтъ безъ всякаго измѣненія. Онъ былъ покрытъ на вершокъ льдомъ, а подо льдомъ трупъ и одежда были точно сейчасъ положенные въ гробъ. «При освидѣтельствованіи гробницы,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—не было стеченія любопытныхъ, и сіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на народъ». Однако, въ 1826 году губернатора всетаки вызвали въ Петербургъ, гдѣ втеченіе семи лѣтъ онъ находился «подъ отвѣтственностью».

Нравы смягчаются, но характеры становятся менѣе яркими. Встарь дѣла дѣлали размашистыя, большія, грѣхи были тяжкіе, наказанія были смертныя: висѣлица, плаха, въ видѣ милости и снисхожденія—кнутъ, рванье ноздрей и вѣчная каторга; несмотря на работу, грѣхи и истязанія, люди всетаки ухитрялись жить по 99 лѣтъ. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ масштабъ картины уменьшается. Таково время. Уже не измѣняютъ теченія потоковъ, а всего лишь сѣютъ картофель. Не подковываютъ лошадей серебряными подковами, добытыми лихоимствомъ и мздоимствомъ, а неосторожно разрываютъ могилу политическаго ссыльнаго. Не рвутъ ноздрей, а причисляютъ къ министерству. Это—переходное время, между эпохой героическохъ личностей и наступающей полосой правильнаго, безшумнаго, культурнаго труда,—затишье, сумерки. Еще ве знаютъ, какъ взяться за дѣло, въ чемъ настоящая суть, какой взятъ тонъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи одинъ губернаторъ перваго времени реформъ. Онъ «вникаетъ въ дѣлопроизводство» подвѣдомственныхъ ему учрежденій, приводитъ въ приличное состояніе, какъ наружный видъ, такъ и внутреннее устройство тобольскаго общественнаго собранія, устраиваетъ городской садъ съ вокзаломъ, гдѣ жители города, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ, могутъ пріятно проводить время, свободное отъ служебныхъ и домашнихъ занятій. При садѣ строится оранжерея, изъ которой тобольскіе жители пользуются даже свѣжими ананасами. «Къ сожалѣнію,—говоритъ историкъ Тобольска,—различіе во взглядахъ на служебную дѣятельность съ существовавшимъ тогда главнымъ управленіемъ Запад-

ной Сибири, парализовавшее всѣ труды и старанія губернатора, побудили его первоначально испросить себѣ временный отпускъ въ С.-Петербургъ, а затѣмъ и навсегда остаться тамъ на государственной службѣ». Такъ, мало-по-малу, дѣло свелось къ разведенію ананасовъ, различію во взглядахъ и убѣжденіяхъ и перемѣнѣ мѣста служенія.

Надо думать, что переходное время кончилось. Желѣзная дорога и переселенческая волна, хлынувшая въ Сибирь, измѣняютъ весь строй ея жизни, крестьянской, купеческой и чиновничьей. Страна зашевелилась. Реформируются судъ и крестьянскія учрежденія. Измѣряются неизмѣренныя земли. Скорѣй начинаютъ ходить пароходы. Оборотистѣй становится купецъ; требовательнѣй—покупатель. Начальство смотритъ зорче, подчиненные подтягиваются. Герои зла и герои добра отошли въ область преданій и воспоминаній,—нуженъ просто культурный работникъ.

Все это въ новинку Сибири; она, дщерь лихого Ермака, какъ-будто скучаетъ этою правильностью и однообразіемъ, и даже обрадовалась, когда недавно, во время большого народнаго бѣдствія, увидѣла человѣка, напомнившаго ея Дениса Ивановича Чичерина. Этому человѣку для устраненія бѣдствія, пришлось разрубать узлы сибирскихъ беззаконій, которые все еще туго связываютъ обывателя и чиновника. Сначала онъ сдерживался, потомъ не выдержалъ. Громы обрушились на исправникомъ и засѣдателей, которыхъ заставили дѣлать нечеловѣческіе подвиги, подъ страхомъ «сгноенія» и «каторги»,—исправники и засѣдателя сами теперь говорятъ, что грѣхи всей ихъ жизни (а ихъ, сознаются, есть-таки) простятся имъ за эти нѣсколько мѣсяцевъ службы. Кулаки, самые злые и безстрашные, превратились въ самоотверженныхъ любвеобильныхъ подвижниковъ, понижавшихъ цѣны, лишь-бы спасти нуждающагося ближняго. Мѣстные крезы, съ милліонами, но съ не совсѣмъ чистой репутаціей, попробовавшіе явиться «съ визитомъ», бывали принимаемы такъ, что буквально убѣгали домой, забывъ шляпу и не попавъ въ свой экипажъ. Множество разсказовъ объ этомъ человѣкѣ ходитъ теперь въ Сибири, и Сибирь передаетъ ихъ съ удовольствіемъ:—совсѣмъ Денисъ Ивановичъ, словно родня ему.

V.

Исторія Тобольска, какъ читатель видитъ, не безъ яркихъ красокъ, видъ города издали эффектенъ, но вблизи городъ производитъ подавляюще унылое впечатлѣніе. На верху горы, гдѣ такъ красиво высятся церкви и казенные дома, селятся неохотно: зимою тамъ слишкомъ холодно и вѣтрено. Большая часть города расположилась подъ этою горой на прирѣчной равнинѣ. А равнина, въ самомъ дѣлѣ, если не подлинная тундра, то полутундра, вѣчно сырая и туманная. Каменныя мостовыя невозможны, потому-что и камня нѣтъ, а еслибы онъ и былъ, то очень скоро утонулъ-бы въ грязи. Пришлось мостить досками. Доски—на улицахъ, доски—на троттуарахъ, доски—на обшивкѣ домовъ. Въ дождливые осенніе дни, которыми насъ встрѣтилъ Тобольскъ, этотъ досчатый городъ производитъ угнетающее впечатлѣніе гроба. На улицахъ тихо и безлюдно—въ Тобольскѣ всего 23 тысячи жителей;—торговаго оживленіи никакого, кромѣ нѣсколькихъ магазиновъ, продающихъ по сибирскому обычаю все; ни одной гостинницы или ресторана, за исключеніемъ двухъ «меблированныхъ комнатъ» со столомъ, но безъ вывѣсокъ, съ ходомъ со двора, въ ворота котораго надо стучаться; одна кондитерская, помѣщающаяся въ избѣ, входная дверь съ блокомъ; каменные дома наперечетъ, а то, одноэтажные деревянные домики и домишки. Все это еще болѣе напоминаетъ кладбище. Да Тобольскъ и въ самомъ дѣлѣ замирающій городъ. Онъ держался, пока былъ центромъ—сначала Сибири, потомъ западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, но, превратившись въ простой губернскій городъ, обойденный торговыми путями, упалъ. То, что оставила ему исторія, свидѣтельствуя о лучшихъ временахъ, еще сильнѣе оттѣняетъ современное печальное состояніе города, да и само падаетъ и разрушается. Каменные дома все старинные. Городское управленіе помѣщается въ домѣ, построенномъ въ 1762 году купцомъ Шевыринымъ. Губернаторы живутъ въ домѣ купца Куклина, постройки 1788 года. Намъ была отведена квартира къ палатахъ, которыя соорудилъ въ

1799 году купецъ Кремлевъ. Все —дома на славу, просторные, свѣтлые и, конечно, по-сибирски, безъ форточекъ. Противъ форточекъ сибиряки питаютъ непобѣдимое предубѣжденіе. Позднѣе XVIII столѣтія, кажется, въ Тобольскѣ каменныхъ зданій не строили, и старики стоятъ какими-то сиротами, не дождавшись себѣ потомства. Ихъ бывшіе хозяева исчезли безъ слѣда, какъ обыкновенно исчезаютъ недолговѣчныя русскія купеческія фирмы. Теперешнее тобольское купечество—по большей части приказчики ихъ; старики-же или разорились, или вымерли.

Когда-то Тобольскъ былъ самымъ просвѣщеннымъ городомъ Сибири. Тутъ возникли первыя учебныя заведенія, первый театръ, первая типографія. Первой, напечатанной въ Сибири книгой, вышедшей въ 1789 году, былъ переводный романъ «Училище любви». Да будетъ стыдно тому, кто дурно подумаетъ объ этомъ типографскомъ и литературномъ первенцѣ Сибири. Это вовсе не какое-нибудь Ars amandi, а самая нравственная и трогательная исторія нѣкоего легкомысленнаго юноши, много, но суетно любившаго пустыхъ кокетокъ и подконецъ нашедшаго сердечное пристанище близь женщины скромной, постоянной и хозяйственной. Въ Тобольскѣ-же основанъ первый сибирскій журналъ, подъ названіемъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену», современникъ одного изъ первыхъ русскихъ журналовъ, извѣстнаго «Уединеннаго Пошехонца». Въ настоящее время сибирская литература мало подвинулась впередъ. Въ Тобольскѣ выходитъ газета два раза въ недѣлю. Въ номерѣ отъ 1-го сентября печатаются телеграммы 27-го августа. Самая животрепещущая статья, которую я въ ней нашолъ (но сначала нужно было найти самую газету, которая прячется и выходитъ въ неопредѣленный часъ дня, а больше къ вечеру), заключала въ себѣ упрекъ мѣстнымъ господамъ офицерамъ въ томъ, что они предпочитаютъ устраивать благородные любительскіе спектакли, а не солдатскіе. Нѣсколько живѣе,—и то временами, смотря по составу членовъ,—работаетъ комитетъ тобольскаго музея, издающій ежегодники, посвященные изученію края и его прошлаго.

Въ послѣднее время мы стали довольно усердно изу-

чать свое отечество. Ѣздимъ по Волгѣ, ѣздимъ по Камѣ, посѣщаемъ Му́рманъ и Крымъ, Даурію и Кавказъ. На Му́рманѣ мы изучаемъ, какъ солятъ треску, на Волгѣ— какъ ловятъ сельдь. Въ Сибири мы разузнаемъ, какъ тамъ пашутъ нови: двоятъ, или троятъ, или даже ворочаютъ въ четвертый разъ. Попадая въ деревню, мы освѣдомляемся объ юридическихъ формахъ и обрядахъ самосуда. Заѣзжая въ городъ, мы примѣчаемъ, въ какомъ состояніи мостовыя и тротуары, которые обыкновенно оказываются въ дурномъ состояніи; за это мы ругаемъ городское самоуправленіе. Затѣмъ, въ городѣ мы отыскиваемъ театръ, гдѣ по общему правилу идетъ оперетка, а въ буфетахъ происходятъ скандалы, чинимые выпившей публикой. Мы бранимъ оперетку, «жестокіе нравы» публики и успокаиваемся только тогда, когда находимъ въ городѣ общественную библіотеку (вѣроятно, безъ книгъ) и земскую фельдшерскую, а еще лучше акушерскую, школу. Тутъ мы отдыхаемъ душой, и къ намъ вновь возвращается надежда на лучезарное будущее великаго отечества. Если въ городѣ есть музей, археологическій-ли, художественный-ли, или просто какой-нибудь почвенный, мы успокаиваемся окончательно.

Я рекомендовалъ-бы другую программу. По-моему, только тотъ старый русскій городъ чего-нибудь стоитъ, гдѣ есть старыя церкви. Акушерки и фельдшера, осужденіе оперетки, нравовъ, нерадивыхъ отцовъ города,—все это въ порядкѣ вещей, но все это дѣло текущей минуты, вопросы практической жизни, а не памятники исторіи, не отраженіе нашего прошлаго, не суть народной духовной жизни. Практическая наша жизнь куда неприглядна, и нечѣмъ въ ней похвастать, ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ. Все мы торопимся, все у насъ «нехватки», все не поспѣваемъ за своей-же исторіей и дѣлаемъ ее какъ-то временно, предварительно, кое-какъ, сколоченною наскоро. Все у насъ движется, измѣняется, какъ клубятся облака. И одно только было опредѣленно, объединяло весь народъ, безъ различія классовъ, развивалось, крѣпло и вело за собою культурную жизнь: это — религія, въ которой соединились право, философія и нравственность, которая собрала вокругъ себя архитектуру, живопись,

музыку, ювелирное искусство, поэзію и даже театръ. Кромѣ религіи, у насъ нѣтъ ничего—тысячелѣтняго. Все остальное—вчерашнее или сегодняшнее, которое будетъ замѣнено завтрашнимъ. Если мы хотимъ понять русскую исторію, мы должны вникнуть въ исторію нашихъ религіозныхъ вѣрованій. Если мы хотимъ ознакомиться съ культурной исторіей города или деревни, куда мы пріѣхали, мы должны обойти ихъ церкви.

Этого, къ сожалѣнію, не хотятъ понять ни наши путешественники, ни составители нашихъ доморощенныхъ «бедекеровъ», Первымъ, конечно, вольная воля, но на вторыхъ я въ большой претензіи. Пріѣзжаешь въ городъ, сразу видишь, что въ немъ ничего нѣтъ, видишь также, что въ немъ, какъ, напримѣръ въ Тобольскѣ, двадцать-три старыхъ и старинныхъ церкви, хватаешься за путеводитель, а тамъ—интересныя сообщенія вродѣ того, что равнодушіе мѣстныхъ офицеровъ послужило причиной гибели народнаго театра, что мѣстную опереточную труппу содержитъ госпожа Неопиханова, что въ кондитерской Пшепендовскаго можно получать довольно свѣжіе слоеные пирожки, что останавливающемуся въ гостинницѣ пана Тпрутынковскаго рекомендуется запасаться персидскимъ порошкомъ. Часть историческую составляетъ списокъ губернаторовъ, — и все. При такомъ незнаніи того, что представляетъ главный интересъ, путешествовать по Россіи, разумѣется, «скучно». Во всѣхъ городахъ одно и то-же: заборъ, соборъ, губернаторскій домъ да острогъ. Но тоже вышло-бы и въ Италіи, если исключить изъ путеводителей церкви, единственныя достопримѣчательности въ $^3/_4$ итальянскихъ городовъ. Знай мы наше старое искусство, люби мы побольше свою исторію, рѣдкое село, не то что городъ, коренной Россіи не удовлетворили-бы довольно взыскательнаго туриста.

Въ Тобольскѣ я обошелъ его церкви, но и въ церквахъ тоже мало знаютъ ихъ исторію. Говорятъ о томъ, что приходы слишкомъ малы, что населеніе, будучи болѣе или менѣе, явно или тайно, наклонно къ расколу, мало радѣетъ о храмахъ; но, на вопросъ, къ какому времени относится церковь, икона, утварь, рѣзной иконостасъ, отвѣчаютъ, что—къ давнему, такъ-что и не запо-

мнятъ. Это мнѣ напомнило проводника по Карнакскому храму въ Ѳивахъ, который утверждалъ, что храмъ построенъ сто лѣтъ тому назадъ, что разрушили его англичане, которые нри этомъ украли хранившуюся въ храмѣ красную туфлю пророка и за эту кражу были превращены разгнѣваннымъ Магометомъ въ шимпанзе, съ краснымъ задомъ. Не будучи знатокомъ старины, бродишь по церквямъ ощупью и только чувствуешь, какой это кладезь исторіи искусства и исторіи вообще. Въ архіерейской ризницѣ хранится иконостасъ, какъ говорятъ, изъ походной церкви Ермака; нѣсколько иконъ изъ него вынуты. Тамъ-же множество золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ сосудовъ, крестовъ, посоховъ, ковшей знаменитой старой русской работы. Множество одеждъ изъ такихъ-же славныхъ русскихъ парчей и шелковъ. Древнія иконы, старыя книги и граматы. Древняя плащаница, которая считалась «неискусной работы» до тѣхъ поръ, пока одинъ петербургскій ученый случайно не разобралъ надписи, обнаружившей, что плащаница—большой цѣнности грузинская древность. Тутъ-же въ ризницѣ на стѣнѣ виситъ надпись на таблицѣ,—завѣщаніе покидавшаго Тобольскъ епископа своему преемнику, обязывавшее продолжать начатыя завѣщателемъ астрономическія наблюденія, которыя должны были уничтожить систему Коперника въ конецъ.

Въ путеводителяхъ по Тобольску упоминается каменная Преображенская церковь 1686 года. Я отыскивалъ ее, не ожидая увидѣть чего-либо особеннаго, но то, что я увидалъ, было особеннымъ въ высокой степени. Храмъ стоитъ во дворѣ Знаменскаго монастыря, гдѣ помѣщается семинарія. Уже пять лѣтъ, какъ, по причинѣ небезопасности зданія, въ немъ нѣтъ служенія. Окна выбиты, двери заперты. Ключъ я досталъ не безъ хлопотъ. Когда отворилась дверь, я отшатнулся. Полъ оказался покрытымъ голубинымъ пометомъ вершка на два. Тучи голубей при нашемъ появленіи заметались и закружились по церкви подъ сводами, бились о стѣны, бились въ окна, свистѣли и хлопали крыльями. Шумъ былъ такой, что мы невольно взглядывали на широкія трещины сводовъ:

не увеличиваются-ли онѣ, не пришла-ли минута исполнить зданію его давнее намѣреніе и рухнуть?

Стѣны голы, но, взглянувъ на иконостасъ, я почувствовалъ, что мнѣ стыдно. Весь онъ, нѣсколько десятковъ большихъ иконъ, состоитъ изъ образцовой живописи конца прошлаго столѣтія, говорящей о кисти Левицкаго или Боровиковскаго. Немудрено, что это и въ самомъ дѣлѣ ихъ работа (вѣроятнѣй, послѣдняго), потому-что иконопись прислана изъ Петербурга императрицей Екатериной. Каждое изображеніе могло-бы составить украшеніе любой церкви, любой галереи. Свѣжесть красокъ удивительна; доски, на которыхъ писаны иконы, великолѣпны:—пять лѣтъ сырости и сибирскихъ морозовъ почти не повліяли ни на тѣ, ни на другія. И такую драгоцѣнность держатъ чуть не подъ открытымъ небомъ, въ зданіи, которое каждый день можетъ рухнуть и превратить живопись въ щецы!

— Какъ-же вы это такъ? Вѣдь, это хуже составителей путеводителей! сказалъ я моему провожатому.

— Нѣсколько лучшихъ иконъ мы вынесли въ другія церкви: тамъ суше.

— Пойдемте въ другія церкви.

Эти церкви, Знаменская и Никольская, помѣщаются въ зданіи монастыря, старинномъ, длинномъ, подъ сводами, съ мрачными корридорами и крутыми лѣстницами, выстроенномъ по образцу католическихъ монастырей. Тутъ иконамъ дѣйствительно суше, голубей тутъ нѣтъ. Но что съ ними сдѣлали, съ этими лучшими изображеніями иконостаса! Каждое приколотили четырьмя громадными желѣзными костылями къ стѣнѣ,—прямо сквозь доску и живопись.

Будь на моемъ мѣстѣ настоящій знатокъ и любитель, онъ упалъ-бы въ обморокъ. Я ограничился легкими упреками.

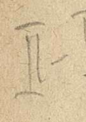
— Да, вѣдь, такъ крѣпче!—возразили мнѣ.—Вѣдь, доски-то какія грузныя, нѣсколько пудовъ!

Конечно, такъ крѣпче, но ужь лучше-бы не трогали и этихъ иконъ изъ старой церкви.

Такова наша культурность, наши традиціи и связи съ прошлымъ! Убрать весь иконостасъ развалившагося

Преображенскаго храма и сложить его въ сухую кладовую—могли-бы въ одинъ день шестеро солдатъ, тоскующихъ отъ недостатка развлеченій на любительскихъ спектакляхъ. Замѣчательно, что даже интеллигентные люди, прожившіе въ Тобольскѣ не одинъ годъ, ничего не знали объ этой живописи. Пожалуй, даже «профессора» семинаріи, помѣщающейся рядомъ съ церковью, не подозрѣваютъ о ея существованіи. О семинаристахъ, которые понесутъ культуру вглубь страны, ужь и говорить нечего: они принесутъ съ собою картинки съ иностранныхъ клише «Живописнаго Обозрѣнія» и ничего не разскажутъ о Боровиковскомъ и Левицкомъ, около произведеній которыхъ выросли, не видя ихъ.

VI.

Изъ Тобольска мы отправились на пароходѣ вверхъ по Иртышу въ городъ Тару. Сибирскіе пароходы не торопятся. Семьсотъ верстъ съ чѣмъ-то до Тары мы плыли четверо сутокъ. За собою мы тащили огромную баржу съ товарами. Крытая палуба парохода была биткомъ набита ссыльными и ихъ семействами. Во второмъ классѣ ѣхало нѣсколько купцовъ, священниковъ, чиновниковъ средней руки, народныя учительницы, возвращавшіяся съ нижегородской выставки. Въ первомъ мы были одни. Пароходъ большой, прочный, нестарый, но безъ тѣхъ удобствъ и роскоши, какъ на Волгѣ. Нѣтъ великолѣпныхъ общихъ залъ, электричества, галерей. Время приходилось проводить или у себя въ каютѣ, или на верхней палубѣ. Сибирскія поѣздки по рѣкамъ похожи на морскіе переѣзды,—долги, однообразны, а потому поневолѣ приглядываешься къ пароходной жизни и знакомишься съ немногочисленными пассажирами. Нашъ пароходъ былъ кусочекъ сибирскаго міра.

Транспортъ ссыльныхъ состоялъ не изъ преступниковъ, а изъ «порочныхъ членовъ сельскихъ обществъ», которыхъ общества не пожелали терпѣть въ своей средѣ. При взглядѣ на эту коллекцію чувствовалось, что общества правы.

Семья могилевскихъ бѣлоруссовъ, батька и три под-

ростка сына. Мать не пожелала идти съ ними и дочекъ не пустила. На одной изъ пристаней я вышелъ на берегъ, на которомъ уже толпились ссыльные, закупая у бабъ и дѣвочекъ провизію. Поодаль, въ ямкѣ, я увидѣлъ трехъ бѣлорусскихъ мальчугановъ. Они сидѣли на корточкахъ и ощипывали и потрошили двухъ куръ. Быстро работали ножи, ловко выдирались внутренности, перья щипали пальцами и зубами. Бѣлые зубы сверкали, руки были въ крови, въ волосахъ и на одеждѣ пухъ. Пухъ летитъ и по вѣтру. Совершенные лисенята. И такіе-же крѣпкіе, быстроглазые, поворотливые.

— Украли? спросилъ я ихъ, показывая на куръ.

— Нѣтъ, это не краденыя, а купленныя, отвѣтили лисенята, спокойно объясняя происхожденіе куръ.

— А за что вашего батьку ссылаютъ?

— За глупости! Онъ заложилъ шинкарю свой тулупъ, тутъ-же напился, а когда потерялъ умъ, то сломалъ жидовскій сундукъ, хотѣлъ взять только свой тулупъ, а въ темнотѣ взялъ и еще нѣсколько жидовскихъ вещей. Пьянъ былъ, а судъ этому не повѣрилъ и посадилъ батьку въ тюрьму. Когда выпустили, общество насъ назадъ не приняло; вотъ, и сослали насъ сюда.

— А вы утекайте.

— Куда?

— Въ лѣсъ. Вонъ, лѣсъ.

Лисенята быстро глянули на лѣсъ, но потомъ улыбнулись.

— Это лѣсъ сибирскій, отвѣтили они.—Тамъ, кромѣ лѣса и болота, и нѣтъ ничего. Да еще сибиряки найдутъ и убьютъ.

Лисенята уже были хорошо освѣдомлены о сибирской географіи и о сибирскихъ нравахъ. Дѣйствительно, такихъ звѣренышей, съ папашей, который, конечно, еще лучше ихъ, благоразумно держать подальше.

Было много малороссовъ. Удивительные это люди, хохлы. На лица взглянуть, такъ не хорошо дѣлается: такія «порочныя»,—но всѣ влюблены въ своихъ жинокъ. Сидятъ, прижавшись другъ къ дружкѣ, какъ инсепарабли, и цѣлуются. Проголодаются, поѣдятъ, помолятся и опять цѣлуются. Другія на нихъ смотрятъ, подтруниваютъ, а

они, знай, цѣлуются, Изъ хохловъ былъ одинъ холостой, коренастый, плечистый малый, лѣтъ подъ тридцать, съ головой тычкомъ, носъ картошкой, волосы черные и щетинистые; черные глаза имѣли дикое, собачье выраженіе. Этому не съ кѣмъ было цѣловаться, такъ онъ плясалъ. А это было возможно при остановкахъ парохода.

Однажды мы остановились у богатаго старожильскаго села Тевриза. Лишь только мы пристали къ берегу, весь транспортъ нашихъ «порочныхъ членовъ» хлынулъ, едва не обломивъ сходень, съ парохода. Сопровождавшіе ихъ сторожа, всего двое или трое, нимало не тревожились этимъ бѣгствомъ, несмотря на то, что уже была ночь. Никто не убѣжитъ, потому-что некуда. Села тянутся нитями вдоль рѣкъ, старожилы въ лицо знаютъ всякаго и, если потребуется поймать бѣглаго, его завтра-же поймаютъ. За линіей деревень—ничего, «урманы», т.-е. болота въ перемежку съ лѣсами. Тамъ, правда, кое-гдѣ живутъ заимщики, но заимщикъ встрѣчаетъ бродягу такъ-же привѣтливо, какъ и медвѣдя.

Навстрѣчу ссыльнымъ изъ села тоже бѣжали люди, и вмигъ устроилась цѣлая ярмарка. Появились столики съ папиросами, спичками, кедровыми орѣхами, конфектами. Продавцы вѣжливы. «Вашъ пятіалтынный, извольте четыре копѣйки сдачи-съ». «Вамъ чего угодно? Фунтъ орѣшковъ? Пожалуйте». Десятки бабъ держали на рукахъ пшеничныя булки, яйца, куръ, даже поросятъ. Поднялся полный мѣсяцъ, и изъ деревни вышла толпа молодыхъ парней. У одного въ рукахъ была большая нѣмецкая гармоника, съ колокольчиками. Ссыльные тотчасъже его окружили. Онъ твердо сталъ среди круга. Растолкавъ зрителей, вошолъ въ кругъ и холостой хохолъ, которому не съ кѣмъ было цѣловаться, и тоже твердо сталъ противъ музыканта.

— Казака! сказалъ онъ и бросилъ на землю шапку.

Музыкантъ топнулъ ногой, тряхнулъ головой и—навѣрно не меньше получаса хохолъ выкидывалъ такія штуки ногами, руками и головой, что казалось даже неправдоподобно.

Меня интересовалъ музыкантъ. Зачѣмъ ему ночью

бѣжать на берегъ и цѣлый часъ играть на гармоникѣ предъ совсѣмъ ему незнакомыми людьми?

— Загулялъ онъ, что-ли? спросилъ я сопровождавшихъ его парней, съ великимъ удовольствіемъ смотрѣвшихъ, и на чужого лихого плясуна, и на своего лихого музыканта.

Парни даже удивились.

— Зачѣмъ загулялъ? Повеселить пришолъ: вишь, пляшутъ!

И въ самомъ дѣлѣ, парни были совершенно трезвы.

Великоруссовъ въ нашей партіи не было. Была татарская семья изъ Казанской губерніи, красивая, сильная, но съ такими-же воровскими ухватками, какъ и описанные бѣлоруссы. Были двѣ, три женщины-одиночки, должно-быть, изъ дворовыхъ, съ жеманными манерами, оборванныя, потасканныя и ухитрявшіяся все время быть выпившими. Одну изъ нихъ поймали въ воровствѣ и самосудомъ прибили. Другую однажды сильно ругали за чрезмѣрное кокетство: она слишкомъ публично стала перемѣнять бѣлье.

Какъ видитъ читатель, обстановка ссылки этого рода не особенно мрачная. Да въ Россіи и вообще-то нѣтъ мрачнаго, неуклонно жосткаго и жестокаго, какъ на Западѣ. Зато непорядка сколько угодно. Однажды я прошолся по помѣщенію ссыльныхъ, которое, впрочемъ, ничѣмъ не отдѣлено отъ остального пространства, часовъ около двухъ ночи. Послѣ этого я на нѣсколько дней разстроилъ себѣ обоняніе. Ужасный спертый воздухъ былъ наполненъ отвратительнымъ кислымъ запахомъ прѣлаго тѣла. Воздухъ спертъ потому, что нѣтъ вентиляціи. Но отчего-же нѣтъ вентиляціи? Люди загнили потому, что не мылись съ самаго отправленія съ родины. Но отчего-же ихъ не моютъ? Развѣ это такъ трудно и дорого? Эта ночная атмосфера отразилась на грудныхъ дѣтяхъ, и каждый день у насъ на пароходѣ было по одной маленькой смерти.

Кромѣ ссыльныхъ, и остальные наши спутники были интересны, какъ сибирскіе типы.

Два мужика, ѣздившіе въ Тобольскъ жаловаться на

татаръ, у которыхъ они арендуютъ землю. Первоначально граница арендуемаго участка проходила мимо татарскаго кладбища, «мазарата». На мазаратъ стали заходить свиньи, «чучка́». Татары потребовали, чтобы арендаторы отнесли границу на сто саженей отъ мазарата; тѣ согласились и внесли въ условіе соотвѣтствующее измѣненіе. Когда условіе было написано, татары и русскіе стали его толковать разно. Русскіе говорятъ, что отнесли границу только у самаго мазарата, чтобы туда не заходили чучки, а татары утверждаютъ, что она отнесена на сто саженъ по всей линіи, идушей мимо мазарата.

— И много татары отъ васъ отхватываютъ?

— Да не очень много, а все обидно: — десятинъ около ста.

Сто десятинъ по-сибирски—немного. Вообще, въ Сибири землю мѣряютъ особенно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ сибирскій крезъ, потомокъ, какъ думаютъ въ публикѣ, политическаго страдальца нерусскаго происхожденія, на самомъ-же дѣлѣ благополучнаго сибирскаго чиновника, купилъ у казны лѣсную дачу въ тридцать тысячъ десятинъ. Землемѣръ по ошибкѣ отвелъ не тридцать, а шестьдесятъ тысячъ. Представитель казеннаго интереса при межеваніи, писецъ уѣзднаго полицейскаго управленія, эту ошибку какъ-то упустилъ изъ виду. Въ настоящее время казна предъявила къ крезу искъ въ милліонъ слишкомъ рублей.

Впрочемъ, и въ Сибири иногда говорятъ, что площадь земли ужь слишкомъ велика. На это жалуется, напримѣръ, управляющій Самаровскимъ лѣсничествомъ Тобольской губерніи. Онъ, одинъ, всего съ двумя объѣздчиками, долженъ вести лѣсное хозяйство на семнадпати милліонахъ десятинъ. «Нехватка» въ людяхъ очевидная. Эти милліоны слѣдовало-бы разбитъ на сто семьдесятъ, по крайней мѣрѣ, лѣсничествъ. Но тогда будетъ «нехватка» въ средствахъ для жалованья; лѣсъ не окупитъ администраціи. Роковая русская нехватка, достигающая въ Сибири грандіозныхъ размѣровъ! Населеніе-же ничѣмъ не помогаетъ власти. Въ Сибири никто не намѣренъ осѣсть на мѣстѣ прочно. Охотникъ старается пере-

бить всю дичь, рыболовъ—выловить всю рыбу, мужикъ—выпахать землю и выжечь лѣса,—а затѣмъ идти дальше.

Бродяжническій складъ сибирской жизни болѣе или менѣе отражается на всѣхъ сибирякахъ. Съ нами ѣхали купецъ, адвокатъ и какой-то «благородный» попрошайка, въ фуражкѣ съ кокардой. Купецъ торгуетъ дичью, медомъ и воскомъ. Сейчасъ онъ возвращался съ далекаго сѣвера Тобольской губерніи, гдѣ заторговалъ будущую зимнюю дичь, и направлялся въ Алтайскій округъ за медомъ и воскомъ, а потомъ думалъ пробраться за Байкалъ, разузнать у бурятъ насчетъ кожъ и сала. Адвокатъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста жительства, а ѣздитъ по рѣкамъ и большимъ трактамъ въ поискахъ за кліентами и на ходу даетъ юридическіе совѣты и составляетъ прошенія и жалобы. Попрошайка тоже постоянно путешествуетъ. Онъ выражается высокопарно и изрѣдка ввертываетъ французскія слова. У него аристократическая родня въ Петербургѣ, но онъ разошелся съ нею въ убѣжденіяхъ. Вообще, онъ прогрессистъ. Но онъ нѣсколько поиздержался и проситъ десять рублей. Когда ему даютъ рубль,—такъ-какъ онъ и безъ того затяжно пьянъ, почти до бѣлой горячки, — онъ удаляется, не поблагодаривъ и бормоча невнятныя, но бѣшеныя ругательства.

О природѣ многаго говорить не приходится. Она не сокращаетъ путешествія. Сначала занимаетъ мысль, что ѣдешь по рѣкѣ, которая вытекаетъ изъ сердца Азіи, изъ Китая и несетъ свои воды въ Ледовитый океанъ, но скоро эту міровую рѣку начинаешь находить монотонной. Тѣ-же невысокіе берега, тѣ-же талы на песчаныхъ отмеляхъ, некошенныя травы по берегу, березняки и осинники. Изрѣдка попадется село, русское — богатое, татарское — разваленое. Еще рѣже къ Иртышу подходитъ высокій «увалъ» съ лѣсомъ, расцвѣченнымъ осенью, съ темными кипарисовидными пихтами. Увалы правильно чередуются съ ложбинами, и тамъ, гдѣ Иртышъ прорвался поперекъ уваловъ и лощинъ, профиль его береговъ зубчатый. Зубцы покрыты лѣсомъ, промежутки между ними заполнены внизу толстымъ слоемъ торфа. Страна, лежащая влѣво отъ насъ, вся состоитъ изъ такихъ лѣсистыхъ

грядъ, раздѣленныхъ бороздами торфяныхъ болотъ. Эта страна — то, что тутъ называютъ урманами. Къ концу четвертыхъ сутокъ такого однообразнаго, сибирскаго, да еще осенняго, плаванія мы добрались до Тары. О Тарѣ я разскажу въ другомъ мѣстѣ.

Августъ—сентябрь 1896 г.

Сибирь лѣтомъ

(Сибирскія захолустья)

I.

Кочетокъ.

Лѣтомъ, въ іюнѣ и іюлѣ, Сибирь — красавица. Говорятъ, она хороша и зимой, когда сибирское небо большею частью ясно, а воздухъ прозраченъ. Наиболѣе населенная часть Сибири лежитъ сравнительно подъ низкими широтами, подъ широтой Москвы и южнѣе, такъ что зимніе дни достаточно долги, и свѣтлыхъ часовъ не мало. Нехороши особенно морозные дни, знаменитыя сибирскія сорокоградусныя стужи. Тогда, разсказываютъ, стоитъ туманная мгла, у лошадей на ѣздѣ обмерзаютъ льдомъ ноздри, примерзаютъ удила къ языку. Сибирская весна капризна. Въ Тюмени время вскрытія рѣки колеблется на полтора мѣсяца. Въ 1897 году въ Минусинскомъ уѣздѣ, этой «Италіи» Енисейской губерніи, 18-го мая, выпалъ снѣгъ въ два вершка, а около Тары полный листъ на деревьяхъ образовался только къ половинѣ іюня. Объ осени и говорить нечего: не хороша она; припоминаю совершенно могильное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Тобольскъ, въ началѣ сентября. Но лѣтомъ Сибирь великолѣпна, притомъ во всѣхъ ея углахъ одинаково,—въ киргизскихъ степяхъ, въ тарскихъ урманахъ, въ чулымской тайгѣ, въ минусинскихъ горахъ, даже въ Барабинской степи. Трудно сказать, гдѣ она красивѣй, — такъ пышно наряжаютъ ея плодородную почву зелень и цвѣты и такъ ярко освѣщаетъ солнце. Однако, не безъ коварства это лѣто: его ночи всегда зябки, холодны, утра втеченіе всего лѣта могутъ быть съ морозцемъ, жара внезапно можетъ смѣниться двумя,

тремя холодными, какъ поздняя осень, днями; лѣто коротко,—неполный іюнь иіюль. Но красоту Сибири должно признать. Будь въ Сибири климатъ хоть-бы такой, какъ въ южной Россіи, это была-бы одна изъ красивѣйшихъ и счастливѣйшихъ странъ въ мірѣ. Все въ ней есть: чудныя рѣки и озера, безграничныя степи, плодородная почва, величественныя и живописныя горы, яркое солнце, прозрачный воздухъ; и однимъ обидѣла ее природа, — тепломъ. Однако, на іюнь и іюль въ Сибирь будутъ ѣздить, и въ неособенно отдаленномъ будущемъ.

Одна изъ диковинокъ Сибири, которую будутъ ѣздить смотрѣть, это—Кокчетавскій уѣздъ Акмолинской области, который народъ окрестилъ именемъ Кочетка. Это—маленькая горная страна, выросшая среди необозримой киргизской степи, со всѣми горными принадлежностями: горами, хребтами, скалами, водопадами, лѣсами на горахъ и цвѣтущими горными долинами. Это такъ удивительно, среди горъ такъ уютно, тутъ такое обиліе, сравнительно съ сосѣдней сухой и безлѣсной степью, воды и лѣса, что мужикъ, разъ увидавшій Кочетокъ, начинаетъ имъ бредить, а самыя привольныя мѣстечки вродѣ какого-то Тычка, какихъ-то Крестовъ, какой-то Османки, гремятъ по всей Сибири. И не сразу въ силахъ мужикъ примириться съ мыслью, что нельзя занять весь Кочетокъ, что часть его принадлежитъ казакамъ, часть нужна киргизамъ, и только третья часть свободна, да и та уже занята ранѣе прибывшими счастливцами. Когда мужикъ въ этомъ убѣждается, онъ имѣетъ видъ пробудившагося отъ сладкаго сна.

Въ Кочетокъ ѣдутъ изъ Петропавловска, тоже уѣзднаго города Акмолинской области, лежащаго на Сибирской желѣзной дорогѣ, въ пятистахъ верстахъ отъ Урала. Тутъ, въ ясный солнечный день мы оставляемъ вагонъ, пересаживаемся въ тарантасъ, — и насъ принимаетъ въ себя степь, Ишимская степь, величественная и безграничная. Съ горы, надъ Ишимомъ, на которой стоитъ Петропавловскъ, открывается видъ на пятнадцативерстную долину маленькой рѣки; долина незамѣтно подымается, сливается съ подлинной степью, — и предъ вами «море суши». Спускаемся съ горы и начинаемъ плыть по этому

морю. Равнина, убранная невысокими травами,—и ничего больше; только далеко впереди, влѣво, на фонѣ чистаго неба лоскуткомъ кружева рисуется желѣзнодорожный мостъ, а выше величественно округляются два бѣломраморныхъ неподвижныхъ облака, которыя сошлись точно для бесѣды. Переселенческій ходокъ подумалъ-бы, что они бесѣдуютъ о томъ, что лучше,—Тычокъ или Козявочное озеро?

До Кочетка полтора дня ѣзды, все степью, Петропавловскимъ уѣздомъ. Слѣдующій день былъ сѣренькій, но теплый. Проѣхали нѣсколько казачьихъ поселковъ, нѣсколько крестьянскихъ селъ. Были, между прочимъ, въ селѣ Явленномъ, которое въ одно прекрасное утро «явилось» на киргизской степи, да такъ съ тѣхъ поръ, несмотря ни на что, и осталось. Были въ селѣ Владиміровкѣ, которое тоже явилось, но хочетъ исчезнуть, по причинѣ дурной шутки, которую сыграла съ нимъ киргизская степь. Шутка заключалась въ томъ, что сѣли владиміровцы у озера, полнаго какъ чаша, а оно черезъ два года высохло. Владиміровцы выкопали колодцы, а а тѣ дали немного воды и тоже высохли. Владиміровцы въ дурномъ настроеніи и смотрятъ на насъ съ упрекомъ, словно это мы устроили такую шутку. Они зарятся на недалекую Османку, оставленную за киргизами, и заводятъ съ ними ссоры. Наканунѣ бабы пошли въ Османку собирать клубнику, киргизы ихъ прогнали, а владиміровцы даютъ понять что-то *страшное*,—будто ихъ бабъ хотѣли похитить въ неволю и потурчить. За Владиміровкой поѣхали близко отъ Ишима, который дѣлается все уже. Близь рѣки на степи то-и-дѣло попадаются «ко̀лки», рощи молодыхъ свѣжихъ березокъ. Только онѣ однѣ и говорятъ, что гдѣ-то подъ почвой, не очень глубоко, есть вода; на поверхности-же—ни ручьевъ, ни мочежинъ. Ишимъ вьется по своей Ишимской степи одинъ одиношенекъ, какъ немного западнѣй ниткой тянется по степи Тургайской Тоболъ, двойникъ Ишима. Въ колкахъ — и лакомая Османка; въ нихъ-же и клубника, еще совсѣмъ зеленая, несмотря на 1-ое іюля, но тѣмъ не менѣе искусившая владиміровскихъ бабъ. Петропавловская степь кончилась только поздно ночью у ка-

кого-то Прѣсновскаго Брода, гдѣ не было ни брода, ни жилья, и куда намъ навстрѣчу были высланы киргизы съ лошадьми. Пока запрягали, мы сидѣли у костра въ большой киргизской кибиткѣ. На дворѣ галдѣли на непонятномъ языкѣ киргизы. Слабое пламя костра своимъ вздрагивающимъ и колеблющимся свѣтомъ измѣняло наши лица. Казалось, что мы—не мы; что мы унеслись куда-то изъ Россіи; что ѣдемъ мы въ какую-то невѣдомую страну. Ночь была зябкая, звѣзды въ прозрачномъ степномъ воздухѣ горѣли безчисленныя. Фантастично, странно и пріятно... Пронеслось это «Фетовское» мгновеніе,—и насъ повезли въ большое торговое село Маріинское, гдѣ первое, что я увидѣлъ на другой день поутру, была огромная, жирная свинья, развалившаяся у воротъ, которую сосало двѣнадцать жирныхъ поросятъ. Эмблема сытости. Эмблема въ полномъ удовольствіи хрюкала тринадцатью голосами.

Хороша Ишимская степь, которою мы до сихъ поръ ѣхали, но Кочетокъ и того лучше. Горъ еще нигдѣ не видно, но рѣка, которую мы переѣхали на паромѣ, говоритъ, что онѣ близки. Здѣсь Ишимъ не ползетъ, какъ сѣвернѣе, а бѣжитъ. Его долина не широка, съ крутыми берегами и кое-гдѣ съ каменными обнаженіями. Отмели, у самой воды, не песчаныя, а изъ красивыхъ разноцвѣтныхъ камешковъ. Здѣсь у Ишима даже есть притоки, изъ которыхъ больше другихъ и популярнѣй другихъ два Бурлука. Эти Бурлуки не ушли отъ мужиковъ, которые уже пустили на ихъ берегахъ корни, со своими женами, дѣтьми, волами, скотами, огородами и полями. Хорошія мѣста по Бурлукамъ. Сами рѣки крохотныя, но ихъ луга влажные, съ жирной почвой. Степныя травы, вспоенныя почвенной влагой, великолѣпны. Въ одномъ изъ логовъ мы наткнулись на конную косилку. Молодой смышленый мужикъ-великоруссъ, хозяинъ этой только на-дняхъ купленной машины, управлявшій ею, былъ словно во вдохновеніи, весь поглощенъ работой и плохо понималъ наши вопросы. Косилка работала отлично. Погода стояла веселая. Травы точно для выставки подобраны: эспарцетъ, желтая люцерна, чина, вика и ковыль. Малый сіялъ, глядѣлъ на своихъ сытыхъ лошадей, ко-

торыя даже не вспотѣли, обвѣваемыя сухимъ степнымъ вѣтромъ, прислушивался къ стрекотанію своей машины, вглядывался въ море нетронутой травы, впереди, и косился на срѣзанную траву, сбоку, которая уже начинала вянуть и благоухала. Отъ качества травъ онъ былъ въ восторгѣ, но названія имъ давалъ удивительно прозаическія, заимствованныя отъ тѣхъ эффектовъ пищеваренія, которые онѣ производили въ желудкахъ его лошадей. Малый арендовалъ покосъ у киргизовъ, триста десятинъ за двадцать рублей.

По Бурлукамъ — селенія еще недавнія, колки еще цѣлы, и мѣстами попадаются препоэтиеескіе уголки. Таково было Ольгино на крутомъ берегу какого-то ручья, еще меньше Бурлука, въ рощѣ довольно большихъ и довольно прямыхъ березъ. Жители—хохлы. Ихъ бѣлыя мазанки разбросаны словно бесѣдки въ паркѣ. Голоногія хохлушки, въ цвѣтныхъ плахтахъ, ходятъ словно на гуляньѣ. Но хохлы жалуются: поздно спѣютъ хлѣба; вотъ, іюль мѣсяцъ, а пшеница только-что зацвѣтаетъ; въ прошломъ году осенью утренниками заморозило неспѣлое зерно. Видимо, народъ еще не примѣнился къ Кочетку послѣ своей Черниговшины. На видъ Кочетокъ, даже по сравненію съ благодатной черноземной Черниговщиной, рай, а на самомъ дѣлѣ и у него есть темныя стороны.

Какъ ни хорошъ Кочетокъ, но переселенцы не сразу въ немъ устраиваются, не сразу справляются съ капризной Сибирью. Въ настояще время, въ общемъ, переселенческія села производятъ впечатлѣніе чего-то неустановившагося, безпорядочнаго. На многихъ лицахъ недоумѣніе и неудовольствіе,—и это понятно, когда тутъ въ маѣ бываетъ снѣгъ и происходятъ непріятные случаи вродѣ исчезновенія глубокихъ озеръ; постройки сдѣланы еще не всѣ, работы въ непривычныхъ условіяхъ идутъ не дружно и не споро; наконецъ, народъ, собравшійся изъ разныхъ мѣстъ, еще не приглядѣлся къ себѣ, не сбился въ одну стаю. Въ степи идетъ ломка, перестройка; напылили и насорили, нашумѣли и завели ссоры. Старая жизнь степей, съ ихъ оазисами горокъ, каскадовъ и лѣсовъ, по которымъ мирно и важно двигались киргизы съ ихъ необозримыми стадами, мѣняетъ русло; старыя

твердыя законченныя формы жизни ломаются и замѣняются новыми, неустановившимися. Какъ все законченное, такъ и старая киргизская степь картиннѣй и привлекательнѣй новой, переселенческой.

Когдм мы выѣхали изъ Ольгина и направились дальше логомъ Бурлука, по его мягкимъ травамъ, среди зеленыхъ рощъ, намъ навстрѣчу попался киргизскій улусъ въ сто кибитокъ, мѣнявшій пастбище. Еще издали слышны были звуки громаднаго стада и большой людской толпы. Крики и говоръ людей, блеянье овецъ, ржанье и мычанье. Стадо заняло саженей полтораста въ ширину. Когда мы сошлись, намъ представилось зрѣлище словно нарочно подготовленной театральной процессіи. Да такъ оно въ сущности и было. Перекочевка съ одного пастбища на другое, это— праздникъ, обрядъ, серьезное дѣло. Старое мѣсто наскучило, и весело перемѣнить его на новое. Надо доставить стада, скарбъ, стариковъ и дѣтей благополучно,— и это не малая забота, требующая немало труда. Нужно идти въ порядкѣ, каждый на своемъ мѣстѣ и при своемъ дѣлѣ.

Стада идутъ на флангахъ, и среди нихъ вертятся верховые пастухи, съ длинными шестами въ рукахъ, поддерживающіе тоже какой-то необходимый порядокъ среди этой тучи большихъ и малыхъ четвероногихъ. По протоненному дорожному слѣду движутся скрипучія немазанныя телѣги съ кибитками изъ холстины, кожи или ковровъ. Въ телѣгахъ—кладь, женщины, головы и плечи которыхъ, какъ у католическихъ монахинь, покрыты бѣлыми платками, и маленькіе ребятишки. На лошадяхъ и волахъ, которые тащатъ двуколки, верхомъ сидятъ стройныя прямыя дѣвушки, съ румяными лицами, и, разсматривая насъ, весело хохочутъ. Позади телѣгъ верхомъ— глава улуса, или, выражаясь прозаически, староста со своей свитой. Это нестарый, привѣтливый человѣкъ съ открытымъ простодушнымъ лицомъ. Его окружаютъ мужчины, такія-же славныя лица, съ орлиными носами и наивными черными глазами. У одного изъ свиты на рукѣ, въ кожанной перчаткѣ,—огромный охотничій беркутъ, съ колпачкомъ, покрывающимъ голову. Съ мужчинами, верхомъ на жеребятахъ, ѣдутъ мальчики постарше.

Мужчины ничего не везутъ и сидятъ на жеребцахъ. Телѣгами управляютъ дѣвушки, сидящія на волахъ или кобылахъ. Женшины должны ѣхать въ телѣгахъ. Все установлено, освящено обычаемъ, распредѣлено. И все изящно и красиво. Это не оборванный таборъ цыганъ. Всѣ въ новыхъ опрятныхъ одеждахъ. Бѣлыя покрывала женщинъ безукоризненно чисты. На дѣвушкахъ новые черные и коричненые халаты, съ яркими красными и желтыми отворотами, и монгольскія шапочки съ пучками перьевъ въ видѣ небольшого султана. На мужчинахъ яркихъ цвѣтовъ шапки, съ пушистыми мѣховыми околышами. Даже батраки-пастухи надѣли, за неимѣніемъ красивыхъ халатовъ и шапокъ, мѣховые малахаи и тулупы поновѣе. Красиво, стройно, естественно и счастливо. И жаль становилось славныхъ мальчиковъ съ тонкими желтоватыми лицами и честными черными глазками, которые доживутъ до времени, очень недалекаго, когда въ кокчетавской степи уже не будетъ такихъ перекочевокъ. И долго ждать, пока новый осѣдлый строй не выработаетъ своихъ формъ такой-же законченности, какія создалъ старый, кочевой. Солнце садилось, удалявшійся улусъ скрывался въ надвигавшихся сумеркахъ и исчезъ въ нихъ. Мы значительно приблизились къ горамъ. Далеко на горизонтѣ виднѣлись характерныя для южнаго Урала и киргизскихъ горныхъ мѣстностей парныя горки, двойныя ихъ вершины. Въ колкахъ къ березѣ начала примѣшиваться сосна. Село Казанское, гдѣ мы ночевали, построено уже не изъ березы, а изъ сосны, привезенной съ кокчетавскихъ скалистыхъ хребтовъ.

Слѣдующій день, 3-го іюля, выдался по погодѣ необыкновенный. Солнце сіяло, а между тѣмъ пришлось надѣть суконное платье; къ вечеру мой спутникъ даже нарядился въ мѣховой пиджакъ и говорилъ, что это недурно. Воздухъ былъ поразительно чистый. Солнце на небѣ горѣло совсѣмъ бѣлымъ свѣтомъ и однимъ этимъ свѣтомъ, безъ тепла, обожгло намъ лица и руки. Молодежь нашей небольшой экспедиціи на ночь вымазала себѣ лица кислымъ молокомъ, но и это не помогло, и кожа все-таки слѣзла.

Появились предгорія маленькой кокчетавской Швей-

царіи, до центра которой мы доберемся завтра. Эти предгорія курьезны. Тамъ и сямъ на горизонтѣ разставлены какіе-то пороги. По обѣимъ сторонамъ порога обыкновенно стоитъ еще по тумбѣ. Эти пороги, коротенькія горныя цѣпи, называютъ хребтами,—хребетъ Имантау, хребетъ Якши-Янгиз-Тау. Ѣдемъ мы уже не ровной степью, а то подымаясь, то спускаясь. Мы пересѣкаемъ, однако, не гряды возвышеній и не борозды ложбинъ между ними. Нѣтъ, мы ѣдемъ точно по пчелинымъ сотамъ, вѣрнѣе, по гигантскому подносу, сплошь заставленному блюдечками. У нѣкоторыхъ блюдецъ часть краевъ гораздо выше, чѣмъ края остальныхъ, выше и въ легкихъ зазубринахъ—это и будутъ хребты, которые мы видимъ въ разныхъ мѣстахъ вдали. Издали они представляются прямолинейными; вблизи они образуютъ дугу. Большинство блюдецъ сухи, но въ нѣкоторыхъ на днѣ—озера, прѣсныя или соленыя. Озера, у которыхъ нѣтъ притоковъ, усыхаютъ. Таково небольшое соленое озеро Боянъ. И у него есть маленькій, точно игрушечный хребтикъ, съ песчанымъ обрывомъ и сосновымъ лѣсомъ. Озеро жмется къ обрыву, точно хочетъ спрятаться въ его тѣни отъ бѣлаго солнца. Боянъ на половину высохъ и окруженъ каймой голой сѣрой земли, покрытой рѣдкими солончаковыми жолтыми и красными травками. Слѣдующее озеро было пресное и большое, десять верстъ вдоль и три поперекъ. Оно появилось предъ нами неожиданно, точно театральная декорація при поднятіи занавѣса. Только тутъ занавѣсъ былъ замѣненъ большимъ безформеннымъ каменнымъ холмомъ, не представляющимъ собою ничего интереснаго, какъ и большинство театральныхъ занавѣсей. Но лишь только мы его обогнули, какъ увидѣли «блюдце», на которомъ въ миньятюрѣ былъ изображенъ настоящій горный видъ. Настоящее горное озеро, съ водою цвѣта индиго, съ заливами и заливчиками, съ маленькими фьордами, забиравшимися въ щели между скалъ. Горки тоже словно-бы настоящія,—острыя, съ отвисшими каменными стѣнами въ одномъ мѣстѣ, съ живописными кручами въ другомъ, съ кустами и деревьями, росшими изъ трещинъ. Совсѣмъ швейцарскій уголокъ. Иллюзію нарушилъ атаманъ казачьей станицы Якши-Янгис-Тауской (экая длинная!),

подошедшій къ начальнику нашей экспедиціи, со своей огромной булавой-посохомъ, и рапортовавшій о благополучномъ состояніи станицы и ея живописной территоріи. Казаки, свободные отъ служебныхъ обязанностей, въ киргизскихъ халатахъ, но въ военныхъ фуражкахъ съ кокардами, удили на озерѣ окуней, сидя въ долбленыхъ челнахъ, которые они называютъ ботами. Славное мѣстечко выбрано для казаковъ! Но зима и тутъ люта. Это, нето швейцарское, нето итальянское озеро зимою покрывается льдомъ въ два аршина толщиною. Да и лѣто иногда шутитъ плохія шутки. Говорили, что иной разъ во время покоса, то-есть въ началѣ іюля, въ степи у косарей ночью въ точилкахъ вода стынетъ. Хлѣба, однако, много. Въ селѣ Михайловскомъ, куда мы добрались на ночлегъ, параллельно улицѣ избъ, тянулись еще двѣ— хлѣбныхъ скирдъ.

Утромъ мы—уже въ самой «Швейцаріи», которая оказалась тутъ-же, за воротами Михайловскаго. Горы—крошечныя, но онѣ интересны тѣмъ, что въ миньятюрѣ воспроизводятъ настоящія горы, горы, такъ сказать, въ натуральную величину. Это вторыя игрушечныя горы, которыя я вижу: однѣ—Жегули, другія—кокчетавская Швейцарія. И тѣ, и другія подымаются среди степи.

Мы направляемся къ деревнѣ Балкашиной, которая лежитъ у подножія одного изъ значительнѣйшихъ хребтовъ Кочетка, Сандыктаускаго. Сначала мы переваливаемъ чрезъ два небольшихъ хребтика, поросшихъ лѣсомъ. Проселокъ вьется между деревьевъ по косогорамъ, съ глубокими колеями; мѣстами обнажается камень. Лѣсъ— старый, крупный, но сильно вырубленный. Тамъ и сямъ лежатъ недавно срубленныя толстыя сосны и березы. Проѣхали первые холмы, спустились въ лощинку, гдѣ бѣжалъ ручеекъ, еще перевалъ,—и мы очутились въ горной долинкѣ, замкнутой кольцомъ зубчатыхъ горокъ, величиной съ домъ, конечно, съ самый большой домъ на свѣтѣ, съ какое-нибудь архитектурное страшилище въ Чикаго или Нью-Іоркѣ, въ тридцать-три этажа. Горки покрыты щетиной сосноваго лѣса. Нѣкоторыя вершины голы и формой напоминаютъ шляпку гриба; да и цвѣтъ ихъ какой-то грибной, коричнево-сѣрый, съ зеленью:

такого пвѣта бываютъ старые моховики. Кое-гдѣ такіе грибы, въ видѣ древесныхъ губокъ, приросли къ отвѣснымъ каменнымъ стѣнамъ. Въ маленькой долинкѣ, опять въ видѣ блюдца, — ручьи, мочежинки, тучная черная земля и роскошная высокая и сочная трава, полная цвѣтами, среди которыхъ первенствовали черно-фіолетовые ирисы. Цвѣты сравнительно съ Петропавловскомъ здѣсь запоздали, несмотря на то, что мы на два градуса южнѣе. Здѣсь, между горъ, дольше лежитъ снѣгъ, и тѣ-же горы своею тѣнью уменьшаютъ нагрѣваніе почвы солнцемъ. И въ степи почти не бываетъ теплыхъ ночей, а здѣсь ночи совсѣмъ холодныя.

Балкашина—на почтовомъ трактѣ, южнѣе Кокчетава, у южнаго предѣла Кокчетавскихъ горъ и при началѣ новыхъ степей, Акмолинскихъ,—Акмолловъ, какъ зоветъ ихъ народъ. Акмоллы не то, что Кочетокъ. Земли хуже, засухи чаще, воды меньше, лѣса нѣтъ. Акмоллы родятъ великолѣпную яровую пшеницу. Эта пшеница тоже привлекаетъ народъ, но далеко не въ такой степени, какъ Кочетокъ, славный своими Крестами, Османками и, въ особенности, Тычкомъ, или Натычкомъ, о которомъ мужики говорятъ, что они «всѣ глаза на него проглядѣли». И вотъ, счастливая звѣзда, подъ которой мы, вѣроятно, родились, привела насъ взглянуть на этотъ Тычокъ, куда мы и направились изъ Балкашиной.

Всѣ въ нѣкоторомъ волненіи. Ямщики-старожилы заинтересованы, отрѣжутъ Тычокъ отъ киргизовъ, которые имъ до сихъ поръ пользовались, или нѣтъ: старожилы арендуютъ его и косятъ на немъ сѣно. Провожатыми вызвались быть крестьяне, «временно проживающіе» въ Балкашиной и не желающіе идти никуда на свѣтѣ, чтобъ не упустить Тычокъ; эти красны отъ волненія, одинъ даже позабылъ захватить шапку. Наша молодежь волнуется, ожидая увидѣть земной рай, о которомъ ходоки разсказываютъ имъ вотъ уже два года. Нашъ курьеръ Васильевъ, родомъ изъ новгородскихъ болотъ и подзоловъ, давно уже объявилъ, что настоящая Сибирь—въ Новгородской губерніи; хочетъ отказаться отъ блестящей карьеры въ столицѣ и «сѣсть на землю» на Тычкѣ. Взоры всѣхъ обращены на карту уѣзда,

и всѣ спрашиваютъ, «что въ ней написано» о грядущихъ судьбахъ Тычка. Разразилась переселенческая горячка. И вотъ, въ переднемъ тарантасѣ, подымается на ноги одинъ изъ его сѣдоковъ и, указывая впередъ, восторженно кричитъ заднимъ:

— Тычокъ! Тычокъ! Тычокъ!

— А! произносимъ мы, подобно пилигримму Мицкевича, увидѣвшему Чатырдагъ.

И, подавленнче, располагаемся завтракать, въ тѣни березъ, на крутомъ берегу ручейка. Вокругъ насъ кольцомъ разсѣлись старожилы, временно проживающіе и цѣлая стая ходоковъ. Глаза блестятъ.

Хозяйственныя достоинства Тычка дѣйствительно рѣдкостныя. Земля черная, трава по-поясъ, склонъ къ югу. О водѣ и говорить нечего: она вездѣ журчитъ ручьями. На горахъ лѣсъ. Теперь, въ горячій іюльскій день, это дѣйствительно земледѣльческій рай. Интересенъ и пейзажъ. Мы находимся у самаго края обычнаго кокчетавскаго блюдпа, но тутъ оно огромной величины. Противоположные его края, горы Джаксы-Тюкты, Кабайдынъ и Беркуты, синѣютъ на горизонтѣ. Нашъ край блюдца называется горами Сандыкъ-Тау и подымается отвѣсной стѣной, въ щеляхъ которой ухитрились вырости сосны и березы. Подножіе стѣны составляетъ осыпь песка, камешковъ и гравія. На ней сплошной лѣсъ, конечно, сильно выгорѣвшій, изъ котораго бѣгутъ маленькими каскадами ручьи. Лѣсъ—сосновый, съ тощей травкой, съ слабенькими песчаными цвѣтками, среди которыхъ я нахожу душистую перистую гвоздику, всю составленную изъ зеленыхъ ниточекъ стеблей и перышекъ цвѣтковъ. Кончается словно по шнуру отбитая песчаная осыпь и сразу переходитъ въ тучнѣйшій черноземъ, покрытый степной травой, такою густой, что «ужу не проползти». Этотъ коверъ травъ и цвѣтовъ слегка склоняется къ ручью Аты-Джокъ, изъ котораго народъ сдѣлалъ Натычокъ и просто Тычокъ.

Увидѣвъ Тычокъ, ничего больше не оставалось, какъ ѣхать обратно, чрезъ Кокчетавъ въ Петропавловскъ. До тракта мы рѣшили добраться, не возвращаясь въ Балкашину, а ѣхать проселкомъ на-прямки, въ казачью ста-

ницу Сандыктавскую. Это оказалось не такъ легко, потому-что и до ближайшаго проселка надобно было добираться тропинками, терявшимися въ высокой травѣ сырыхъ луговъ, у подножія Сандыктава. Ихъ выкашиваютъ, но теперь сѣнокосъ еще не начался, и мы ѣхали, казалось, по такимъ мѣстамъ, гдѣ до насъ еще никто не бывалъ. Слѣва—стѣна горъ, уже закрывшая насъ своей холодной тѣнью. Справа густые березняки. Несмятая трава. Тамъ собака выгнала зайца, попробовала погнаться за нимъ въ непролазной травѣ, но бросила эту попытку и стала чихать. Тутъ вылетѣлъ огромный глухарь. Чрезъ нѣсколько шаговъ поднялось стадо тетеревей. Около часа ѣхали мы этой холодной, влажной, никѣмъ не тревожимой долинкой, испытывая прочность нашихъ тарантасовъ, добрались до проселка, перевалили по песчаной и каменистой лѣсной дорожкѣ черезъ Сандыктавъ и по почтовому тракту направились на сѣверъ обратно.

Вотъ, и вся кокчетавская Швейцарія. Есть еще горы, выше и живописнѣй, около станицы Щучинской. Тамъ есть даже водопадъ, соединяющій два озера, уровни которыхъ одинъ выше другого на тридцать саженей. Впрочемъ, водопадъ этотъ больше крутой порогъ, чѣмъ водопадъ, а горы немногимъ превосхолятъ тѣ, которыя мы видѣли.

Возбужденіе, вызванное красотами пейзажа и хозяйственными достоинствами Тычка, долго не улеглось. Васильевъ, на козлахъ, и ночью не дремалъ, какъ обыкновенно, а думалъ о «Сибири» и зябъ: іюльская ночь была очень холодна.—«Какъ-бы сегодня въ Сибири мороза не было», съ тревогой говорилъ Васильевъ. Молодежь тоже была съ приподнятыми нервами. Кстати обстановка была поэтическая. Горы перешли въ легкіе холмы. По сторонамъ дороги тамъ и тутъ виднѣлись озера, отражавшія зарю или небо: въ однихъ вода была золотая, въ другихъ свѣтло-лазурная. Холодный вечеръ напоминалъ осень, пору мечтательную. Заря горѣла янтарная, нѣжная, болѣзненная. Холмы и перелѣски обрисовывались на ея фонѣ черными силуэтами. Звѣзды, одна ихъ толпа за другой, выходили на небо и играли. Молодежь расчувствовалась. Одинъ вдохновенно говорилъ о будущемъ

Россіи, Кочетка, Тычка. Другой, лирически настроенный, сказалъ, что, какъ видно, онъ еще не совсѣмъ старъ (ему было *уже* двадцать-четыре года), что ему еще доступны красоты природы, что сегодня онъ почему-то счастливъ и даже хочетъ пѣть. И онъ сталъ пѣть: для киргизской степи и принимая во вниманіе, что не было слушателей, онъ пѣлъ не безъ пріятности. Кончилось тѣмъ, что молодежь, не зная, на что истратить накопившееся возбужденіе, вышла изъ экипажей и начала состязаться въ скороходствѣ. Первый призъ взялъ говорившій о судьбахъ Россіи. Измѣрили длину его шага,— оказалось два аршина безъ малаго. Тогда ноги были признаны неузаконенной длины, а состязаніе объявлено несостоявшимся.

Городъ Кокчетау, оффиціально Кокчетавскъ,—городъ маленькій, деревянный, одноэтажный. На сѣверъ отъ него идетъ степь, не та орошенная рѣками, Ишимомъ, Бурлуками, кокчетавскими ручьями, цвѣтущя степь, которою мы ѣхали до сихъ поръ, а безводная, солончаковая. Сюда народъ не пошолъ. Даже станціи помѣщаются не въ селеніяхъ, которыхъ тутъ нѣтъ, а въ «пикетахъ», состоящихъ изъ станціоннаго домика и нѣсколькихъ кибитокъ ямщиковъ-киргизовъ. Нѣтъ воды, и это дѣлаетъ степь безлюдною. Когда людямъ станетъ совсѣмъ тѣсно, они пойдутъ и сюда. Но тогда тутъ будутъ устроены цистерны, хранящія запасы снѣговой воды. Чтобы вода не портилась, ее станутъ мѣшать крыльями вѣтряныхъ мельницъ. Около соленыхъ озеръ поставятъ паровые опрѣснители... Словомъ, устроятъ то-же мудреное хозяйство, какое существуетъ на Марсѣ, въ разсказахъ Жюля Верна и въ мечтахъ, зародившихся на Тычкѣ.

Въ настоящее время степь, лежащая вдали отъ рѣкъ и ручьевъ, пустынна. Вы ѣдете десятки верстъ и, словно не двигаясь съ мѣста, видите одну и ту-же картину: безграничный кругъ ковыльной степи, надъ нимъ низкій куполъ неба, частый гребешокъ телеграфныхъ столбовъ, по прямой линіи убѣгающихъ въ даль, и кое-гдѣ по дорогѣ клубы пыли въ видѣ пучковъ ковыля. Разнообразіе только въ облакахъ на небѣ, медленно мѣняющихъ формы, краски и освѣщеніе, громадныхъ и величественныхъ.

Ровно черезъ недѣлю пути мы вылѣзли въ Петропавловскѣ изъ тарантаса и не безъ удовольствія возвратились на удобные диваны вагона.

II.

Тарскіе урманы.

Изъ степей — въ урманы. Урманъ то-же, что тайга, то-есть, сплошной дѣвственный хвойный лѣсъ. Урманъ, который намъ предстоитъ увидѣть, находится на порядочномъ сѣверѣ, между 57 и 58 градусами широты, по правому берегу Иртыша, противъ уѣзднаго города Тобольской губерніи, Тары. Сѣверный сибирскій урманъ! Воображеніе рисуетъ непроходимую чащу столѣтнихъ кедровъ и лиственницъ, съ которыхъ свисаютъ длинныя пряди сѣдого мха, болота-зыбуны, медвѣдей и лосей, спрятавшихся отъ тучъ знаменитаго сибирскаго «гнуса» въ воду болотныхъ «оконъ», смѣлыхъ охотниковъ и безстрашныхъ сибирскихъ бродягъ. И, однако, урманы населены уже довольно густо и заселяются быстро. Первое поселеніе въ ихъ глубинѣ возникло всего года четыре тому назадъ, и объ немъ узнали случайно: въ Тарѣ на базарахъ стали появляться какіе-то неизвѣстные чуваши и черемисы.—Откуда вы?—Изъ Ермаковки.—Какая такая Ермаковка, гдѣ она?—Въ урманѣ.—Далеко?—Верстъ двадцать будетъ.—Что за чудо, никогда объ Ермаковкѣ не слыхали! Собрались съѣздить туда, съѣздили и нашли цѣлую благоустроенную деревню, выросшую въ казенной лѣсной дачѣ, построившуюся изъ казеннаго лѣса, раздѣлавшую луга и поля. Конечно, начались громы и молніи: выдворить, оштрафовать, взыскать убытки, подвергнуть наказанію! Потомъ стало жалко. Потомъ рѣшили не выдворять. Затѣмъ надѣлили землей. И теперь Ермаковка — огромное зажиточное село, съ церковью и отличной школой. «Дикіе урманы»—оказались безъ болотъ, безъ лѣсныхъ дебрей, съ очень хорошей землей. Теперь урманы—населенная мѣстность и настоящая выставка этнографическихъ типовъ и прекрасивыхъ пейзажей.

Снова я въ Тарѣ, которую видѣлъ въ первый разъ осенью и, лѣтомъ, не узнаю ея. Грязи нѣтъ, садики зеленѣютъ, даже косогоровъ какъ-будто меньше. Въ прошломъ Тара была богатымъ торговымъ городомъ, лежавшимъ на перекресткѣ большого сибирскаго тракта, который тогда шолъ на Тюмень, Тобольскъ и Тару, и водной дороги, Иртыша. Тара торговала и съ восточной Сибирью, и съ далекими Бухарой и Хивой. Памятникомъ ея былого значенія остались шесть большихъ каменныхъ бѣлыхъ церквей, высоко поднимающихся надъ городомъ, превратившимся теперь въ деревню. Деревня на время оживилась съѣздомъ начальства, изъ столицы, изъ губерніи, крестьянскихъ чиновниковъ, топографовъ, переселенческихъ чиновъ. Затѣмъ начальство, въ полномъ составѣ, отправилось за Иртышъ, въ урманы, усѣвшись въ «коробки́».

Коробо́къ — первобытный тарантасъ (поэтому-то онъ мужскаго, а не женскаго рода; коробокъ, а не коробка). У него есть дрожины, но «недоразвитыя», тряскія. Есть кузовъ, но не плотный, а сплетенный изъ черемуховыхъ прутьевъ. По эластичности кузовъ напоминаетъ обыкновенный человѣческій животъ: чѣмъ больше его наполняютъ, тѣмъ больше его распираетъ, и, наконецъ, отъ неумѣренности онъ или сворачивается съ дрожинъ, или лопается. Кузовъ не имѣетъ ни верха, ни фартука; поэтому пассажиръ подвергается вліянію стихій, въ видѣ дождя, сверху, и въ образѣ грязи, снизу, съ ободьевъ колесъ. Кузовъ коротокъ, и въ немъ надо сидѣть, а не лежать; сидѣть же не особенно сладко, такъ-какъ эластичность кузова быстро разстраиваетъ сидѣнье. Въ коробкахъ по урманамъ мы сдѣлали 353 версты. Сто верстъ, кромѣ того, мои спутники имѣли удовольствіе проѣхать верхомъ, на деревянныхъ сѣдлахъ, съ мочальными стременами. Сдѣлавшіе это путешествіе утверждаютъ, что есть нѣчто еще хуже коробка.

Изъ Тары поемными лугами, съ которыхъ до сихъ поръ, по 12 іюля, еще не вполнѣ сошла весенняя вода, добрались до Иртыша и на гребномъ паромѣ переправились на урманный берегъ. Сначала урманы какъ-будто и оправдываютъ свою репутацію мѣстъ дикихъ, безплод-

ныхъ. На томъ берегу, у самаго Иртыша сразу-же попадается нѣчто странное. Часть высокаго и крутого берега оторвалась и сползла къ рѣкѣ; приэтомъ оторвавшійся ломоть не разсыпался, а такъ, ломтемъ, и стоитъ, съ деревьями и кустами на своемъ гребнѣ. Между нимъ и материкомъ образовалось небольшое живописное ущельице, въ которомъ пріютилась чистенькая переселенческая больничка, къ удовольствію переселенцевъ, совершенно пустая: усердная фельдшерица говоритъ, что это даже скучно.

Изъ миніатюрнаго ущелья подымаемся наверхъ, гдѣ стоитъ село Екатерининскій Заводъ. Тутъ прежде дѣйствительно былъ казенный винокуренный заводъ, на которомъ работали каторжники, нынѣ крестьяне Екатерининскаго. О томъ, что это дѣти преступниковъ, а частью и преступники, правда, давніе, ничто не говоритъ. Мужики какъ мужики, только очень разнолицые,—типы со всего русскаго свѣта. Дальше, до села, съ названіемъ какъ-будто выдуманнымъ плохимъ беллетристомъ,—Урузай-Коряковскаго, идутъ сосновые боры и песчаныя горки. Особой дикости нѣтъ, но мѣста безплодныя, и ждешь, что сейчасъ, со слѣдующей версты, начнется и подлинная дичь,—сѣдые кедры и пихты, топи, гнусъ, сохатые и остяцкія становища. Вмѣсто того, боръ кончается,—и мы видимъ себя въ началѣ длинной улицы большого села Нагорнаго. Избы новыя, бѣлыя, просторныя. Бревна толстыя, окна большія, съ рѣзьбою. Тутъ живутъ вятичи, любители и мастера строиться. Посреди села собрался многолюдный сходъ. Русыя головы, свѣтло-голубые глаза, спокойные, внимательные, рѣдко моргающіе. Типа два: одни—высокіе, худощавые, длинноносые и узколицые,—это славяне почище, съ большихъ вятскихъ рѣкъ и трактовъ; другіе—приземистые, курносые, круглоголовые, съ рыжеватыми бородками клочками,—«вотяковатые» и «зыряноватые». Въ каждомъ вятскомъ селѣ должны быть Чарушниковы и Ва́сенцовы.

— Гдѣ у васъ тутъ Чарушниковъ? спрашиваемъ наугадъ.

— Я—Чарушниковъ. А что?

— Ничего. А Васенцовъ гдѣ?

— Который? Михайло?

— Да.

— Вчера въ Тару уѣхалъ. Да на что тебѣ?

— Ни на что, а только мы говорили, что безъ Чарушникова и Васенцова нѣтъ вятскаго села.

— Вѣрно. Еще, вотъ, Хохряковыхъ много.

Въ концѣ села новенькая церковь. Почтенный батюшка въ камилавкѣ, молодой интеллигентный псаломщикъ. Строютъ школу. Вотъ, вамъ и остяцкое становище! Въ церкви русые, голубоглазые Чарушниковы, Васенцовы и Хохряковы, и въ живописи такіе-же искусники, какъ въ плотничьемъ дѣлѣ, просили позволенія по-своему расписать иконостасъ, выкрашенный подъ дубъ.

— Мы сами сдѣлаемъ. Весь мы его позеленимъ, какъ вотъ молодая трава бываетъ, а столбики розаномъ пустимъ. А то, вѣдь, дерево! Мы дерево вездѣ видимъ, все у насъ деревянное. И въ лѣсу дерево, и въ избѣ дерево. Разрѣши, твое—ство!

Конечно, разрѣшеніе было дано. Художники при этомъ весело переглянулись и мысленно уже терли краски и вязали кисти.

Въ Нагорномъ кончился и намекъ на урманную дичь и глушь. Лишь только мы выѣхали изъ села, какъ попали, ни дать, ни взять, въ павловскій или царскосельскій паркъ. О пескахъ и помину нѣтъ, и пошла черная земля. Высокіе и крутые пригорки, глубокія, узкія, извилистыя лощинки. По пригоркамъ, лощинамъ и плоскимъ площадямъ разбѣжался негустой паркъ большихъ, здоровыхъ красавицъ-березъ. Подъ ними—зеленыя густыя травы. Просто не налюбуешься. Особенно хороши лощины, прорѣзавшія этотъ свѣтлый паркъ; въ нихъ травы еще выше и точно окроплены красными, синими и желтыми цвѣтами, а изъ травы подымаются бѣлые, какъ бумага, стволы березъ. И солнце свѣтлое. И тепло. И гнусъ не очень донималъ; только на одномъ небольшомъ переѣздѣ вдругъ нанесло слѣпней, которые кусали чуть не сквозь сапоги. Пришлось надѣть на головы капюшоны, съ волосяной, смазанной гвоздичнымъ масломъ сѣткой, противъ лица, и замшевыя перчатки на руки. Однако, гнусъ скоро и такъ-же внезапно, какъ появился, исчезъ.

Отъ вятичей мы попали къ зырянамъ, — этнографическая выставка начинала дѣлаться такою же интересной, какъ и коллекція пейзажей. Зырянъ отъ вятичей сразу не отличите. Тѣ-же глаза, тѣ-же волосы, то-же спокойствіе и рѣдкое морганіе, та-же русская рѣчь и кресты на шеяхъ. Однако, тутъ нѣтъ высокихъ и длиннолицыхъ, а все коренастые, курносые и круглоголовые. Избы меньше и грязнѣй. Между собой говорятъ по своему. Зыряне—такой-же предпріимчивый народъ, но въ менѣе культурной сферѣ. Вятичи сами раскрашиваютъ иконостасы, а зыряне по зимамъ «убѣгаютъ» въ урманъ,—въ дальній, настоящій, въ Васюганскія болота, за Васюганъ, гдѣ охотятся на звѣрей и торгуютъ съ инородцами, обирая ихъ съ чрезвычайной ловкостью.

На сдѣдующій день новая неожиданность: мы попали въ городъ, немногимъ хуже Тары. Это—село Сѣдельниково. Громадное село, много двухъэтажныхъ домовъ, лавки, амбары. Вокругъ обширныя поля и безлѣсье. Обѣдали въ свѣтлыхъ просторныхъ комнатахъ и совершенно по-купечески. Всего было много, все было очень вкусно, на послѣднее былъ кремъ съ бисквитами. Сѣдельниково—старое,—старое по-сибирски, ему лѣтъ 50—60, не больше,—торговое село. Мужики—больше купцы, чѣмъ мужики, и ходятъ по городскому, въ пиджакахъ и при часахъ.

— Когда-же начнется урманъ,—кедры, тайгизы, сохатые, становища?

— За Уемъ, черезъ который мы переправимся въ Усть-Кустакѣ. Отъ Усть-Кустака до Березовки, то-есть, отъ рѣки Уя до рѣки Шиша, только въ прошломъ году пробита кое-какая колесная дорога. За Шишомъ къ рѣкѣ Тую и такой нѣтъ. Тамъ въ село Чингалу поѣдемъ «тайгизомъ», лѣсной тропой, верхами. Уй, Шишъ, Туй—это все правые притоки Иртыша, текущіе съ востока на западъ. Уй — самый южный, Туй — самый сѣверный изъ нихъ. На картахъ этихъ рѣкъ не ищите: ихъ нѣтъ тамъ.

Дѣйствительно, карты глухихъ мѣстъ Сибири, это—совершенно фантастическія произведенія. Та мѣстность, по которой мы теперь ѣдемъ, любуясь совсѣмъ «цар-

скосельскими» парками, пашнями и травами, на картѣ обозначена сплошнымъ болотомъ. Одинъ изъ составителей этой карты меня увѣрялъ, что тамъ болото и есть, притомъ глубиною въ полторы версты. Такъ-называемыя распросныя свѣдѣнія не приносятъ пользы. Сибиряки, которые отлично узнали мѣстность верстъ на сто, на двѣсти въ окружности, исходивъ ее въ качествѣ охотниковъ или торговцевъ съ инородцами, ничего не разскажутъ, опасаясь конкуррентовъ и наплыва переселенцевъ. Отъ сибирской интеллигенціи тоже мало проку. Какъ-то мнѣ дали рукопись такого интеллигента, который отправился изучать рѣку Васюганъ, притокъ Оби, на востокъ отъ мѣстности, гдѣ мы теперь находимся, за большими Васюганскими болотами. Рукопись была довольно объемистая, но кромѣ «интеллигентскаго» вздора ничего въ себѣ не заключала. Я узналъ, что Васюганскій районъ будто-бы заключаетъ въ себѣ двѣ Франціи, что этими двумя Франціями распоряжаются одинъ засѣдатель и нѣсколько вахтеровъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ, что купцы сбываютъ тамъ фальшивые пятаки, что населеніе, — 700 остяковъ, — неграмотно и безъ привитой оспы. Рукопись кончается неожиданной моралью:—прямой долгъ Россіи обучить 700 остяковъ грамотѣ и привить имъ оспу, «вмѣсто того чтобы дарить какимъ-то абиссинцамъ колокола». Узнаю отечественную интеллигенцію, которая въ практическихъ вопросахъ вездѣ одна и та-же, отъ береговъ Невы до Чукотскаго Носа, коснется ли дѣло Абиссиніи или Васюганскихъ болотъ.

Мы въ Усть-Кустакѣ, снова вятскомъ селѣ, съ циклопическими избами, рѣзными ставнями, Чарушниковыми, Васенцовыми и Хохряковыми. По дорогѣ въ Кустакъ видѣли юртъ Рѣчаповскій, деревню татаръ-собственниковъ, владѣющихъ обширными землями, живушихъ грязно и вымирающихъ. Покойный Ядринцевъ писалъ, что татары вымираютъ, потому-что неграмотны и имъ не прививаютъ оспы. Сами татары объясняютъ свое вырожденіе тѣмъ, что, по старымъ привилегіямъ, ихъ не берутъ въ солдаты. «Стало быть,—говорятъ они,—мы царю ненужны; а ему ненужны—ненужны и Богу. Вотъ, и не плодимся». Изъ этихъ двухъ объясненій татарское опровергнуть труднѣе,

такъ-какъ и вятичи, и зыряне, и сибирскіе старожилы тоже живутъ безъ грамоты и оспы, а множатся такъ, что только успѣвай заготовлять переселенческіе участки.

Въ Кустакѣ переправа чрезъ Уй, извивающуюся рѣчку, шириною саженей въ пять. И Уй живописенъ. Онъ течетъ въ крутыхъ, почти отвѣсныхъ берегахъ, вышиною сажени въ четыре, густо заросшихъ деревьями и кустами. На рукахъ спускаютъ наши многочисленные коробки съ кручи на паромъ, то-есть, по-просту на плотъ изъ бревнышекъ, и на рукахъ поднимаютъ ихъ на противоположный берегъ. Тутъ начинается узенькая дорожка, прорубленная въ лѣсу лишь въ прошломъ году. До нея тутъ былъ «конный тайгизъ». Тайгизъ существовалъ недавно, но тайга, та тайга, которую рисовало въ этихъ мѣстахъ воображеніе, давно уже исчезла. Вѣковѣчный сѣдой урманъ сгорѣлъ во времена основанія Сѣдельникова, которое, лишь только основалось, сейчасъ-же начало пускать во всѣ стороны на десятки верстъ па́лы. На мѣстѣ хвойнаго урмана выросли все тѣ-же березовые и осиновые парки, которыми мы ѣхали до сихъ поръ. Здѣсь они моложе и вмѣстѣ съ тѣмъ гуще. Это уже больше рощи, чѣмъ парки. Мѣстность становится ровнѣе, лощины шире, берега ихъ болѣе отлоги. Иногда на днѣ ложбинъ—болотца, и тамъ уцѣлѣли одиночные старые кедры, съ ихъ длинной волосатой хвоей, и зелено-черныя пихты. Наверху—густые березники съ такими бѣлыми стволами, что отъ нихъ какъ будто свѣтло въ лѣсу; когда потомъ въѣзжаешь въ такой-же частый осинникъ, съ сѣрой корой, кажется, что солнце зашло за облако. Кое-гдѣ подымается колоссальная лиственница, въ нѣсколько обхватовъ, насчитывающая не одну сотню лѣтъ, видавшая царя Кучума и Ермака и чудомъ уцѣлѣвшая отъ сѣдельниковскихъ паловъ.

Мы ѣдемъ невдалекѣ отъ Уя, который прячется отъ насъ за лѣсомъ. Вдругъ онъ показался. Мы пробирались сосновымъ боромъ, подымаясь въ гору. На самомъ перевалѣ лѣсъ порѣдѣлъ, разступился небольшой прогалиной, и мы увидѣли, что находимся на высокой, саженей въ двадцать, горѣ, которая круто обрывалась внизъ. Внизу извивалась рѣка и уходила на много верстъ въ даль. И

все, что было видно, были синѣющіе лѣса, по которымъ узкой тропой вилась рѣчка. Картина была-бы суровой, если-бы ее не смягчали яркое солнце и чистое небо; во всякомъ случаѣ, она была великолѣпна, даже величественна. Въ этомъ морѣ лѣса, въ этой рѣчкѣ, такъ глубоко врѣзавшейся въ землю, было нѣчто, не виданное мною въ другихъ мѣстахъ. Это былъ оригинальный «урманный» пейзажъ.

Изъ урманнаго пейзажа мы попали къ бѣлоруссамъ. Совсѣмъ другіе люди, чѣмъ вятичи, зыряне, сѣдельниковскіе старожилы. По сравненію съ вятичами они миловидны, но жалки и безпомощны. Маленькія избенки, блѣдные ребятишки. Взрослые пришли въ урманы, не имѣя о нихъ понятія, сѣли не тамъ, куда ихъ направили (тамъ не понравилось), а залѣзли въ казенную лѣсную дачу. Ихъ гонятъ, а они плачутъ. Ну, ихъ и пожалѣли. И мѣсто-то хуже другихъ, свободныхъ,—супесчаный сосновый боръ.

Подъѣхали къ крайней избѣ,—и въ ней никого, и въ деревнѣ никого. На порогѣ появилась худенькая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, съ большими бѣлорусскими глазами «пивного» цвѣта.

— Здравствуй, дѣвочка.

Молчитъ.

— Пустишь въ хату?

Молчитъ.

— Пустишь? Мы чай будемъ пить и тебѣ сахару дадимъ.

— Якъ себѣ хочете.

Вошли въ избу, по которой тотчасъ-же ходуномъ заходилъ Васильевъ, устраивая чай. Дѣвочка побѣжала «шукать тату съ мамой». Недалеко отъ избы на кучѣ бревенъ появились маленькіе бѣлоруссики, съ бѣлыми волосами, грязными ножонками, въ однѣхъ грубыхъ рубахахъ, и усѣлись, какъ ласточки на карнизѣ, рядами. Передъ ними, неизвѣстно откуда, очутился такой-же бѣлый, какъ они, поросенокъ, который сталъ предаваться безтолковой веселости: бѣгалъ въ галопъ кругами, наскакивалъ на затесавшагося сюда-же цыпленка, схватывалъ соломенку и опять, съ нею во рту, начиналъ дѣлать

игривые прыжки. Бѣлоруссики пристально на него смотрѣли, но никто даже не удыбался. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ десяти, особенно блѣдный, съ палкой въ рукѣ и въ конической бѣлой войлочной шапкѣ, созерцалъ поросенка даже съ грустью.

— Какъ тебя, хлопчикъ, зовутъ?

— Змитрокомъ зовутъ.

— Ты нездоровъ?

— Ага, хворѣю.

Мальчикъ неторопливо и равнодушно засучилъ брюки и показалъ на ногѣ рану, очевидно, туберкулезную.

— Отчего это у тебя?

— Зъ ночи. Спалъ всю ночь, проснулся, и съ той ночи и захворѣлъ.

Подошла мать мальчугана, тоже миловидная и тоже блѣдная.

— Что это съ твоимъ Змитрокомъ?

— А зъ ночи. Спалъ, проснулся и сталъ съ той ночи на ножку жалиться.

Собрались мужики. Зачѣмъ вы переселились? Справитесь-ли съ Сибирью? Что думаете дѣлать?—Отвѣчаютъ нѣчто вродѣ того-же «зъ ночи». Вялые, непредпріимчивые, малокровные. Ихъ веселость напоминаетъ безтолковую веселость поросенка. Ихъ гнѣвъ—истерика. За день до нашего пріѣзда одинъ бѣлоруссъ топоромъ изрубилъ голову жеребцу другого хозяина: мужикъ остервенѣлъ отъ того, что его кобыла будетъ жереба, и на ней нельзя будетъ работать. Это ихъ такъ обработали польская культура и польскіе порядки, отъ которыхъ они и до сихъ поръ отдышаться не могутъ.

Въ полуверстѣ отъ бѣлоруссовъ—люди совсѣмъ иной культуры: сначала латыши, а немного дальше эсты. На сорокъ верстъ дальше—нѣмцы, самые настоящіе нѣмцы, изъ которыхъ одинъ даже оказался прусскимъ подданнымъ. Эти урманы—совсѣмъ культурная и этнографическая выставка. Кого только въ нихъ нѣтъ! И великоруссы, народъ «естественный», маленько съ дичинкой, но бодрый, сытый, смышленный и свободный. Не знаю, откуда старикъ Некрасовъ взялъ своего забитаго, стонущаго, покорнаго великорусса. Сколько я ни ѣздилъ по Россіи,

такого я не видалъ. И не читалъ я о такомъ ни у одного изъ нашихъ первоклассныхъ писателей: у Тургенева, Толстого, Достоевскаго, Писемскаго. Тургеневъ и Писемскій много говорятъ о злѣ крѣпостного права, но и тутъ крѣпостной мужикъ чаще всего является у нихъ протестантомъ, воюющей стороной. Исторія крѣпостного мужика знаетъ пугачевшину. Старикъ Некрасовъ былъ городскимъ человѣкомъ и сентиментальничалъ; кромѣ того, онъ былъ дѣльцомъ, издателемъ,—и «направленствовалъ». Его мужикъ тоже служилъ направленію и умилялъ жалостливыхъ горожанъ. Вотъ, бѣдняга бѣлоруссъ дѣйствительно забитъ, дѣйствительно и до сихъ поръ рабъ по уму и характеру, но это приписываютъ дурному питанію и курнымъ избамъ, а не ужасамъ, настоящимъ, а не прикрашеннымъ, польскаго крѣпостного права. Латыши и эсты не естественные, но и не забитые, а дисциплинированные люди. Ихъ «паны», нѣмцы, даже остзейскіе, даже крѣпостники,—преумный народъ. «Повстаній» они не дѣлали и все-таки долго водили насъ за носъ, очень долго, съ Петра Великаго. О Германіи, отъ Ревеля до Тріеста, не мечтаютъ, потому-что знаютъ, что это было-бы глупо. Изъ своихъ крѣпостныхъ не выжимали сока. Они не расщедрились для нихъ на надѣлы, но создали немалочисленный классъ зажиточныхъ арендаторовъ. Они не превратили своего мужика въ «быдло», а учили его читать, молиться, пѣть, соединяться въ ферейны. Это—не тираны, не сантиментальные народники, а разумные практическіе хозяева, которые не отдѣляли своего благополучія отъ мужицкаго, причемъ себѣ, конечно, брали львиную долю, потому-что могли ее взять.

Сначала мы заѣзжаемъ къ латышамъ. Эти поселились хуторами, разбросавъ свои фермы по всему участку. У каждаго просторный домъ, немного похожій на сарай, съ землянымъ поломъ, но свѣтлый и чистый. Подъ окошкомъ нѣсколько грядъ съ цвѣтами. Дальше огородъ съ отличными овощами. Пашни, разбросанныя по полянамъ между перелѣсковъ, огорожены, удобрены и удивляютъ сосѣднихъ бѣлоруссовъ пышностью хлѣбовъ. Раздѣлываютъ изъ-подъ лѣса новыя поляны; жилистые латыши корчуютъ гигантскіе пни колоссальныхъ листвен-

ницъ и ворочаютъ ихъ съ медвѣжьей силой и воловьимъ упорствомъ. Зачѣмъ корчевать, когда земли вдоволь? Но латыши—не то, что нашъ «естественный» русакъ, который ограбитъ землю и уйдетъ дальше. Ученикъ нѣмца садится на-вѣкъ. Дѣтямъ или внукамъ, все равно, придется корчевать. Зачѣмъ-же сваливать это на нихъ, когда у самого латыша есть свободное время? А свободнаго времени у него достаточно, потому-что у него въ году праздниковъ не полтораста дней, а въ будни ему скучно сидѣть сложа руки: нѣмцы пріучили его къ работѣ. Однако, нѣмецкая дисциплина, какъ видно, была крутенька. Когда мы осматривали латышскій домъ, одинъ изъ спутниковъ вдругъ закричалъ благимъ матомъ: кто-то сзади крѣпко схватилъ его за ноги. Оказалось, это была хозяйка дома, почтенная латышка, охватившая колѣна спутника и цѣловавшая полу его сюртука. Русскій мужикъ этого никогда не сдѣлаетъ. Молодой волостной старшина изъ сибирскихъ старожиловъ, видѣвшій эту спену, поморщился и даже сплюнулъ.

Эсты поселились деревней, но землю раздѣлили подворно. Эти сѣли тоже прочно, тоже ворочаютъ и корчуютъ пни, думаютъ о дѣтяхъ и внукахъ. Эсты совсѣмъ огорчили насъ своей культурностью, которой такъ недостаетъ русаку, имѣющему неоспоримыя, но ужъ слишкомъ естественныя, доставшіяся ему даромъ, достоинства. При въѣздѣ въ деревню была устроена изъ зелени и цвѣтовъ арка. Въ воротахъ приготовленной для насъ избы стояла группа по возможности благообразныхъ чухонокъ. У каждой въ одной рукѣ былъ букетъ, въ другой—нотная тетрадь. Хоръ эстонскихъ красавицъ встрѣтилъ насъ пѣніемъ. Чухонскіе голоса маленько визжали, маленько скрипѣли, но пѣли безъ ошибокъ, добросовѣстно, умѣло—пѣлъ спѣвшійся «зингферейнъ». На слѣдуюшее утро сигналъ къ вставанью былъ поданъ согласнымъ пѣніемъ того-же хора. Пѣніемъ и цвѣтами проводили насъ до лошадей. Чувствовалось, что эти люди пріучены жить сознательно, пріучены группироваться, дѣйствовать дружно; чувствовались твердыя формы, прочный, цѣлесообразный укладъ жизни. Обидно становилось, когда мысленно сравнивалъ съ дисциплинированными эстами

безпорядочную русскую толпу, которую сдерживаетъ только сила, а объединяютъ только большія опасности въ исключительныя минуты.

Березовскіе хутора нѣмцевъ и Сырбашкинскіе—латышей—послѣднія поселенія этой мѣстности на сѣверъ. До нихъ сорокъ верстъ. Мѣстность становится все ровнѣй. Лѣса изъ красивыхъ парковъ и рощъ превратились въ густыя, совсѣмъ молодыя березовыя заросли. Почва хуже, а съ половины дороги и совсѣмъ плохая, подзолистая. По пути натыкаемся на курень, въ которомъ баба варитъ обѣдъ и возятся ребятишки. Въ дыму костра лежитъ корова и жуетъ жвачку. Ходятъ двѣ курицы и пѣтухъ. Оказывается, тутъ живетъ какой-то ковенскій Робинзонъ. Самъ онъ ушелъ косить сѣно, а его баба объясняетъ, что они пришли по вызову, приглашавшему заселять Сибирь, проситъ указать землю, получше, и непремѣнно построить гдѣ-нибудь по близости костелъ и вызвать туда ксендза. Жаль, что въ то время ковенскій ксендзъ Бѣлякевичъ пребывалъ въ неизвѣстности. Самый подходящій кандидатъ для урмановъ, гдѣ еще недавно шаманы вызывали дьяволовъ. Почтенный ксендзъ съ корнемъ истребилъ-бы эти остатки гнусныхъ суевѣрій.

Нѣмцы сѣли на южномъ берегу Шиша, на безплодной недавней гари. Что ихъ сюда привлекло? Они говорятъ, что это—возможность стать собственниками земли, тогда-какъ въ Западномъ краѣ, гдѣ они до того арендовали землю, der Herr Pomeschtschik каждую минуту могъ имъ сказать: «poschol na Tschert». Хутора разбросаны на возвышенности, съ которой видна обширная зарѣчная плоскость, слегка подымающаяся къ горизонту. Странное впечатлѣніе производитъ эта даль. Отсюда она представляется обширными полями, по которымъ кое-гдѣ разбросаны рощи, имѣющія видъ тѣхъ липовыхъ парковъ, которые составляютъ непремѣнную принадлежность каждой русской помѣщичьей усадьбы, побогаче и постарше. Въ этихъ усадьбахъ и на этихъ поляхъ, однако, все точно вымерло. Ни звука оттуда, ни дымка тамъ, никого живого на поляхъ, ни одной крыши, ни одного зданія. Все молчитъ, и все неподвижно. То, что принимаешь за поля,—гари и елани, заросшія кипреемъ. Хо-

дятъ туда только зимою охотники. Кое-гдѣ тамъ попадаются амбары этихъ охотниковъ. Однако, и тамъ не сплошь болота, которыя такъ увѣренно и отчетливо изображены на нашихъ картахъ. Охотники разсказывали, что и тамъ есть острова хорошей черной земли.

— Велики острова?

— Нѣтъ, маленькіе.

— А какъ примѣрно?

— Версты три вдоль, да верстъ десять поперекъ.

По-сибирски это немного, а по-нашему больше трехъ тысячъ десятинъ.

Ночевали мы у латышей, въ Сырбашкѣ. Это единственное дикое мѣсто, подлинный урманъ, который мы видѣли въ «урманѣ» Отъ Березовки до Сырбашки дорога еще первобытная, которая съ помощью нашихъ коробковъ дала намъ себя знать. Мѣстами уцѣлѣли клочки старой тайги. Кое-гдѣ эти лѣсные острова выгорѣли совсѣмъ недавно, на-дняхъ, и лѣсъ напоминалъ рисунки Дорэ, изображающіе пейзажи чистилища, а то такъ и самой преисподней: черные стволы, рыжая хвоя и груды головешекъ и угля на землѣ. Познакомились мы тутъ и съ урманной рѣчной уремой, «улюкомъ», по-здѣшнему. Узкая рѣка завалена стволами и вѣтвями. Дорога пробирается между валежника, кустовъ, травъ и деревьевъ. Заночевали въ тѣсной избѣ, гдѣ еле размѣстились. Ночь была холодная, облачная, мрачная. Подъ окнами—безобразная засоренная рѣка, ея дикій улюкъ, черный мертвый «дантовскій» лѣсъ. Передъ избой горѣлъ костеръ, у котораго суетились женщины, собиравшія ужинать. Ко мнѣ ластится голодный песъ, которому я даю хлѣбныя корки. Рядомъ со мной молодой спутникъ,—и мимо него, то-и-дѣло, шмыгаетъ красивая женщина, съ тонкимъ, совсѣмъ не мужичьимъ лицомъ, мелькаютъ ея нѣжная блѣдная открытая шея и большіе сѣрые глаза, настойчиво, дерзко и печально глядящіе на молодого человѣка. Это изящное лицо, нѣжная шея и сѣрые вопрошающіе и зовущіе глаза и потомъ показывались то въ дверяхъ, то въ одномъ окнѣ, то въ другомъ. Точно грѣшница, тоскующая въ чистилищѣ.

Если читатель вздумаетъ прокатиться въ тарскіе урманы, въ чемъ я, однако, сильно сомнѣваюсь, то дальше ему ѣхать незачѣмъ. Отъ Тары до нѣмецкой Березовки онъ увидитъ всѣ урманныя достопримѣчательности. Мнѣ-же пришлось сдѣлать вдвое большее путешествіе. Немножко много, но такъ-же интересно и красиво. Ближе къ Иртышу, — тѣ-же великолѣпные парки, то сосновые, то березовые, тѣ-же граціозные пригорки и лощины, тѣ-же травы и яркіе цвѣты. Въ борахъ травы пониже, цвѣты мельче; въ березовыхъ рощахъ — настоящій цвѣтникъ: клевера, громадные темносиніе и лиловые дельфиніумы, кусты, перевитые хмѣлемъ. Въ половинѣ іюля начали поспѣвать земляника и куманика. Озимая рожь начинала бурѣть. Земли деревень, старыхъ и новыхъ, плодородныя. Конечно, это не черноземъ Кочетка; старыя деревни уже удобряютъ свои поля, но удобреніе идетъ въ прокъ, и хлѣба хороши. Что нехорошо, такъ это капризное сибирское лѣто и поздняя весна. Во время нашей поѣздки выдался среди жаровъ такой холодный день, что осеннее пальто было не лишнимъ. Новоселы жаловались, что полнаго листа на деревьяхъ они дождались только къ Петрову дню. На Илью—уже конецъ настоящему лѣту, такъ что оно продолжается всего мѣсяцъ. Послѣ Ильи въ полѣ ночуютъ уже покрывшись тулупами. Хлѣба, однако, доходятъ хорошо; но удовлетворительно вызрѣвать они стали недавно, послѣ того какъ разрѣдили лѣса, которые дѣлали лѣто еще холоднѣй. Вообще, говорятъ новоселы, Сибирь что осиновая изба: не держитъ тепла. Солнце горитъ, — тепло; но, едва закатится, едва начнетъ ходить по небу ниже, сейчасъ-же Сибирь стынетъ.

Видѣли мы и еще много деревень, но все это было повтореніемъ прежняго. Побывали и въ Ермаковкѣ, которая открыла путь вглубь урмановъ. Въ Ермаковкѣ познакомились съ ея основателемъ, черемисиномъ Алексѣемъ Дмитріевичемъ, по прозванію, добрымъ человѣкомъ. Добрый человѣкъ щедро помогалъ первоначальнымъ засельщикамъ деньгами и хлѣбомъ, не бралъ процентовъ и даже не жаловался, если ему не отдавали.

— Отчего ты, Алексѣй Дмитріевичъ, такъ захотѣлъ дѣлать?

Алексѣй Дмитріевичъ—небольшой черемисинъ, самой ординарной черемисской внѣшности; только глаза у него добрые и думающіе.

— Чего дѣлать? Помогать-то?

— Да, помогать, да еще безъ пользы себѣ.

Алексѣй Дмитріевичъ думаетъ, озирается и отвѣчаетъ довольно незначительно:

— Помогалъ. У него нѣтъ, у меня было, — я и помогалъ.

Но глаза его смотрятъ очень добро и очень честно.

Борами и рощами, по дорогамъ, все менѣе и менѣе проѣзднымъ, добрались мы до старожильской деревни Атирки, которую правильнѣе, надо думать, писать: Отирка. Здѣсь—снова предѣлъ осѣдлости, и предѣлъ серьезный, потому-что дальше на сѣверъ, на рѣчку Чингалу, гдѣ только весною осѣли зыряне, идетъ конный тайгизъ, протоптанный старожилами, вывозившими изъ далекаго урмана кедровые орѣхи. Стали собирать верховыхъ и вьючныхъ лошадей и набрали ихъ,—безъ одной. Я съ величайшей готовностью уступилъ лошадь, которая могла-бы быть моею, желающему; желающій, съ радостью, какъ мнѣ показалось, не совсѣмъ искренней, воспользовался моей любезностью и потомъ разсказалъ о своемъ путешествіи. Поперекъ тайгиза лежатъ деревья въ аршинъ и

больше толщиною; лошадь чрезъ нихъ перепрыгиваетъ, а сѣдло—деревянное. Мѣстами тайгизъ идетъ болотомъ; тогда приходилось слѣзать съ лошади, вести ее въ поводу и остерегаться, чтобы она, спѣша выбраться изъ глубокой грязи, не засунула вамъ свои переднія ноги за шиворотъ. Погода была перемѣнная, причемъ дождь слишкомъ преобладалъ. У зырянъ избы не готовы, и пришлось спать въ шалашахъ; въ шалашахъ было дымно, внѣ шалашей тучами носились комары. Всю ночь выли зырянскія собаки. До Чингалы — пятьдесятъ верстъ, назадъ—столько-же; итого—сто.

— Позвольте узнать, В. Л., спросилъ меня вернувшійся съ Чингалы Васильевъ, — вы Сибирь насквозь проѣхали; сколько верстъ вы эдакъ тайгизами сдѣлали?

— Отъ тайгизовъ Богъ миловалъ.

Васильевъ порывисто вздохнулъ:

— Ужъ, именно, Богъ миловалъ.

III.

Барабà.

Тарскіе урманы, которые мы оставили, и Барàбинская степь, куда мы направляемся, заселились, можно сказать, только на-дняхъ. Ѣдемъ-же мы, изъ урмановъ въ Барабу, старой, давно населенной Сибирью, старымъ торговымъ трактомъ, шедшимъ въ глубь Сибири чрезъ Тару. Первыя 80 верстъ онъ идетъ лѣвымъ берегомъ Иртыша, потомъ, у села Такмыкскаго, переходитъ на правый берегъ и дальше идетъ на юго-востокъ, къ селу Камышову, которое лежитъ уже на сравнительно новомъ Большомъ Московскомъ, или Сибирскомъ, пробитомъ въ половинѣ XVIII вѣка, трактѣ. Села на этомъ пути все большія, богатыя, торговыя, многолюдныя. Почтовыя лошади—звѣри, ямщики—геркулесы, волостные старшины—купцы, а писаря—господа. Села по Иртышу, торгующія хлѣбомъ и лѣсомъ, не упадутъ, но поселенія по Большому тракту послѣ проведенія желѣзной дороги уже захудали. Мѣстность—веселая. Это—переходъ къ степи. Крутыхъ холмовъ нѣтъ, но нѣтъ и утомляющей глазъ плоскости. Возвышенности раздѣлены ложбинами, иногда довольно глубокими, съ крутыми берегами. Земля черная, но уже истощенная довольно сильно. Лѣса, конечно, уничтожены, по брошеннымъ пашнямъ, сырымъ котловинамъ и крутымъ склонамъ овраговъ засѣлъ частый тонкій березникъ. Истребленіе лѣса сейчасъ-же повело къ усыханію ручьевъ и къ уменьшенію дождей. Засухи не рѣдкость, во многихъ мѣстахъ жалуются на недостатокъ воды.

Переправившись въ Такмыкѣ черезъ Иртышъ, мы попали въ группу переселенческихъ поселковъ недавней эпохи самовольного переселенія. Эти «самовольные» были или, въ меньшинствѣ, очень энергичными и смышлеными людьми, или, въ огромномъ большинствѣ, шли стихійно, куда глаза глядятъ, считая Сибирь страною чудесъ и

отыскивая эти чудеса, въ видѣ тучной земли, готовыхъ для пріема переселенцевъ избъ, ожидающихъ переселенцевъ стадъ, запасовъ хлѣба и денежныхъ «способій». Эти мечтатели приходили, становились таборомъ и объявляли, что начинаютъ умирать отъ голода и болѣзней. Ничего другого не оставалось, какъ накормить ихъ и посадить на землю. Толка, однако, большого изъ нихъ не выходитъ. Живутъ и теперь бѣдно, грязно и лѣниво. Кто не хочетъ работать; кто не можетъ, или потому, что слабъ или глупъ, или по той причинѣ, что на плечахъ огромная семья, а работникъ въ ней—одинъ. Особенно дикій видъ имѣютъ тамбовцы, давно уже заслужившіе репутацію самыхъ плохихъ переселенцевъ. Нечесанные, грязные, оборванные, вмѣстѣ съ тѣмъ здоровенные и злые, они похожи на цыганъ, которыхъ насильно посадили на землю и запретили бродяжничать. Зачѣмъ этотъ народецъ шолъ въ Сибирь и чего онъ отъ нея ждалъ, неизвѣстно. Деревни смоленцевъ изъ западныхъ уѣздовъ не такія дикія, но безпомощныя. Большинство смоленцевъ было, какъ оказалось изъ разсказовъ, «выперто» съ родины односельчанами. Кто былъ плохимъ плательщикомъ, и его выперло общество; другого выжила родня, потому-что и въ избѣ и въ хозяйствѣ было тѣсно.

— Я отъ брата ушолъ, разсказывалъ такой изгнанникъ.—Жить не давалъ. Меня билъ, а скотину мою увѣчилъ, двѣ овцы моихъ даже топоромъ убилъ. «Иди ты, говоритъ, въ Сибирь, а то и самого тебя изведу».

Изгнанникъ и до сихъ поръ живетъ въ старой, купленной у старожиловъ гнилой банѣ, въ 25 квадратныхъ аршинъ. Въ этой конурѣ ютятся шесть человѣкъ своихъ, да еще приняли «на квартиру» жильца. Въ довершеніе бѣды жена изгнанника сбѣжала, бросивъ четверыхъ дѣтей.

— Кто-же у тебя за домомъ смотритъ?

— Хозяйку нанялъ. Вонъ, эту.

Хозяйка оказалась двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, съ виду совсѣмъ ребенкомъ, худенькой, смирной, покорной, трогательной.

— Много тебѣ жалованья положено?

— Двадцать-пять копѣекъ въ мѣсяцъ.

— И аккуратно хозяинъ платитъ?

— Когда у него деньги есть, платитъ.

Трогательная придурковатая добродѣтель и шустрый плутъ, отъ котораго недалеко до мошенника, а мошенникъ—близкій родственникъ злодѣя,—эти два типа преобладаютъ въ русской жизни. Эта жизнь еще настолько несложна, настолько груба, что считаетъ роскошью промежуточныя ступени и мудреныя сочетанія ума съ добротой, силы съ самообузданіемъ и самоотверженностью, честности съ практичностью. Какъ нарочно, изъ поселка смоленскихъ смиренниковъ мы попали въ поселеніе разбойниковъ, разбойниковъ не въ переносномъ, а въ самомъ прямомъ смыслѣ. Лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ мѣстная администрація попробовала селить ссыльныхъ въ Сибирь не въ деревняхъ старожиловъ, какъ это дѣлалось и дѣлается, а отдѣльными поселками. Цѣль была хорошая, избавить сибиряковъ отъ непріятной компаніи, но на дѣлѣ вышло нѣчто чудовищное,—разбойничьи станы. Такихъ становъ тринадцать, чортова дюжина. Нѣкоторые носятъ невинныя и игривыя названія: Отрадновскій, Веселый, Лебяжій; есть поселки Рига и Гельсингфорсъ, населенные ссыльными финнами и латышами,—но репутація всѣхъ одинаково зловѣшая. Земли почти никто не пашетъ. Дорога изъ Тары въ Омскъ, у которой поселены ссыльные, ихъ стараніями превращена въ «лѣсоворный» и «конепереводный» трактъ. Рѣдкая недѣля проходитъ, чтобы по близости поселковъ не обнаруживалось «мертвое тѣло». Воруютъ все, что можно. Одно время обрѣзали гривы и хвосты лошадей; этимъ сравнительно невиннымъ промысломъ занимались два поселенца, избравшіе своими воровскими псевдонимами фамиліи: Скобелевъ и Черняевъ. Лѣсъ на своихъ надѣлахъ поселенцы берегутъ,—потому-что тамъ удобно прятать ворованный скотъ, а въ случаѣ нужды, и самимъ прятаться. Отъ времени до времени эти лѣса и заросли оцѣпляютъ облавами, и облавой, словно неводомъ, вытаскиваютъ оттуда лошадей, коровъ, овецъ. Поселенцы удивляются:—«Скажите, сколько пригульнаго скота оказалось! Сію минуту подадимъ о немъ объявленіе въ волость, сію минуту!» Поселки не имѣютъ своего управленія, подчинены обществамъ сиби-

ряковъ, но старожилы не только не вмѣшиваются въ дѣла поселенцевъ, но и не облагаютъ ихъ никакими сборами: только насъ не троньте.

Когда мы остановились для перепряжки лошадей въ одномъ изъ этихъ тринадцати поселковъ, мнѣ казалось, что я попалъ въ зоологическій садъ, въ которомъ всѣ клѣтки со звѣрями по оплошности были отворены. Клѣтками были избы и дворы. На улицѣ—никого, но въ оконцахъ избъ и въ отверстіяхъ заборовъ временами появлялись и опять исчезали злыя или уродливыя лица и внимательные, горящіе глаза. У одной избы сидѣли два казака изъ Омска, съ шашками и револьверами, разыскивавшіе мѣстнаго конокрада, Ковалева, живущаго въ поселкѣ. Казаки имѣли видъ сторожей зоологическаго сада или укротителей звѣрей. Понемногу клѣтки стали растворяться и на улицу выходили ихъ обитатели. Прежде всего около нашей группы очутился малый лѣтъ шестнадцати, съ уродливой головой, волосами ежомъ и крошечными, поставленными необыкновенно близко, какъ у обезьяны, глазами. Малый изображалъ дурачка, а на самомъ дѣлѣ подслушивалъ. Появились группы дѣтей, съ которыхъ для фантастической картины можно было срисовать чертенятъ, а для руководства по психіатріи—типичныхъ представителей вырожденія. За дѣтьмя показались женщины, достойныя мамаши своихъ дѣвочекъ. Изъ нихъ особенно памятны мнѣ двѣ. Одна—молодая, стройная, худощавая и красивая. Все время она стояла неподвижно, прислонясь къ забору, держа въ рукахъ ребенка и черезъ плечо глядя на насъ. Ея черные, немного впавшіе глаза, горѣли злобой и не опускались ни предъ чьимъ взглядомъ. На что пронзительны были сѣрые глаза степного волка, омскаго казака, а и его взглядъ оказался безсильнымъ. Другая женщина была съ виду почти дама, нѣчто похожее на мелкопомѣстную старую толстую помѣщицу, въ бѣломъ чепцѣ съ оборкой, въ городскомъ платьѣ, съ теплымъ платкомъ на плечахъ и съ очень сильными очками на носу. Дама была мѣщанкой одного изъ городовъ Таврической губерніи, пришедшей сюда вслѣдъ за своимъ старикомъ, сосланнымъ въ прошломъ году; раньше того одинъ за другимъ были сосланы

два сына старухи. Хороша должна быть семейка! Надо замѣтить, что поселки населены сосланными не по суду, а по приговорамъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ за «порочное поведеніе». Это дѣйствительно глубоко порочныя натуры, выродки. Огромное большинство ихъ неисправимые воры, пойманные, осужденные и послѣ отбытія наказанія не принятые обратно въ свои общества, или-же не уличенные, но несомнѣнные преступники, сосланные обществами непосредственно. Въ обоихъ случаяхъ это самое худшее, что есть въ деревнѣ. Такою-же была и почтенная мелкопомѣстная дама. Степенный видъ, «благородная» одежда,—но глаза за сильными очками были еще непріятнѣй злыхъ черныхъ глазъ неподвижной бабы. Окружающіе давали «дамѣ» первое мѣсто и смотрѣли на нее съ уваженіемъ, даже уродливый малый, притворявшійся дурачкомъ. Мужчинъ мы не видали ни одного. Ихъ, говорятъ, рѣдко кто видитъ.

— Гдѣ-же ваши хозяева? спросили мы даму.

— Какъ гдѣ! удивилась она.—Теперь лѣто, и очень много работы въ полѣ. Всѣ работаютъ, всѣ...

Старожилы, запрягавшіе лошадей,—конечно, своихъ, приведенныхъ въ поселокъ на подставу, такъ-какъ поселенцы собственныхъ лошадей не держатъ,—пожали плечами и—не улыбнулась,—а вздохнули.

Выѣхали подъ вечеръ и захватили до ночлега ночи. Уже началась Бараба,—правильно чередующіеся отлогіе увалы и корытообразныя ложбины. Ночь была очень холодная и туманная, словно глубокой осенью. Полный мѣсяцъ едва свѣтилъ, окруженный тусклымъ радужнымъ ореоломъ. Подъ мѣсяцемъ туманы свѣтятся; противъ него—скопились въ черную тучу, опустившуюся до земли. У края дороги попался огромный деревянный столбъ, похожій на висѣлицу: онъ обозначалъ границу Тобольской и Томской губерній,—мы въѣхали въ Каинскій уѣздъ. Туманы, холодъ, странный столбъ, ссыльно-посоленцы, *Каинскій* уѣздъ,—непривѣтливо встрѣчаетъ насъ Бараба. Кромѣ того, на послѣднемъ ночлегѣ, когда мы встали по утру, мы увидѣли дѣвочку, дочь хозяйки, съ черными пятнышками на лицѣ. Присмотрѣлись,—пятнышки оказались подсыхающею оспой...

Послѣ холодной ночи, послѣ такого-же холоднаго дня, наканунѣ,—снова жаркій день, 17° въ тѣни. Мы уже въ Барабѣ, несомнѣнной Барабѣ, но, сравнительно, въ культурной ея части. Большой трактъ заселенъ давно, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Трактъ этотъ тянетсм отъ Омска до Каинска на протяженіи трехсотъ верстъ, вдоль Оми, которая дренируетъ почву и дѣлаетъ Барабу не такой «водя́ной», какова она въ глубинѣ, вдали отъ болѣе значительныхъ рѣкъ. Но и тутъ, и природа, и люди своеобразные, барабинскіе. Народъ уже не благообразный тобольскій сибирякъ, типъ котораго болѣе или менѣе установился. Здѣшнее населеніе сбродное, согнанное на новый трактъ со всѣхъ сторонъ, набранное изъ ссыльныхъ и каторжниковъ. Интересно, однако, что барабинскія трактовыя селенія не выродились въ такіе разбойничьи станы, какъ поселки ссыльныхъ, которые мы видѣли вчера. Или они забыли свое прошлое за давностью, послѣ ста слишкомъ лѣтъ, или-же и сразу оставили худыя дѣла, тотчасъ-же приставленные къ дѣлу,—къ ямской гоньбѣ и къ ремонту тракта. Внѣшность барабинцевъ и до сихъ поръ мало-привлекательна. Большинство могло-бы служить натурщиками для картины изъ временъ Разина или Пугачева. Яркіе типы. Черный, такъ ужъ черный, какъ цыганъ, съ желтыми бѣлками и зловѣщими глазами. Рыжій,—такъ огненнаго цвѣта. Есть гиганты, съ огромными кулаками, съ громовымъ басомъ; а сосѣдъ гиганта—худенькій старичокъ кроткаго и вкрадчиваго вида, съ сладкимъ голосомъ. Первый созданъ какъ-бы для того, чтобы ломать ворота; второй могъ-бы, если-бы захотѣлъ, пролѣзть въ самую маленькую форточку. У всѣхъ видъ довольно угрюмый, разговоръ отрывистый. Недавно трактовыя села были богаты, но послѣ проведенія желѣзной дороги быстро стали падать. И прежде избы здѣсь были не такія просторныя, какъ въ Тобольской губерніи, отчасти потому, что тутъ меньше лѣса, отчасти вслѣдствіе меньшей культурности населенія; теперь эти избы начинаютъ чернѣть, коситься, тесовыя крыши все чаще замѣняются дерновыми; проѣзда почти нѣтъ, обозы перестали ходить, на базарахъ пусто. Жизнь

оттянула къ себѣ желѣзная дорога, прорѣзавшая Барабу на нѣсколько десятковъ верстъ южнѣе.

Желѣзная дорога идетъ по глухой нетронутой Барабѣ, и пассажиръ вагона составитъ о ней болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ проѣзжающій трактомъ. У тракта она суше и холмистѣй. По близости Оми увалы, которыхъ держится трактъ, выше и не такъ правильны, потому-что перерѣзаны притоками Оми. Мѣстами пейзажъ внушителенъ. Съ гребня увала вы видите или огромное озеро, съ широкой каймой камышей, а на противуположномъ его берегу—большое село съ церквами и двумя, тремя каменными домами; или широкую долину узенькой Оми. Омь спряталась вдали, за нѣсколько верстъ отъ васъ, спряталась и прижалась къ обрывистому, иногда покрытому лѣсомъ берегу; между этимъ далекимъ берегомъ и вами—просторные луга съ высокой темнозеленой осокой, отливающей на красноватомъ вечернемъ солнцѣ коричневымъ оттѣнкомъ. Осоку косятъ, и выкошенные квадраты имѣютъ блѣднозеленый, почти бѣловатый цвѣтъ, съ зелено-коричневыми полосами скошенной травы. Размашистый оригинальный пейзажъ. Онъ еще оригинальнѣй въ сторонѣ отъ тракта. Мы сдѣлали нѣсколько десятковъ верстъ на сѣверъ. Лишь только съѣдете съ тракта, вы попадаете точно въ безконечные заливные луга какой-то гигантской рѣки. Трава и озера, озера и трава, заросли ивняка, отдѣльные его шарообразные пушистые кусты, густые березняки, на мѣстахъ посуше, на болѣе высокихъ гривахъ село и его поля,—и опять безконечный лугъ съ озерами. Красиво это очень,—конечно, въ теплый и свѣтлый іюльскій день. Особенно красивы озера, въ рамѣ темныхъ густыхъ камышей; отдѣльные кусты камыша забрались на середину озера. Вода убыла и обнажила желтыя ножки камышей, — рама озера выходитъ двухъ цвѣтовъ, въ двѣ полосы. Въ водѣ неясно отражаются небо и заря, въ ихъ нѣжныхъ голубыхъ, тѣлесныхъ, розовыхъ и бѣлыхъ тонахъ.

Сдѣлать Барабу суше, говорятъ, нетрудно, почва ея отличная, черноземная, и современемъ эта страна комаровъ и сибирской язвы процвѣтетъ. Уже и теперь пошли въ нее переселенцы, и даже зовутъ въ Барабу оставшихся

на родинѣ. Самыми интересными переселенцами, которыхъ мы тутъ видѣли, оказались «поляки». Въ самомъ сердцѣ Барабы, въ Каинскомъ уѣздѣ Томской губерніи, въ самомъ Каинскѣ, по селамъ, построеннымъ на Оми, на Тартасѣ, на Изесѣ, живетъ шесть тысячъ «поляковъ». Кто-бы этого ждалъ. И, что еще неожиданнѣй, жить имъ, должно быть, недурно, потому-что они вызываютъ къ себѣ новыхъ поляковъ, и тѣ идутъ, хотятъ идти, являясь въ Барабу въ качествѣ не только «разрѣшенныхъ», но и «самовольныхъ» переселенцевъ. Самое-же удивительное, это то, что первые переселенцы были сосланы сюда послѣ 63-го года «страшнымъ» Муравьевымъ. Сослано было нѣсколько деревень, поголовно, за участіе въ мятежѣ. До сихъ поръ «Европа съ ужасомъ говоритъ объ этомъ варварствѣ», а жертвы варварства пишутъ домой: «дурни, чего вы сидите на своемъ виленскомъ песочкѣ; идите сюда: тутъ даютъ по 15 десятинъ на душу, тутъ травы сколько хочешь, и мы развели скота, словно паны, и теперь выгодно продаемъ масло; и святые костелы у насъ есть,—одинъ въ Каинскѣ, другой въ селѣ Спасскомъ». Вотъ вамъ и варварство, типичное русское варварство, «которому ужасается цивилизованная Европа»! Всѣ русскія варварства и жестокости таковы: Россія защищаетъ себя, но никого не губитъ и не хочетъ губить.

Сдѣлавъ небольшой кругъ по Барабѣ, въ какія-нибудь двѣсти верстъ, да столько-же отсчитавъ отъ Тары до Барабы, да сохранивъ свѣжія воспоминанія объ экскурсіи въ урманы, мы имѣли право радоваться, когда направились къ желѣзной дорогѣ, къ станціи Татаркѣ, гдѣ насъ ожидалъ нашъ вагонъ. О вагонѣ мечтали всѣ,—о его удобствахъ и о его культурности. Слишкомъ много тарантаса, слишкомъ достаточно земскихъ квартиръ, визга колокольчика, танцующихъ передъ глазами лошадиныхъ круповъ, яичницы, вареныхъ «пѣтушковъ», уваловъ, озеръ, колковъ. Хотѣлось чего-нибудь человѣческаго. Скромный вокзалъ Татарки показался намъ дворцомъ. Поздно вечеромъ мимо нашего вагона прошолъ изъ Москвы въ Томскъ «второй поѣздъ прямого сибирскаго сообщенія», поразившій всѣхъ своимъ столичнымъ видомъ.

Лакеи его вагона-ресторана, и тѣ были важны, словно директоры департамента. Поѣздъ ушолъ, а мы остались въ глубинѣ Барабы. День былъ данъ на отдыхъ, а потомъ намъ предстояла поѣздка на югъ, къ знаменитому озеру Чану.

Бараба, на югъ отъ Татарки, посуше. На югѣ она переходитъ и совсѣмъ въ сухую степь, Кулундинскую; на сѣверѣ—въ урманы, которые предполагаются болотистыми, а каковы они въ дѣйствительности, конечно, никто не знаетъ, а кто и знаетъ, не говоритъ. И Бараба, посуше, сохраняетъ основныя «барабинскія» черты. Съ юго-востока на сѣверо-западъ тянутся, словно огородныя гряды, увалы, чередуясь съ бороздами «падей». Тутъ эти гряды выше и шире, борозды глубже; гряды можно назвать горными хребтами, въ миньятюрѣ. Поля—на хребтахъ; въ долинахъ—луга и лѣса. Эти долины очень просторны и очень привѣтливы, съ ихъ лѣсочками и перелѣсками, травами и стадами, бродящими въ огороженныхъ поскотинахъ. Эта часть Барабы заселилась раньше, свободно и хорошимъ народомъ,—старообрядцами изъ Тобольской губерніи, изъ ея южныхъ степныхъ уѣздовъ, похожихъ на эту часть Барабы. Жили они тутъ вдали отъ тракта и остались такими-же хорошими мужиками, какими и были. На трактовыхъ барабинцевѣ они совсѣмъ непохожи. Тѣ—сбродъ, ямщики. Эти—степенные хозяева, землепашцы. И съ вида они привлекательны. Высокіе и стройные, темнорусые и опрятно одѣтые. Въ манерахъ у нихъ нѣчто монашеское, достойное и вмѣстѣ съ тѣмъ «умильное». На половинѣ пути мы обѣдали въ чистой двухъ-этажной избѣ. Потолки въ горницахъ были расписаны масляной краской, по коричневому фону алыми розами, синими васильками, и зелеными листьями и травами. Расписаны потолки тридцать лѣтъ тому назадъ, но свѣжи: ихъ моютъ и заботливо поновляютъ. На окнахъ много цвѣтовъ. Столовое бѣлье и посуда опрятныя; не хватало только ножей и вилокъ. Обѣдъ былъ незамысловатый, но очень вкусный: супъ изъ пѣтушковъ, заварное тѣсто и караси въ сметанѣ. Пили отличный квасъ, въ который для аромата былъ прибавленъ черносмородиновый листъ. Вѣжливая хозяйка встрѣтила на крыльцѣ поклономъ.

Изъ-за ея плечъ отдали поклонъ и молодухи съ дѣвушками.

— Милости просимъ, честные господа, откушать. Не знаю, угожу-ли. Еслибы у меня земская квартира была, знала-бы, какъ господамъ угождать.

Такимъ образомъ хозяйка предупредила насъ, что мы не на земской квартирѣ для пріѣзжающихъ по дѣламъ службы, а въ гостяхъ у нея, и что, стало-быть, мы и должны держать себя какъ гости. Мы съ удовольствіемъ приняли эту роль. Хозяйка подсѣла къ нашему столу, немного поодаль, наблюдала за порядкомъ и занимала разговарами. Чтобы воздухъ въ комнатѣ былъ «легкій», она растирала въ рукахъ пучокъ мяты, не простой, а англійской. Въ сосѣдней комнатѣ угощали Васильева молодыя женщины и тоже занимали пріятными разговорами, спрашивая, великъ-ли городъ Петербургъ и понравилась-ли Васильеву Сибирь. Когда мы уѣзжали, женщины снова кланялись и говорили:

— И напредки милости просимъ. Не забывайте.

Таковы-же и мужчины, со спокойными, но зоркими глазами, остриженные «по старой вѣрѣ». Претензіи и жалобы заявлялись безъ криковъ и жестовъ и начинались извиненіями за безпокойство:

— Я не жалуюсь, я прошу разсудить. Если глупость говорю, простите, Христа ради.

Жаловались больше на то, что новоселамъ отошли ихъ рощи.

— Не велика роща, всего десятина. А плачу по ней. Вотъ какая была,—пригибаясь и показывая рукой невысоко отъ пола, говорилъ проситель, — когда я владѣть ею сталъ. Сорокъ лѣтъ берегъ,—опахивалъ, опаливалъ, огораживалъ...

Тоже сложившійся, твердый, законченный бытъ, какъ у киргизъ въ Кочеткѣ. Рядомъ — тоже ломка, суета и безпорядокъ новаго созиданія. Попался, впрочемъ, и такой случай, гдѣ созиданія и не произойдетъ никакого. Недалеко отъ желѣзной дороги выросъ огромный поселокъ, которому никто не радъ. Изъ семнадцати губерній сбѣжались такіе субъекты, которымъ очень недалеко до знаменитыхъ ссыльнопоселенческихъ поселковъ. Урожен-

цы семнадцати губерній развели воровство и конокрадство, воруютъ другъ у друга, ссоры и драки не прекращаются. Когда мы въѣхали въ село, насъ мигомъ окружило волнующееся населеніе. Въ первыхъ рядахъ очутились рыжія и черныя простоволосыя фигуры весьма разбойничьяго вида, пали на колѣни и стали умолять, чтобы имъ скорѣе построили храмъ Божій.

— О храмѣ потомъ, а зачѣмъ вашъ староста у себя въ сундукѣ конокрада пряталъ?

Изъ заднихъ рядовъ пробиваются къ намъ, съ отчаяніемъ на лицахъ, люди менѣе звѣрскаго вида. Оттуда слышны крики: «Помилуйте! Жалоба! Прикажите допустить!»—Но передніе не допускаютъ, и въ десятки голосовъ всѣ разомъ снова молятъ о храмѣ. Усерднѣй всѣхъ проситъ и болѣе всѣхъ растроганъ какой-то рыжебородый хромой и толстый мужикъ, съ клюкой въ рукахъ.

— Ты кто такой?

За него отвѣчаютъ изъ заднихъ рядовъ:

— Это онъ самый конокрада въ сундукѣ таилъ.

Когда была водворена нѣкоторая тишина и сходу стали объяснять, что, если крестьяне сами не заведутъ порядка, то никакая полиція его не заведетъ, сходъ чистосердечно сознался:

— Сами не заведемъ: половина изъ насъ, надо сказать, разбойники.

Передъ вечеромъ мы подъѣзжали къ Чану, этому маленькому внутреннему морю Барабы, въ которое впадаетъ нѣсколько рѣкъ, словно заблудившихся и не нашедшихъ близкой Оми, которая вынесла-бы ихъ въ Иртышъ. Увалы все выше, долины соотвѣтственно обширнѣй, лѣсовъ и воды все меньше; нѣкоторыя долины заняты почти сплошь солонцами. Со второго или третьяго увала передъ Юдинымъ, большимъ селомъ на берегу Чана, виденъ вдали и самъ Чанъ, въ видѣ тусклой темной полоски, сливающейся съ небомъ. Противоположнаго берега не видать,—въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ море. Юдино стоитъ на увалѣ, у подножія котораго стелется сначала отлогій берегъ, а потомъ и пелена воды. Прежде всего мы, конечно, сошли къ «морю». Берегъ словно войло-

комъ покрытъ выброшенной водорослью. На берегахъ— ни кустика, ни камышей. Вдали видны нѣсколько плоскихъ острововъ. Маленькія частыя волны шептались у берега. Нѣсколько юдинскихъ обывателей собрались купаться и верхами на лошадяхъ ѣхали вдаль отъ берега, искать мѣста поглубже. Они нашли его только за полъверсты, гдѣ ихъ лошадамъ вода дошла наконецъ до брюха. Сидя на берегу «моря», мы слушали разсказы о Чанѣ и Юдинѣ. Чанъ на глазахъ усыхаетъ. Теперь онъ вдоль—шестьдесятъ верстъ, а поперекъ—тридцать. Самая большая глубина пять и шесть саженей. Озеро и до сихъ поръ еще рыбно,—щуки, окуни и караси. Крупную рыбу и до сихъ поръ еще не выловили, и попадаются гиганты, десятифунтовые караси. На островахъ кое-гдѣ есть небольшія деревушки, въ нѣсколько дворовъ, жители которыхъ переѣзжаютъ на материкъ на телѣгахъ, дѣлая по водѣ, аки по суху, верстъ по восьми; только весной, когда вода прибываетъ, приходится прибѣгать къ лодкамъ. «Мореходство» развито слабо; имѣется нѣсколько лодокъ, которыя подымаютъ пудовъ по триста. Эти лодки останавливаются верстахъ въ четырехъ отъ берега, къ нимъ подъѣзжаютъ телѣги и разгружаютъ ихъ. На морѣ иногда бываютъ сильныя бури, такъ-что волны выбрасываютъ на берегъ мелкую рыбу. Рыболовствомъ занимаются зимою, пока еще не очень великъ ледъ, толщина котораго къ серединѣ зимы, когда морозы начинаютъ заходить ниже сорока градусовъ, достигаетъ двухъ съ половиною аршинъ. О Юдинѣ много нечего было разсказать. Узнали мы только, что на берегу Чана, въ красивомъ каменномъ домѣ, окруженномъ цѣлымъ гостинымъ дворомъ амбаровъ, живетъ милліонеръ комерсантъ еврей М., занимающійся, между прочимъ, экспортомъ сливочнаго масла, изъ Барабы, не ближе, не дальше, какъ—въ Лондонъ.

Вышли мы посмотрѣть на Чанъ при лунѣ, ходили любоваться имъ на восходѣ солнца, но и тутъ особыхъ эффектовъ не видали. Бутылочно-тусклый цвѣтъ Чана почти не измѣнялся, море лежало смирно, и точно чувствовало, что усыхаетъ.

Вернувшись съ Чана, мы продвинулись по желѣзной

дорогѣ еще 250 верстъ на востокъ до станціи Каргата. У Каргата оказалась самая настоящая Бараба, ея эссенція, почти еще нетронутая человѣкомъ; даже лѣса уцѣлѣли. Тутъ—сѣверный край Барабы, соприкасающійся съ невѣдомыми болотами. Увалы и пади чередуются почти незамѣтно: такъ первые не высоки, а вторыя плоски. Лѣса—почти одна береза, съ небольшой примѣсью осины: деревья не очень прямы, но довольно почтеннаго возраста. Лѣсъ и тутъ не уцѣлѣлъ-бы, и тутъ настигли-бы его знаменитые весенніе сибирскіе палы, пожирающіе лѣса на сотни верстъ, если-бы не застой воды въ ложбинахъ послѣ таянія снѣга. Эта сѣть резервуаровъ съ водою не даетъ огню хода. Къ лѣту ложбины высыхаютъ, то тогда почва покрывается громадной сочной травой, которая не горитъ.

Нетронутая первобытная Бараба еще интереснѣй ея болѣе окультуренныхъ мѣстностей. Это безконечный березовый паркъ, испещренный полянами и полянками. Селеній мало: нѣтъ простора для большихъ запашекъ; — зато множество заимокъ, въ одинъ, два, три двора. Впередъ въ невѣдомыя мѣста Сибири всегда идутъ заимщики. Это они—настоящіе изслѣдователи Сибири. Такъ и въ Барабѣ, въ частности, въ мѣстности у Каргата. Еще недавно она считалась «гиблымъ» мѣстомъ; заимщики доказали, что и тутъ жить можно. Шедшіе по слѣдамъ ихъ землемѣры присмотрѣлись къ ложбинамъ, и оказалось, что онѣ имѣютъ уклонъ и не трудно предупредить долгій застой весенней воды. Разсмотрѣли болота,—оказалось, что это доброкачественныя, тростниковыя, а не моховыя,—черноземныя, а не торфяныя болота, осушить которыя тоже вполнѣ возможно. Мы видѣли два такихъ осушенныхъ болота, одно въ двѣ съ половиною тысячи, другое въ три тысячи десятинъ. Канавы работали прекрасно,—а по болоту уже проложены дороги, которыя такъ-же сухи, какъ на сосѣднихъ увалахъ. На сибиряковъ осушительныя работы производятъ сильное, даже болѣзненное впечатлѣніе. «Всю воду изъ нашей Барабы спустятъ, пить станетъ нечего,—говорятъ они и, косясь на переселенцевъ, прибавляютъ: — Зато комаровъ поменѣетъ, а то рассейскихъ они очень обижаютъ». Пересе-

ленцы дѣйствительно въ ужасѣ отъ комаровъ, а каргатскіе комары дѣйствительно ужасны. Однажды мы встрѣтились съ тремя мужиками, которые верхами мчались намъ навстрѣчу, съ испуганными и разозленными лицами.

— Что случилось? Куда вы?

— Домой.

— Откуда?

— Съ сѣнокоса.

— Вѣдь, солнце еще высоко; рано домой.

— Мы отъ комарей утекли! Ни якія рады нема!

Это были бѣлоруссы. Они и на родинѣ привыкли къ комарамъ и мошкамъ, но здѣшній гнусъ и ихъ привелъ въ ужасъ и обратилъ въ бѣгство.

Пока свѣтитъ солнце, комаръ сидитъ въ травѣ и васъ не тревожитъ, конечно, если вы не пойдете по травѣ— тутъ вы на десятомъ шагу уже начнете плясать; но лишь только настанетъ ночь, начинается казнь египетская. Всюду разведены дымокуры, и скотъ лѣзетъ въ самый костеръ головою впередъ. Люди надѣваютъ на головы сѣтки или обвязываются платками; на рукахъ — кожаныя рукавицы. Спины нашихъ ямщиковъ сплошь были покрыты комарами, передъ глазами—сѣтка летаюшихъ комаровъ. Однажды пришлось остановиться среди тростниковаго болота. Тучи насѣкомыхъ посыпались изъ чащи тростника, точно ихъ оттуда выносило сильнымъ вѣтромъ, точно ихъ швыряли цѣлыми четвериками. И эти тучи звенѣли и гудѣли. Легко повѣрить, что гнусъ на смерть заѣдаетъ молодую скотину.

Диковины каргатской Барабы—комары и травы. Травы поразительны по обилію и величинѣ. Травы—вездѣ, и въ лощинахъ, и на увалахъ, въ болотахъ, въ лѣсу. Все прячется въ этихъ огромныхъ, густыхъ злакахъ, — люди, скотъ, тропинки и дорожки. Камышъ выше дуги коренника; шелковая трава по хребетъ лошадямъ. Это не первоклассныя степныя кормовыя травы, но дай Богъ, чтобы въ большей половинѣ Россіи были такіе обильные и такого качества сѣнокосы. Переселенцы относятся къ Барабѣ неодобрительно; больше всего ихъ пугаютъ весенніе застои воды.

— Нужно прокопать канавы, говорятъ имъ.

— Пусть начальство копаетъ, отвѣчаютъ.—Согласны.

Впрочемъ, переселенцу трудно угодить: все что-нибудь не по вкусу. Разсказываютъ, что одно должностное лицо, послѣ долгихъ разъѣздовъ по переселенческимъ поселкамъ, нашло, наконецъ, такой, гдѣ, казалось-бы, ужъ рѣшительно не на что жаловаться: поселокъ цвѣлъ, какъ розанъ.

— Всѣмъ, ребята, довольны?

— Всѣмъ довольны. Вотъ только...

— Что: только?

— Съ лѣсомъ трудновато.

— Съ лѣсомъ?! Лѣса у васъ, сколько хочешь.

— Есть лѣсъ, вѣрно. Да... толстоватъ онъ...

— Ну?

— Такъ, вотъ, нельзя-ли, чтобы начальство откуда-нибудь потоньше сюда доставило?

Произошла довольно сильная буря. Мужики не понимали, чѣмъ они ее вызвали.

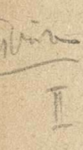
Тридцатаго іюля мы оставили Барабу. Послѣ нѣсколькихъ очень жаркихъ дней внезапно, по-сибирски, захолодало, термометръ показывалъ всего 12°, дулъ сѣверный вѣтеръ, нагнавшій тучи, которыя неслись по небу такими-же однообразными увалами и падями, какія лежали внизу. Бараба стала некрасивой, унылой.

Передъ закатомъ блеснуло солнце, и Бараба показала намъ, на какіе эффекты она способна, когда захочетъ. Ея травы и лѣса вдругъ ожили, выпукло зазеленѣли, позолотились, засверкалп. Западная половина неба сіяла въ розовой и голубой дымкѣ. Восточная была темнаго аспиднаго цвѣта. Въ воздухѣ сверкали рѣдкія капли дождя. Впереди, тамъ, куда мчался нашъ поѣздъ, словно тріумфальная арка, подымалась колоссальная радуга. Ея необыкновенно яркіе огни всѣхъ цвѣтовъ двумя громадными столбами какъ-будто вырывались изъ земли и, постепенно тускнѣя, соединялись высоко на небѣ въ дугу, которая едва замѣтно трепетала, то усиливая, то умѣряя свою яркость, словно живая.

IV.

Чулымская тайга.

Будетъ интриговать читателя. Прямо скажу: и тайги нѣтъ, какъ нѣтъ урмановъ. Чулымская тайга, точнѣе, Маріинско-Чулымская тайга, это—теперь не лѣсъ, а названіе мѣстности у станціи Сибирской жел. дор. Боготолъ, Маріинскаго уѣзда Томской губерніи. По этой тайгѣ мы ѣздили два дня, и только разъ, не больше двадцати минутъ, мы ѣхали въ тѣни деревъ: это былъ самый обширный лѣсъ, который мы видѣли въ «тайгѣ». Нѣтъ тайги и по пути, хотя предполагается, что на востокъ отъ Оби— мѣста таежныя, до послѣдняго времени, до проведенія желѣзной дороги, лежавшія вдали отъ большого тракта и крупныхъ поселеній, которыя такъ быстро и такъ усердно съѣдали сибирскую тайгу. И тутъ на протяженіи пятисотъ верстъ, которыя мы сдѣлали отъ Оби до Боготола,— только остатки тайги, только кулисы, скрывающія за собой поля, гари, елани и такъ просто пустыри. Кулисы, однако, интересны; по нимъ какъ по остаткамъ костей и обрывкамъ шкуры—ископаемыхъ звѣрей, можно возстановить былую гигантскую грозную сибирскую тайгу. Почти одна хвоя: — пихты, ели, сосны, лиственницы, кедры. Деревья стоятъ тѣсно. Слабыя ели и пихты вытянулись тонкими жердями и почти безъ сучьевъ; ихъ одолѣлъ сѣдой мохъ, длинными прядями висящій на сухихъ вѣтвяхъ. Сосна—сильнѣе и, расталкивая сосѣдей, вѣтвится и толстѣетъ. Лиственница и кедръ, это—прямо атлеты. Зародившись въ темной чащѣ, они живутъ и терпѣливо доживаютъ до того времени, когда одолѣвающая ихъ толпа недолговѣчныхъ елей и пихтъ старѣетъ и сваливается. Тогда могучія деревья развертываютъ всѣ свои силы, раскидываютъ вѣтви, подымаются ввысь и стоятъ вѣка, глядя на смѣняющіяся у ихъ ногъ поколѣнія недавнихъ притѣснителей. Совсѣмъ какъ и въ человѣческомъ мірѣ. Посмотришь, — царятъ толпа, наглость, бездарность, численность, но вглядишься пристальнѣй,— и видишь, что настоящая сила, и красота, и долговѣчность не въ толпѣ, а въ отдѣльныхъ, какъ-будто одино-

кихъ, когда-то затертыхъ и заслоненныхъ великанахъ силы и выносливости.

Послѣ проведенія желѣзной дороги исчезаютъ и эти послѣдніе остатки тайги. Лѣсъ, у самой Оби, истребляетъ поселокъ Николаевскій, въ которомъ уже въ 1897 году было больше десяти тысячъ жителей и который обѣщаетъ рости и впредь и сдѣлаться немалымъ городомъ, на перекресткѣ Оби и желѣзнаго сибирскаго пути. Застраивается поселокъ быстро, планируются все новыя и новыя улицы. Имѣются парикмахеры, простые и «театральные», для любительскихъ спектаклей; конечно, есть фонографъ; начальство строитъ церковь и школу. Населеніе торгуетъ, главнымъ образомъ, хлѣбомъ. Деньги добываются легко, и въ немаломъ количествѣ, и легко спускаются. Кругъ наблюденій нашего Васильева былъ довольно ограниченный, — продавцы булокъ и калачей у Обской станціи, но и тутъ можно было почерпнуть много поучительнаго.

— Легко имъ тутъ деньги достаются,—говорилъ Васильевъ.—День торгуетъ, а день, а то и два, пьетъ. Вотъ, извольте посмотрѣть на эту толстомясую. Дѣвка она считается. Вчера при мнѣ за разъ полтора рубля въ орлянку продула, и горюшка мало. А недавно, разсказываютъ, у отца для любовника девяносто рублей украла.

Другой поселокъ ростетъ немного дальше на востокъ у станціи Таежной, гдѣ отдѣляется вѣтка желѣзной дороги на Томскъ. Тутъ тоже остатки тайги, и имъ тоже приходитъ конецъ. Въ Таежной около шести тысячъ жителей, которымъ нужно строиться и отопиться, такъ-что и здѣшнія кулисы тайги просуществуютъ недолго.

Послѣ ненастья и холода, которыми насъ проводила Бараба, снова наступили прекрасные, теплые, даже жаркіе дни. Несмотря на начало августа, не было никакихъ признаковъ близкой осени. Травы и листва деревьевъ были свѣжи и темны; только верхушки желтой акаціи, уроженца сибирской тайги, чуть начинали желтѣть. Въ тѣни доходило до 23 градусовъ, перепадали теплые, непродолжительные, совсѣмъ весенніе дожди; птицы молчали, потому-что пора была не пѣвчая, да и вообще птицъ въ Сибири немного, но кузнечики стрекотали въ

травѣ неумолчно. Небо чистое и голубое. На горизонтѣ особыя, сибирскія, кучевыя облака, въ видѣ курчавыхъ столбовъ и витыхъ колоннъ. Послѣ вечерней зари и по ночамъ—безмолвныя зарницы. Чудесное лѣто, но коварное: нѣсколько дней тому назадъ, 28 іюля, тутъ былъ сильный утренникъ, побившій огороды. Любуясь хорошими днями капризнаго сибирскаго лѣта, не спѣша движемся въ нашемъ вагонѣ на востокъ, то съ пассажирскими, то съ медленными переселенческими поѣздами. Послѣдніе — цѣлая этнографическая выставка и настоящая ярмарка. Переселенцы, «идущіе впередъ», оживлены надеждами, бодры и веселы,—и мужики, и бабы, въ особенности, дѣти, даже старики. Пока заботъ—никакихъ: везутъ, кормятъ, поятъ, лѣчатъ, никто не обижаетъ и не притѣсняетъ. Забота только одна,—на станціяхъ сбѣгать за ѣдой или за водой. При большихъ остановкахъ изъ вагоновъ, словно разноцвѣтныя яблоки, высыпаетъ вся «этнографія»: бѣлая Бѣлорусь, малороссы въ черныхъ шапкахъ, плахтахъ и платкахъ, синяя Калуга въ красныхъ кичкахъ, Поволжье, въ кумачахъ и ситцахъ, поярче. Есть даже полосатые люди: это—мордовки, у которыхъ на рубахахъ двѣ продольныя черныя полосы, по лопаткамъ. Эти пѣгія дамы обращаютъ на себя общее вниманіе, какъ одеждою, такъ и своимъ поистинѣ монументальнымъ мордовскимъ тѣлосложеніемъ. Какъ-разъ противъ моего вагоннаго окна стоитъ, прислонясь къ стѣнѣ, избоченясь и лихо куря папиросу, хохолъ, въ картузѣ, изъ рабочихъ станціи, и смотритъ на бѣгущихъ мимо него за кипяткомъ переселенцевъ. И, вотъ, подвигается монументальная мордовская красавица. На головѣ чалмою навороченъ яркій платокъ. На ногахъ грузные, смазанные дегтемъ сапоги до колѣнъ, а прочій костюмъ состоитъ только изъ рубахи, оканчивающейся выше колѣна; на спинѣ—двѣ широкія черныя полосы, да еще въ ушахъ серьги, въ видѣ шаровъ изъ цвѣтной шерсти. Монументъ спѣшитъ, шумно переставляя грузныя сапожища, величественно содрагаясь большущимъ, но молодымъ и свѣжимъ тѣломъ, шерстяныя серьги раскачиваются; толстомясое, но красивое лицо очень озабочено. Прошла—и произвела потрясающее впечатлѣніе на хохла

въ картузѣ. Сначала—изумленный восторгъ; потомъ—картузъ на носъ; потомъ—картузъ на затылокъ. Глубокій вздохъ и крикъ восхищенія:

— А щобъ ты сказйлась, такая-сякая дочка́!

Но «мимолетное видѣнье» скрылось въ вагонѣ, и паровозъ умчалъ его на невѣдомый переселенческій участокъ.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ читаетъ намъ любопытный документъ, — воспоминанія переселенца о томъ, какъ онъ, съ односельчанами, переселялся въ Сибирь. Невеселая исторія неудачниковъ. Неудачники, конечно, изъ «безтолковой Пензы». Шли неизвѣстно куда, — въ Минусу, а попали въ Барабу. Въ Барабѣ, вмѣсто того, чтобы работать, надѣялись на «способія», дулись въ карты и играли на гармоникахъ. При такомъ образѣ жизни и дѣйствій, полученныхъ пособій, конечно, не хватило, но мужики были увѣрены, что подачкамъ и конца не будетъ. Еще когда собирались въ Сибирь, то были убѣждены, что ихъ ждутъ готовыя деревни, выстроенныя иноземными плотниками, деньги и полное хозяйство: каждому — корова, конь, полдюжины овецъ и курица съ пѣтухомъ. Когда эти ожиданія не сбылись, стали говорить, что деньги утаили «господа» и волостной старшина; что старшина попался въ утайкѣ, вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его замуровали въ каменную стѣну. Ожидая «способій», были увѣрены, что въ Сибири нѣтъ никакихъ податей и повинностей. Но, вѣдь, казнѣ нужны деньги; для казны и берутся подати. Это, по мнѣнію Пензы, неправда. Податей казна и не видитъ: онѣ всѣ къ рукамъ прилипаютъ, у начальства и у господъ. Если и пошлютъ ревизоровъ, такъ свой-же братъ: «одна собака бѣла, другая черна, а паръ у нихъ одинъ». Казенныя-же деньги лежатъ въ какихъ-то мистическихъ трехъ амбарахъ каменныхъ, куда, тоже по какому-то мистическому велѣнію, «Батюшка» можетъ входить только три раза въ годъ, но въ эти три дня денегъ можетъ брать сколько угодно. И въ Сибирь на вольную жизнь ихъ звалъ Батюшка; за Ураломъ долженъ былъ ихъ встрѣтить или самъ Онъ, или Его Наслѣдникъ, причемъ, говорили, стариковъ, за послушаніе зову, будутъ цѣловать

«въ маковки». Это очень трогательно, но какіе-же это колонизаторы! Въ Сибири пензенцы дѣйствительно стали бѣдствовать и бѣдствуютъ и по сей день. Своего вожака мужики попреками чуть не довели до самоубійства, много бабъ сбѣжало обратно на родину, побросавъ мужей и дѣтей, Сибири нѣтъ другого названія, какъ «проклятая». Самъ авторъ воспоминаній, человѣкъ неглупый, грамотный, но болѣзненный и нервный, не сталъ хозяиномъ, а живетъ посторонними заработками и тоже клянетъ Сибирь: въ своихъ воспоминаніяхъ онъ съ забавной серьезностью и «научно» доказываетъ, что сибирская трава не можетъ насытить скотину, а сибирская рожь не накормитъ человѣка. Словомъ, неудачники по всѣмъ статьямъ.

Этотъ документъ особенно интересовалъ меня, потому-что мнѣ не разъ приходилось выслушивать упреки за то, что я изображалъ переселенцевъ несмышлеными дѣтьми, которыхъ надо опекать и водить на помочахъ. Документъ оправдываетъ меня. И готовыя деревни, и приготовленныя стада, и полный живой инвентарь, до пѣтуха съ курицей, и безграничныя «способія», почерпаемыя изъ мистическихъ «трехъ амбаровъ»,—все это, казавшееся сказкой и выдумкой, подтверждается изъ самаго достовѣрнаго источника. Впрочемъ, не вѣрили мнѣ народники. Теперь моднымъ дѣлается противоположный взглядъ на народъ,—марксистскій,—или, какъ его называютъ нѣкоторые: марксятскій. Народъ, по теперешнему, дуракъ и «матерьялъ». Пусть, однако, приверженцы этого взгляда не очень ссылаются на приведенный документъ. Онъ характеризуетъ только одну группу переселенцевъ, правда, самую многочисленную. Кромѣ такихъ, есть и иного сорта люди, и ихъ не такъ мало, какъ кажется. Таковы сѣверяне, вятичи и пермяки, исконные «заимщики», которые во всю свою историческую жизнь только и дѣлали, что расползались по пустырямъ, основывая все новыя и новыя заимки. Эти идутъ въ Сибирь всего лишь на новую заимку,—дѣло привычное, знакомое; однимъ вѣковымъ инстинктомъ такой заимщикъ найдется въ новой обстановкѣ. Правда, заимка далекая, за нѣсколько тысячъ верстъ, но, вѣдь, и времена теперь не тѣ, не новгородскія, не Стефана Пермскаго; къ услу-

тамъ заимщика теперь желѣзныя дороги, пароходы и переселенческіе бараки; злые татары и разная «чудь» усмирены, разбойники выродились въ простыхъ сибирскихъ «бродяжекъ». Заимщикъ одобряетъ эти времена и изъ Глазовскаго уѣзда безъ особыхъ волненій отправляется на новую заимку, на берегахъ Ангары, Селенги, Зеи или Суйфуна. Другую группу сознательныхъ переселенцевъ даетъ восточная Россія. Мужикъ этой мѣстности— не заимщикъ, а искатель «вольной земли», простора, цѣлины. Какъ хозяинъ, онъ хуже сѣверянина. Домкомъ онъ не устроится, какъ не устраивался и въ Самарѣ, и въ Оренбургѣ, куда пришелъ тоже на нетронутую цѣлину. Онъ ищетъ только жирной земли, притомъ на время, пока она не истощится, но зато находить такую землю онъ мастеръ; кромѣ нея, ему ничего и не нужно. Найдетъ онъ ее самъ, самъ и устроится. Знаютъ, куда идутъ и на что идутъ, еще и сектанты, поддерживающіе между собой сношенія, куда-бы ни закинула судьба отдѣльныхъ членовъ ихъ религіозной семьи. Тамбовскіе молокане или кавказскіе духоборы знаютъ объ Амурѣ или объ уссурійскомъ краѣ больше, чѣмъ «начальство», даже мѣстное, амурское и уссурійское; да что начальство,—больше, чѣмъ «ученые господа». Такъ, ни ученые, ни агрономы до сихъ поръ не опредѣлили амурскіе злаки и не классифицировали ихъ по питательности, а тамбовскій молоканъ изъ писемъ бывшихъ «сусѣдей» знаетъ, что амурскія травы мало «ѣдовиты», и что для зеленаго корма рабочему скоту лѣтомъ надо подсѣвать «китайскій бобъ», сѣмена котораго по заказу приносятъ изъ-за «Чичигара» артельные старосты китайскихъ полевыхъ рабочихъ, приходящихъ лѣтомъ на Амуръ и Уссури въ страдную пору. Этотъ китайскій бобъ есть ничто иное, какъ манджурская соя, которую только въ этомъ году пустилъ въ продажу въ Россіи одинъ смѣтливый сѣмяно-торговецъ. До того знали только одну сою, изъ южнаго Китая, которая не годилась для климата Россіи. Наконецъ, къ числу переселенцевъ, не требующихъ слишкомъ отеческихъ попеченій, надо причислить малороссовъ. Это племя, загримированное простодушнымъ и безпечнымъ поэтомъ, на самомъ дѣлѣ—самое осторожное и обдуман-

ное изъ русскихъ племенъ. Эти не только въ невѣдомое мѣсто не пойдутъ, но и вѣдомыхъ сначала наберутъ не меньше полудюжины, выберутъ изъ нихъ самое лучшее и только тогда тронутся въ путь. Русскій народъ вовсе не однородное стадо; онъ гораздо разнообразнѣй и сложнѣй нашей интеллигенціи, сколачиваемой ужъ дѣйствительно на одну колодку,—то марксистскую, то народническую, то бунтовскую, то усмирительскую.

Въ природѣ Чулымской тайги мы увидѣли мало новаго. Это—тѣ-же Тарскіе урманы. Тѣ-же рощи-парки, тѣ-же пригорки, такая-же хорошая земля. Разница въ томъ, что человѣкъ пришолъ сюда совсѣмъ недавно, только этимъ лѣтомъ, кое-кто въ прошломъ году; до того тутъ ходили только палы, да кое-гдѣ жили заимщики. Мы попали въ тѣ загадочныя пустынныя недвижимыя и молчаливыя поля, которыя видѣли въ урманахъ, съ высоты увала Шиша, на границѣ Тарскихъ новыхъ поселеній. Рѣдко разбросанныя рощи и безконечный коверъ Иванъ-Чая, въ цвѣту, разостлавшійся по холмамъ и ложбинамъ. Мы видѣли Сибирь такою, какова она, когда въ ней никого нѣтъ. Трава нигдѣ не помята, земля нигдѣ не поднята, не слышно ни голоса, ни мычанья, ни ржанья. Накатанныхъ дорогъ нѣтъ; вмѣсто нихъ—только тропы заимщиковъ, съ едва замѣтными тремя колеями, спрятавшіяся въ громадномъ Иванъ-Чаѣ и сибирскихъ піонахъ. По жиламъ узкихъ и неглубокихъ болотъ сохранились ленты старой хвойной тайги. Чрезъ болотины ведутъ кое-какъ намощенныя гати, чрезъ ручьи переброшены совершенно первобытные мостики изъ раскатывающихся бревнышекъ. Гати и мостики дѣлали тоже заимщики, Дергуновъ, или Коркинъ, или Ярлыковъ. И дороги называются ихъ именами: «Вотъ, поѣдете сначала Коркинской тропой, а потомъ берите влѣво, тамъ есть проѣздъ; въ прошломъ году Ярлыковъ свою гать загатилъ, цѣла еще». Изрѣдка попадается избушка, безъ оконъ и печи, съ одной только дверью. Вокругъ нея нѣсколько десятковъ ульевъ и, пожалуй, столько-же собакъ, подымающихъ свирѣпый лай. Это—пасѣки заимщиковъ, которые въ этой мѣстности въ послѣдніе годы занялись пчело-

водствомъ. На собачій лай выходитъ обыкновенно древній старикъ-сторожъ, и за спиной несетъ ружье. Свирѣпыя собаки и ружье за спиной имѣютъ весьма мѣстный колоритъ. Самъ заимщикъ-хозяинъ живетъ особо, дворомъ, съ незатѣйливымъ и несложнымъ хозяйствомъ, но не безъ комфорта. Изба у него чистая, есть баня, держитъ работниковъ, хорошо ѣстъ, пьетъ чай. Самъ онъ и его жена люди обходительные и рѣчистые, пожалуй, слишкомъ привѣтливые и ласковые: человѣкъ, выходящій за дверь не иначе, какъ держа за спиной ружье, чтобы быть совсѣмъ натуральнымъ, могъ-бы имѣть и болѣе суровыя манеры. Заимщикъ промышляетъ пчелами и охотой. Онъ человѣкъ зажиточный, а то такъ и богатый. Онъ радушно угоститъ васъ, а отъ платы, улыбаясь, откажется. Во время угощенія онъ займетъ васъ интересными разсказами о своихъ охотничьихъ приключеніяхъ. Жена поправляетъ его разсказъ и напоминаетъ забытыя подробности. Одинъ такой заимщикъ разсказалъ про свою недавнюю встрѣчу съ медвѣдемъ.

— Медвѣдь—звѣрь-чудакъ, его не сообразишь. Иной разъ его ищешь, не найдешь, а иной разъ самъ онъ на тебя лѣзетъ, неизвѣстно, зачѣмъ. Ѣду это я со своей пасѣки верхомъ домой, безъ ружья, безо всего. Только подъѣзжаю къ своей гати, а онъ на ней у мостика и сидитъ. Я на него крикнулъ,—сидитъ. Я повернулъ назадъ на пасѣку,—тамъ у сторожа ружье. Ѣду, оглянулся: — медвѣдь за мной идетъ. Я остановился и грожу ему: «Эй, неладно, молъ, идешь», а онъ ближе. Я лошадь припустилъ, а медвѣдь въ догонку, догналъ, за хвостъ лошадь хватаетъ. Я ужь тогда вскачъ, у пасѣки соскочилъ, лошадь между дровъ забилась и задомъ отбивается, а я — въ избу, да за ружье, хоть и знаю, что ружье дробью заряжено. Вышелъ, медвѣдь лошадь оставилъ и — на меня идетъ. Выпалилъ я, попалъ ему въ щеку, пыжъ у него въ щекѣ курится, а онъ все лѣзетъ. Что тутъ дѣлать! Вилы близко стояли, я ему—вилы въ бокъ. Заревѣлъ, повернулся и ушолъ. Его не разберешь, чего ему надо, когда испугается, чего не боится. Чудакъ-звѣрь!

Безлюдье, молчаніе. Тутъ оно начинается, и къ сѣ-

веру нѣтъ ему конца,—до самаго полюса. Точно дошолъ до безграничнаго моря и остановился на его берегу. На берегу, однако, хорошо. Тепло, красиво. Тропы, по которымъ мы ѣдемъ, не очень трясутъ наши коробки; можно думать, можно дремать, согрѣваясь на солнцѣ, подъ звуки безконечной табакерочной польки, которую играютъ колокольчики нашего поѣзда.

V.

Минуса́.

Въ тайгѣ не было ничего новаго; зато Минуса показала намъ такія картины, которыхъ мы до сихъ поръ не только не видѣли, но и не предполагали увидѣть. Минуса,—это—Минусинскій уѣздъ Енисейской губерніи, ея южный уѣздъ. Енисейцы называютъ Минусу своей Италіей, потому-что тамъ къ началу августа поспѣваютъ арбузы, а зимою сорокаградусные морозы бываютъ рѣдко. Въ крестьянскомъ мірѣ Минуса нѣсколько лѣтъ тому назадъ пользовалась славою переселенческаго рая. Съ точки зрѣнія переселенца тамъ и въ самомъ дѣлѣ былъ рай, не хуже Кочетка, Кустоная, Барнаула и другихъ привольныхъ, плодородныхъ и свободныхъ мѣстъ. Минусинскій рай, однако, скоро переполнился, и въ немъ стало тѣсно. На первый взглядъ эта тѣснота кажется невѣроятной. Такъ, въ Минусинскомъ уѣздѣ, съ Усинскимъ пограничнымъ округомъ, считается 9 692 381 десятина, изъ которыхъ заселены и обрабатываются всего 730 тысячъ десятинъ. Тѣснота, казалось-бы, не особенно тягостная. На самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такъ. Мужицкій рай, это — такое мѣсто, куда, стоитъ только придти, наладить соху и сейчасъ-же приняться пахать, притомъ въ полной увѣренности снять урожай, по крайней мѣрѣ въ самъ-десять. Когда Минуса гремѣла, такія мѣста въ ней были. Это были «степи», не безграничныя степи западной Сибири и южной европейской Россіи, скатертями раскинувшіяся на сотни верстъ,—минусинскія степи спрятались между холмовъ и горъ, напоминаютъ, между этихъ горъ, ручьи, рѣки и озера, — но по природѣ настоящія

степи, ровныя, черноземныя, со степными травами, хорошо орошенныя, съ горячимъ лѣтомъ и яркимъ солнцемъ. «Приходи и паши». Въ настоящее время степи уже заняты. Приходится ползти на склоны горъ, межъ которыхъ «текутъ» степныя долины; отъ центра уѣзда нужно отходить къ краямъ его; а края эти гористы, на горахъ сохранилась тайга. Таежная почва слишкомъ рыхла, пухла и обильна перегноемъ, такъ-что хлѣба идутъ въ траву, тянутся и до осени стоятъ зелеными; тайга съ весны долго держитъ въ себѣ снѣгъ, который дышетъ холодомъ, осенью тайга охлаждается быстрѣе, чѣмъ степь, и насылаетъ на несозрѣвшій хлѣбъ утренники. Это уже не рай: тутъ надо работать надъ расчисткой полей изъ-подъ лѣса, а урожаи въ самъ-десять сомнительны. Минуса нынѣ выключена изъ раёвъ, и теперь туда стремятся только отставшіе отъ вѣка люди, вродѣ описанныхъ пензенскихъ неудачниковъ.

Это не значитъ, однако, чтобы многіе десятки тысячъ менѣе требовательныхъ людей не нашли себѣ въ Енисейской Италіи надежнаго пріюта. Предпріимчивые люди, настоящіе колонизаторы, старовѣры, давно уже забрались въ горныя и таежныя мѣста Усинскаго округа, пограничнаго съ Китаемъ, и завели тамъ вольное теократическое государство, состоявшее изъ двухъ селъ. Государствомъ правилъ начетчикъ, какой-то Иванъ Тимофеевичъ, или Тимофей Ивановичъ, но ужъ слишкомъ неограниченно, казня и милуя, вѣшая и утапливая черезчуръ по произволу. Подданные, наконецъ, возроптали и пошли жаловаться минусинскому исправнику. Неограниченный повелитель былъ потребованъ къ отвѣту, а на его мѣсто прислали «пограничнаго начальника», которому присвоены права значительно менѣе широкія, а именно права всего лишь исправника. Колонизаторы не остановились на Усинскомъ округѣ и пробрались въ подлинный Китай. Есть между ними пахари, есть и купцы. Купцы, скупающіе у инородцевъ скотъ и продающіе имъ русскую мануфактуру, живутъ тамъ, по разсказамъ, настоящими помѣщиками, въ обширныхъ усадьбахъ. Многія русскія поселенія уже нанесены на географическія карты нашего штаба. Дорогъ въ Усинскій округъ и въ китайскіе пре-

дѣлы пока нѣтъ; зимою ѣздятъ по Енисею, а лѣтомъ — по единственной вьючной тропѣ, удобной въ еще меньшей степени, чѣмъ описанный Тарскій урманный тайгизъ.

Въ Минусу мы выѣхали изъ Ачинска, на югъ. Ачинскъ — обыкновенный сибирскій уѣздный городъ; чѣмъ больше ихъ видишь, тѣмъ меньше начинаешь отличать одинъ отъ другого. Зато природа сразу-же показала намъ свои мѣстныя прелести. Со второй-же станціи мы начали подниматься на хребетъ высокихъ холмовъ, съ супесчаной почвой и разбросанными тамъ и сямъ деревьями. И холмы были живописны, но все-же это были обыкновенныя русскія «горы», именуемыя горами больше въ противоположность ровному мѣсту и въ интересахъ почтовыхъ лошадей, которымъ въ гору разрѣшается дѣлать шесть верстъ вмѣсто обычныхъ десяти въ часъ; но то, что мы увидѣли, добравшись до вершины хребта, было великолѣпно, ново и прекрасно, — больше всего великолѣпно. Наши изрытые глинистые и песчаные холмы сбѣгали внизъ каскадами; по ихъ уступамъ толпами тоже будто бѣжали внизъ рощи. Внизу разстилалась колоссальная равнина, съ вьющеюся зеленоватой лентой Чулыма, съ едва замѣтными селами и ихъ бѣлыми церквами, ограниченная на горизонтѣ синѣющей линіей новаго хребта, до котораго, говорятъ, верстъ шестьдесятъ. Тотъ хребетъ, съ котораго мы спускались, свернулъ Чулымъ съ его прямого пути, съ юга на сѣверъ; рѣка вмѣсто того, чтобы течь прямо къ Ачинску, до котораго отсюда всего около тридцати верстъ, уклоняется къ западу и снова возвращается къ Ачинску, образуя петлю въ 300 верстъ длиною. Южнѣе, другой хребетъ, Черный Камень, оттѣсняетъ Чулымъ къ востоку и приближаетъ его, притокъ Оби, къ Енисею на разстояніе двадцати верстъ. Можетъ быть и настанетъ время, когда прорѣжутъ этотъ горный перешеекъ и соединятъ воды Енисея и Оби каналомъ, который будетъ находиться въ болѣе благопріятныхъ климатическихъ и культурныхъ условіяхъ, чѣмъ теперешній обь-енисейскій.

Странствованіе по равнинѣ, которая открылась передъ нами съ высоты хребта, было неблагополучно; да и вобще

великолѣпная Минуса преслѣдовала насъ неудачами. Неудачи начались съ того, что мы заблудились на равнинѣ и потерпѣли судьбу Чулыма, позднею ночью послѣ долгихъ блужданій вернувшись почти къ тому мѣсту, изъ котораго выѣхали раннимъ вечеромъ. Чулыму едва-ли пришлось испытать столько непріятныхъ неожиданностей, иной разъ сопряженныхъ съ опасностями, какія выпали на нашу долю. Чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ больше мы убѣждались, что попали въ мѣста, которыя рѣшительно никто ни изъ спутниковъ, ни изъ ямщиковъ, ни изъ провожатыхъ не можетъ опредѣлить. Ясно было одно: мы—на этомъ свѣтѣ, а не во владѣніяхъ нечистаго,—не во владѣніяхъ, но несомнѣнно въ его власти. Онъ насъ водитъ и шутитъ дурныя шутки. То внезапно исчезаетъ всякій слѣдъ дороги. То дорога превращается въ такую неистово тряскую, что начинаютъ возмущаться даже ямщики. Вдругъ—мостъ, повидимому на горѣ. Съ чего-бы тутъ быть мосту! Съ предосторожностями перебирается черезъ мостъ одинъ тарантасъ, за нимъ другой; но, лишь только взъѣхалъ на него третій, раздаются трескъ, вопли, хрипѣнье лошадей,—вся задняя тройка, проломивъ мостъ, свалилась въ воду и грязь, одна лошадь на другую, въ самыхъ неудобныхъ и фантастическихъ положеніяхъ. Темь глухая, ничего не видно и не разобрать. Находчивый Васильевъ примѣтилъ, недалеко отъ дороги, копну сѣна и начинаетъ его жечь пучками. При этомъ свѣтѣ кое-какъ вытаскиваютъ лошадей, и мы трогаемся въ дальнѣйшій столь-же мало извѣстный и пріятный путь. Проходитъ часъ, другой, третій въ тѣхъ-же шуткахъ неутомимаго нечистаго. Люди начинаютъ дремать, лошади плетутся усталой рысью. Передняя тройка натыкается на какое-то препятствіе, которое при тщательномъ разсмотрѣніи оказывается баней. За баней находимъ избу, за избой свѣтлѣется какое-то зданіе, изъ новыхъ, еще совсѣмъ бѣлыхъ бревенъ. Это зданіе все объясняетъ.

— Дорохово! и облегченно, и вмѣстѣ съ тѣмъ сконфуженно говоритъ ямщикъ.—Вѣрно, Дорохово! Ихъ новый запасный магазинъ, на прошлой недѣлѣ крышу крыли.

Дорохово отъ того села, изъ котораго мы передъ вечеромъ выѣхали, находится въ восьми верстахъ къ западу, а мы ѣхали въ деревню, въ сорока верстахъ, на югъ. Но и тутъ не все еше кончилось. Разъѣзжая по селу въ поискахъ земской квартиры, на одной изъ улицъ мы наткнулись на заборъ изъ жердей, поперекъ улицы. Это было еше нелѣпѣй, чѣмъ мостъ на горѣ. Разобрали заборъ, ѣдемъ и вдругъ соображаемъ, въ чемъ заключается эта новая шутка: оказывается, мы ѣдемъ берегомъ Чулыма, размытымъ чуть не до самыхъ избъ, — потому и загородили, что проѣздъ опасенъ даже по понятію сибирскихъ безстрашныхъ старожиловъ. Поворотить нельзя, всѣ тарантасы сбились вмѣстѣ. Проѣхали,—но на другой день Дорохово ходило смотрѣть, какъ это мы тутъ проѣхали.

Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ живописнѣй и величественнѣй природа Минусы. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши неудачи становятся все серьезнѣй:—мой спутникъ собирается не на шутку расхвораться. Перевалъ черезъ Черный Камень великолѣпенъ. Это—уже настоящія горы, со скалами, съ пропастями, съ острыми вершинами. Мѣстами въ складкахъ горъ текутъ быстрые ручьи, питающіе громадныя травы и тучные хлѣба. Пашутъ и косятъ по склонамъ, клочками; люди работаютъ то гораздо выше нашей дороги, то глубоко внизу. Ручьи сопровождаются зарослями очень красивой кустовой ивы, необыкновенно похожей на олеандръ, — словно въ Греціи или въ Сициліи. Съ вершины Камня видны зубчатые верхи другихъ хребтовъ, влѣво—уже за-енисейскія горы. Слѣва-же, сквозь разсѣлины горы, время отъ времени, прямо внизу виденъ прозрачный зеленоватый Енисей, разбивающійся на рукава, образующіе острова зеленыхъ луговъ и тополевыхъ рощъ. Небо—чистое, воздухъ—прозрачный. Величественныя, могучія горы, предъ которыми киргизская Швейцарія, Кочетокъ, меркнетъ и представляется пигмеемъ.

Смотритъ на это и мой спутникъ, повидимому, внимательно, но вдругъ начинаетъ говорить о чемъ-нибудь неподходящемъ или что-нибудь мало соотвѣтственное:— «Знаете, невозможно, чтобы теперь было половина шест-

надцатаго утра; теперь пятница»; или: «Горы летаютъ, какъ птицы, и имѣютъ привычку садиться стаями, въ особенности тамъ, гдѣ мало переселенцевъ».—Оказывается, спутникъ дремлетъ, а проснувшись, жалуется на сильную головную боль, ознобъ и жаръ.

Спустившись съ Камня, заночевали. Поутру спутникъ всталъ съ большимъ трудомъ, въ сильномъ жару, и только изъ вѣжливости пошолъ взглянуть на интересный видъ, который нашла наша молодежь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ земской квартиры, гдѣ мы ночевали. Видъ былъ въ самомъ дѣлѣ такой, что его и въ Италіи не стыдно было-бы показать. Насъ привели къ обыкновеннымъ старымъ воротамъ изъ потемнѣвшей лиственницы, съ незатѣйливой рѣзьбой на верхней поперечинѣ. Въ воротахъ, какъ въ рамкѣ, виденъ былъ противоположный берегъ Енисея, огромная остроконечная каменная гора, въ живописныхъ трещинахъ, съ травами и кустарниками въ разсѣлинахъ и по выступамъ. Свѣтлосѣрый камень горы былъ подернутъ синеватой дымкой горнаго воздуха, сгущавшейся во впадинахъ и вдали. И линіи, и краски картины были совсѣмъ «иностранныя», нерусскія. Потомъ мы убѣдились, что весь Енисей, отъ Минусинска до Красноярска, — непрерывная галерея горныхъ пейзажей первостепенной красоты. Спутникъ смотрѣлъ на картину, въ воротахъ, совершенно равнодушно. Въ тарантасѣ онъ опять задремалъ и началъ говорить о вещахъ несоотвѣтственныхъ, — и проснулся понастоящему, а разсуждать сталъ здраво только три недѣли спустя, въ красноярской больницѣ, куда его привела злѣйшая сибирская оспа.

Спутникъ слегъ. Здоровые собрали совѣтъ. Вопросъ былъ затруднительный. Мы среди великолѣпныхъ пейзажей, но изъ признаковъ цивилизаціи тутъ одинъ только тарантасъ. Въ ста верстахъ южнѣе, въ селѣ Абаканскомъ, цивилизаціи, по слухамъ, побольше: докторъ, аптека, а главное, пароходная пристань, которую посѣщаютъ пароходы, совершающіе рейсы между Минусинскомъ и Красноярскомъ. Пароходъ, Красноярскъ были вѣнцомъ мечтаній, отдаленнѣйшимъ идеаломъ, довольно смѣлымъ, въ виду неправильности пароходныхъ рейсовъ и вѣроятнаго неблагопріятнаго теченія болѣзни, — и всѣ наши заботы

сосредоточились на скорѣйшемъ достиженіи Абаканскаго. Но и это совершить было не легко.

Совѣтъ уложилъ больного въ тарантасъ, и мы двинулись дальше. Горы становились все болѣе горами, долины все больше пріобрѣтали сходство съ ручьями и озерами, извивающимися и прячущимися между горъ,—настоящихъ каменныхъ, съ зубчатыми вершинами, подернутыхъ синевой. Долины совершенно плоски, какъ уровень воды. На степныхъ пастбищахъ, съ невысокой питательной травой, пасутся большіе табуны лошадей и гурты скота, принадлежащіе крестьянамъ и уцѣлѣвшимъ инородцамъ, прежнимъ хозяевамъ сибирской Италіи. Воспоминанія объ этихъ хозяевахъ уцѣлѣли въ видѣ могильниковъ, мѣстами сплошь покрывающихъ минусинскія разбѣгающіяся степи, къ неудовольствію новыхъ хозяевъ, пахарей; каждая могила огорожена четырехъугольникомъ большущихъ каменныхъ плитъ, глубоко врытыхъ въ землю: издалека таскали, идолы эдакіе, чтобы испортить добрымъ людямъ, пришедшимъ въ Минусинскій рай, пашню. Впрочемъ, далеко не всѣ минусинскіе пахари имѣютъ право открещиваться отъ «чуди», испортившей пашню, потому-что большая ихъ часть — потомки этой чуди, о чемъ говорятъ широкія желтыя лица, черные волосы ежомъ и глаза цвѣта «мокрой черной смородины», какъ у знаменитой отнынѣ Толстовской Катюши изъ «Воскресенія». И такіе-же эти минусинцы въ сущности добродушные, какъ Катюша, притомъ даровитые: одинъ первостепенный русскій живописецъ, уроженецъ этихъ мѣстъ, едва-ли станетъ отрицать, что его предки принимали участіе въ таскапіи каменныхъ плитъ на минусинскія степи.

То разбѣгающимися степями-рѣчками, то переваливая черезъ хребты, придерживаясь Енисея, луга и прирѣчные холмы котораго сплошь заросли длиннымъ, въ полтора аршина высотою, «пикульникомъ»,—сибирскимъ ирисомъ, доѣзжаемъ, наконецъ, до Абаканскаго. До него рукой подать, но оно—на томъ берегу Енисея, и, прежде чѣмъ до него добраться, нужно трижды переправиться на паромахъ,—сначала чрезъ коренной Енисей, а потомъ чрезъ два его протока. Это не такъ легко. Насъ ждутъ, но почему-то никакъ не хотятъ повѣрить, что мы — мы.

Особенно упорными оказались паромы на протокахъ, стоящіе на противоположномъ берегу. Когда паромы, наконецъ, причаливали, оказывалось, что никакихъ приспособленій для взъѣзда на нихъ нѣтъ. Лошадей отпрягали, и тѣ должны были карабкаться на паромъ собственными средствами, что и совершали съ ловкостью дрессированныхъ въ циркѣ. Тарантасъ вкатывали по узенькимъ дощечкамъ, которыя подозрительно трещали; а въ тарантасѣ помѣщался пассажиръ, оживленно сообщавшій мнѣ вещи еще болѣе удивительныя, чѣмъ летающія горы и шестнадцатый часъ утра. Подъ впечатлѣніемъ этихъ загадочныхъ рѣчей, мы мало удѣляли вниманія картинамъ природы. А онѣ были удивительно хороши. Когда на паромѣ мы выѣхали на середину рѣки, мы увидѣли, что могучій, прозрачный, быстрый потокъ несется среди горъ и скалъ, по живописности не уступающихъ берегамъ Рейна. Островамъ праваго берега очень могутъ позавидовать петербургскіе острова. Сочныя травы, рощи могучихъ тополей и густыя заросли черемухи. Весною, когда черемуха цвѣтетъ, острова кажутся покрытыми снѣгомъ,— сладко благоухающимъ снѣгомъ. При закатѣ солнца, когда оно освѣтило зеленые острова красновато-желтыми горизонтальными лучами, картина сдѣлалась волшебной,—такіе появились оттѣнки, такъ переплелись тѣни. Все освѣтилось словно костромъ, зажженнымъ ночью...

Чѣмъ боленъ нашъ спутникъ, выяснилось только въ Красноярскѣ. До того и мы, и докторъ гадали и такъ, и эдакъ. Думали, что тифъ, предполагали сильнѣйшую гастрическую лихорадку; самъ больной, въ промежутки между бреда, поставилъ діагнозъ довольно неожиданный, приписавъ свою болѣзнь меду, который ему очень понравился въ Маріинско-Чулымской тайгѣ. Послѣ трехъ дней ожиданія пришелъ пароходъ и взялъ насъ въ Красноярскъ. Мы вздохнули свободно. При больномъ неотлучно находился Васильевъ, который роль сестры милосердія исполнялъ такъ-же хорошо, какъ до того на земскихъ квартирахъ скатерть-самобранку а—на козлахъ коробковъ — коверъ-самолетъ, — и мы могли любоваться Енисеемъ.

Изъ Красноярска, прямо съ береговъ Енисея, я по-

палъ на южный берегъ Крыма и могу сказать, что Енисей живописнѣе Крыма. Южный Берегъ, это — обрывъ Таврической степи къ морю. Когда вы смотрите на этотъ обрывъ съ моря, онъ очень однообразенъ, какъ и всякій другой степной обрывъ. Енисей-же течетъ по настоящей горной странѣ, безъ всякой фальши и поддѣлки. Разнообразіе картинъ его береговъ изумительно; нѣтъ поворота парохода и изгиба рѣки, которые не давали-бы новаго зрѣлища. То тянется рядъ каменныхъ палатокъ, то прямо изъ воды подымается словно древняя крѣпостная стѣна, сложенная изъ сѣрыхъ плитъ; ея верхъ—древній, осыпавшійся, неровный, поросшій травою и кустарникомъ. Мѣстами стѣна осыпалась и грудой мусора упала въ рѣку. Чѣмъ ближе къ Красноярску—а до него сутки ѣзды,—тѣмъ уже становится ложе Енисея. Горы тѣснятъ его со всѣхъ сторонъ, онъ течетъ въ «щекахъ», въ «трубѣ». Сначала эти горные берега—зубчатые, потомъ, то справа, то слѣва появляется сплошной камень, однимъ массивомъ, похожій на гигантскаго червя, протянувшагося вдоль рѣки; въ этой стѣнѣ видны тамъ и сямъ странныя отверстія, выходъ изъ которыхъ почернѣлъ какъ-бы отъ дыма, — жилища сказочныхъ зміевъ и драконовъ. И вся эта каменная основа изукрашена зеленью травъ и деревьевъ. И ничего «сибирскаго» въ пейзажѣ, ничего дико-азіатскаго; все — необыкновенно граціозно, привѣтливо и, повторяю, болѣе рззнообразно и «талантливо», чѣмъ въ общей картинѣ южнаго берега Крыма.

Великолѣпіе Енисея кончается у Красноярска, и кончается эффектно. На правомъ берегу въ самой рѣкѣ стоитъ скала, имѣющая видъ колоссальнаго копыта, ступившаго въ воду. Вдали видны Красноярскъ и желѣзнодорожный мостъ чрезъ Енисей. Еще четверть часа, — и мы у пристани, гдѣ нашу потерпѣвшую неудачу экспедицію встрѣтили съ такими участіемъ и заботливостью, которыхъ мы, конечно, никогда не забудемъ.

Іюль—сентябрь 1898.

Черезъ Сибирь

(Отъ Урала до Тихаго Океана)

I.

Какъ по Сибири ѣздятъ.

Этотъ колоссальный путь, $7^1/_2$ тысячъ верстъ, чрезъ всю Сибирь, до окончанія великой сибирской дороги мнѣ пришлось сдѣлать одному изъ послѣднихъ изъ пишущей братіи, а потому рѣшаюсь разсказать, какъ ѣздили по Сибири лѣтомъ 1897 года.

Въ 1897 году по Сибири еще возили «изъ любезности». Въ европейской Россіи этотъ способъ передвиженія уже забытъ. На желѣзной дорогѣ вамъ *должны* дать билетъ, пароходъ *долженъ* идти по росписанію, на почтовыхъ станціяхъ вамъ *должны* запрягать лошадей по требованію и безъ замедленія. Не то въ Сибири. Въ Россіи слова: «долженъ», «долгъ», уже начинаютъ разбирать, пока еще по складамъ, но начинаютъ. Въ Сибири по этой части совсѣмъ неграмотны. Я мало и кратковременно видѣлся съ мѣстными людьми, но я усердно читалъ мѣстныя газеты, и тѣ изъ нихъ, которымъ дана нѣкоторая свобода, открыли мнѣ такія стороны коренной сибирской жизни, свободной отъ долга, управляемой деньгами и силой, которыя заставляютъ только руками разводить. Желѣзная дорога, какъ ни механично это средство, обновитъ край, очиститъ воздухъ, привлечетъ большее количество ревизоровъ, журналистовъ, торговцевъ, иностранцевъ, переселенцевъ и приблизитъ Сибирь къ европейской Россіи: это немного, но для Сибири и не мало. Для иллюстраціи теперешней жизни прошу у читателя позволенія описать, какъ по Сибири передвигаются только благодаря «любезности» сибиряковъ, а не по праву.

Когда выѣхалъ во Владивостокъ,—не ближе, не дальше,—переѣзда до первой сибирской станціи, Челябинска, не считаешь: это—одинъ перегонъ, отъ станціи до станціи, хотя въ немъ $2^1/_2$ тысячъ верстъ. Тутъ пока все идетъ ладно,—ладно, конечно, по-русски. Движемся немного медленно, кондуктора немного пьяны, въ буфетахъ немного дерутъ, но «любезности» еще не начинаются. Нѣтъ ихъ и дальше, отъ Челябы до Омска, гдѣ уже открыто правильное движеніе, и Сибирь немножко превратилась въ Россію. Настоящее начинается въ Омскѣ, гдѣ мнѣ надо свернуть по Иртышу въ Тару, уѣздный городъ Тобольской губерніи.

Когда отходитъ пароходъ въ Тару, это никому неизвѣстно. Въ гостинницѣ не знаютъ; объявленій ни въ газетахъ, ни на фонарныхъ столбахъ нѣтъ. Гдѣ узнать? Говорятъ, въ одномъ изъ магазиновъ, владѣлецъ котораго состоитъ агентомъ пароходства господъ С. Идемъ въ магазинъ, застаемъ въ немъ барышню, приказчицу магазина.

— Когда отходитъ пароходъ въ Тару?

— Я не знаю.

— Можно отъ кого-нибудь узнать?

— Можно. Отъ хозяина.

— Гдѣ-же онъ?

— Ушолъ.

— Куда?

— Не знаю.

— Когда-же онъ вернется?

— Не знаю.

— Есть у васъ росписаніе рейсовъ вашихъ пароходовъ.

— Не знаю.

— Нельзя-ли справиться на пристани?

Барышня начинаетъ нервничать, какъ настоящая русская барышня.

— Ахъ, Боже мой, почемъ я знаю, есть-ли у нихъ какая-то тамъ пристань!

Выходимъ изъ агентства и велимъ извозчику ѣхать на пристань пароходства С.

— Я такой пристани не слыхалъ.

— Поѣзжай на какую-нибудь пристань!

Пріѣхали на одну,—никого нѣтъ, все заперто: администрація спитъ. На другой—то-же самое. На третьей—то-же. Пристани С. нигдѣ нѣтъ, а намъ сказали, что именно сегодня ихъ пароходъ отходитъ въ Тару. Вдругъ изъ-за горы, изъ-за казармъ, нѣкогда бывшихъ острогомъ и описанныхъ Достоевскимъ въ его «Мертвомъ Домѣ», слышимъ пароходный свистокъ.—Не тамъ-ли пристань С.? Гони туда.—Пріѣзжаемъ: дѣйствительно, пароходъ С., отправляющійся въ Тару, стоящій у берега, — безъ пристани.

— Когда вы отчаливаете?

— Никакъ не позже четырехъ.

— Матушки! А теперь три! Успѣемъ-ли собраться въ гостиницѣ, успѣемъ-ли пріѣхать во-время?

— Для васъ готовы подождать до четырехъ съ половиной.

— Спасибо! Огромное спасибо!!

Мчимся въ гостиницу. Я и мой спутникъ разсылаемъ записки нашимъ знакомымъ, у которыхъ мы обѣщали обѣдать, съ извиненіями и сожалѣніями, кое-какъ складываемъ свои пожитки, и снова—на пароходъ. А парохода нѣтъ.

— Ушолъ въ Тару?

— Нѣтъ, не въ Тару, а къ переселенческимъ баракамъ забирать переселенцевъ.

— Слава Богу!

Такъ-то оно такъ, но и на берегу ждать невесело. Ждемъ часъ, ждемъ другой. Захотѣлось ѣсть, вскрываемъ наши консервы и насыщаемся. Между прочимъ, бесѣдуемъ съ переселенцами, которые ждутъ парохода также и здѣсь, вмѣстѣ съ нами. Переселенческіе ребятишки забавляютъ насъ своими звѣриными шалостями и выходками, точно молодыя собачата. Переселенецъ-папа́, изъ «лукавыхъ мужиченковъ», не унываетъ. Переселенка-мама́—глупая и добродѣтельная дама, не сомнѣвающаяся въ своемъ супругѣ. Переселенка-бабушка—въ меланхоліи и сомнѣвается, чтобы ея костямъ было пріятнѣй лежать въ тарскихъ «урманахъ», чѣмъ на родинѣ въ «минщинѣ». Въ пріятныхъ и поучительныхъ бесѣдахъ съ переселен-

цами проходитъ еще часъ, и, наконецъ-то, появляется нашъ пароходъ. Начинается причаливаніе. Причаливаніе и отчаливаніе представляютъ непреоборимыя трудности для насъ, русскихъ, будь мы морскими или рѣчными плавателями по водамъ. Пароходъ возится около мѣста причала битый часъ, пока не становится въ настоящее мѣсто.

— Когда-же отходимъ?

— Сейчасъ, сейчасъ.

И это «сейчасъ» длилось съ шести часовъ вечера — до одиннадцати. Преувеличенная «любезность»!

Одиннадцать часовъ ночи. Опять хочется ѣсть.

— Гдѣ у васъ буфетъ?

— Буфета нѣтъ, а имѣется кухарка. Если командиръ позволитъ, она вамъ приготовитъ ѣду.

Позволеніе командира дано. Вызываемъ кухарку. Она приходитъ и садится рядомъ съ нами на диванъ. Послѣ дружеской бесѣды,—причемъ мы говорили и о многомъ, прямо не относящемся къ дѣлу, какъ-то: о лѣтахъ кухарки, о томъ, откуда эта дама родомъ (40 лѣтъ, могучее тѣлосложеніе, пріятный разговоръ, 5 человѣкъ дѣтей),—заказываемъ себѣ пельмени. Пельмени,—я безпристрастенъ, — были дивные: недаромъ ихъ авторша была, какъ она выражалась, «пермецкая», уроженка родины пельменей.

Послѣ пельменей собираемся ложиться спать.

— Запирать-ли дверь? говорю я спутнику.

Заперли. Потомъ пробуемъ отворить: не отворяется. Стараемся, и такъ, и сякъ,—безъ успѣха.

— Этого нельзя такъ оставить, говорю я спутнику, недостаточно искушенному по части сибирскихъ любезностей.—Чего добраго, насъ начнутъ топить, — какъ мы тогда выскочимъ? Надо «шумѣть».

И мы начинаемъ шумѣть. Долго шумимъ. Наконецъ, у нашей двери слышится женскій голосъ:

— Что случилось?

— Вотъ вамъ ключъ. Мы подаемъ его вамъ подъ дверь. Взяли?

— Взяла.

— Пожалуйста, попробуйте отпереть дверь съ той стороны.

Съ той стороны дверь, по-счастью, отперлась. Мы начинаемъ роптать противъ порядковъ парохода. Дама завѣряетъ насъ, что это еще лучшій пароходъ, что остальные—гораздо хуже.

Подъѣзжаемъ къ Тарѣ, уже видны ея церкви. Навстрѣчу намъ идетъ пароходъ. Съ него—сначала свистки, потомъ говорятъ въ рупоръ. Мы поворачиваемъ обратно, поджидаемъ встрѣчный пароходъ и причаливаемъ къ нему. Взаимно бросаемъ другъ другу канаты и крѣпко связываемся. Потомъ съ нашего парохода передаютъ сходни на встрѣчный: оказывается, на встрѣчномъ ѣдетъ тоже г. С., которому понадобилось поговорить съ нашимъ пароходомъ, на которомъ ѣдетъ другой г. С., братъ перваго.

Крѣпко, истинно по-братски обнявшись со встрѣчнымъ пароходомъ, мы идемъ обратно ровно два часа! Кухаркѣ велятъ вздуть самоваръ, приготовить закуску, сварить уху, изжарить карасей. Все это изготовлялось; братья бесѣдовали о дѣлахъ, безъ сомнѣнія, важныхъ. Но, спрашивается, какое до всего этого дѣло пассажирамъ ихъ пароходовъ?

Мой молодой и неопытный въ путешествіяхъ по Сибири спутникъ выходилъ изъ себя.

— Или они съ ума сошли, или ихъ мировой посадитъ въ каталашку, говорилъ онъ.

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ я.—Насъ везутъ изъ «любезности», а не по обязанности, не по «уставу».

Пока братья С. наговорились и накушались досыта, пока мы отвязали себя отъ встрѣчнаго парохода, пока наверстали потерянное время, настала ночь, въ Тару мы пріѣхали въ глухую темень. Еслибы что-либо подобное случилось въ европейской Россіи, конечно, виновники этого происшествія были-бы отправлены въ каталашку. Въ Сибири это называется — любезностью. Недалеко то время, когда пароходовладѣльцевъ обяжутъ приноровляться не къ сибирской «любезности», а къ росписанію поѣздовъ западно-сибирской желѣзной дороги. Пароходчики, конечно, будутъ роптать на эти стѣснительные «россійскіе» порядки.

Въ Канскѣ въ 1897 году кончался желѣзный путь

и начинался колесный. Это—большой курьезъ. Припоминая въ Сибири разсказы стариковъ о поѣздкахъ по почтовымъ трактамъ европейской Россіи дореформенныхъ временъ, убѣждаешься, что и старики не лгутъ, и Сибирь теперешнихъ дней представляетъ собою канувшую въ вѣчность Россію. Старики разсказываютъ о томъ, какъ они сиживали на станціяхъ, въ ожиданіи лошадей, сутками и недѣлями. Описываютъ станціи въ видѣ тѣсныхъ клоповниковъ, въ которыхъ набившейся публикѣ негдѣ ни прилечь, ни присѣсть. Припоминаютъ станціонныхъ смотрителей, въ видѣ исчадій ада,—грубыхъ, пьяныхъ, полусонныхъ, издѣвающихся надъ мелкотой и сильно терпящихъ отъ важныхъ проѣзжихъ: чтобы оградить смотрителей отъ побоевъ, ихъ сдѣлали «заурядъ —коллежскими регистраторами», то-есть, чиновниками и «благородіями», но лишь на время службы смотрителями. Разсказываютъ, что люди пылкаго темперамента, особенно военная молодежь, не разъ наносили смотрителямъ тяжкія увѣчья, а то такъ и причиняли имъ насильственную смерть. Припоминаютъ объ опасностяхъ большихъ дорогъ,—о срѣзываніи чемодановъ, о грабителяхъ, внезапно выскакивавшихъ темной ночью изъ-подъ мостовъ, о пуляхъ, которыя «дорожные мастера» посылали въ догонку, о случаяхъ убійствъ проѣзжихъ. Все это въ Россіи въ настоящее время звучитъ сказкой, но въ Сибири не только сохранилось во всей неприкосновенности, но въ послѣдіе года два приняло еще болѣе яркія краски. Постройка желѣзной дороги, усиленіе войскъ на дальнемъ Востокѣ, развитіе переселенческаго движенія вызвали такой проѣздъ по сибирскому тракту, что не успѣваютъ чинить дорогу и не хватаетъ лошадей. «Залежи» проѣзжихъ иногда бываютъ громадны. Въ маѣ 1897 г., когда въ Восточную Сибирь двигались вереницы инженеровъ и новыхъ судебныхъ чиновъ, даже люди съ казенными подорожными какія-нибудь восемьсотъ верстъ тащились по мѣсяцу. Изъ частныхъ лицъ болѣе или менѣе быстро двигались только тѣ, кто былъ въ состояніи платить неслыханныя цѣны за вольныхъ лошадей, достигавшія, по разсказамъ, рубля съ версты и лошади.

Лошадь въ это время была предметомъ мечтаній и сновидѣній, темой глубокихъ размышленій и комбинацій. Оказалось, лошадь — вовсе не просто лошадь; нашлись лошади очень многихъ разрядовъ: лошади почтовыя; лошади земскія; лошади обывательскія; дополнительныя почтовыя, которыя наряжались только подъ почту; лошади междудворныя, при которыхъ полагался не тарантасъ, а простая телѣга; наконецъ, у бурятъ въ Забайкальѣ имѣлись еще лошади дипшурныя, — надо полагать: дежурныя. Тотъ, кто могъ добиться права пользоваться всѣми этими разновидностями лошади, имѣлъ возможность разсчитывать пріѣхать въ Благовѣщенскъ изъ Петербурга въ сорокъ, пятьдесятъ дней. И вотъ, этой наукѣ о лошади меня обучили на сибирской желѣзной дорогѣ дамы. Никогда я не имѣлъ и не буду имѣть такого успѣха у дамъ, какъ лѣтомъ 1897 года, на сибирской желѣзной дорогѣ, между Челябинскомъ и Канскомъ. Меня поили чаемъ, предостерегали противъ возможности простудиться, знакомили съ мужьями, показывали дѣтокъ, даже дѣлали глазки. Знакомство начиналось съ разговоровъ о предстоящемъ путешествіи на лошадяхъ. Какъ только узнавали, что я ѣду по казенной надобности, тутъ-то и начинался успѣхъ. Мнѣ разъясняли, что я могу требовать нетолько почтовыхъ лошадей, предпочтительно предъ частными лицами, но и всѣ остальные разряды лошади, до загадочныхъ дипшурныхъ включительно; что я могу ѣхать нетолько одинъ, но и съ «будущими». Въ будущіе дама немедленно предлагала себя и свою семью. Препрактичный народъ, эти дамы. Надо, однако, сказать, что дамы были большею частью еврейскаго, т.-е. особенно практическаго происхожденія. А евреевъ хлынуло по новой желѣзной дорогѣ въ Сибирь множество: купцы, золотопромышленники, заводчики, адвокаты. Столько-же ѣдетъ туда иностранныхъ предпринимателей. Одни наши русаки не торопятся, или-же ѣдутъ по казенной иадобности.

Отъ «будущихъ» я, неблагодарный, отказался, но своими правами воспользовался. Сибирскія дорожння мытарства я видѣлъ, такимъ образомъ, со стороны и лишь изрѣдка испытывалъ ихъ самъ.

Станціонный смотритель въ Сибири не носитъ ранга «заурядъ—коллежскаго регистратора» и называется просто станціоннымъ писаремъ. Боже мой, что это за ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое созданіе!

Усталый, запыленный, вылѣзаешь у станціи изъ телѣги и входишь въ крохотную конурку, гдѣ у стола сидитъ небритый человѣкъ, съ окаменѣвшимъ лицомъ, но съ озлобленными глазами. Это и есть писарь. Обыкновенно онъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Въ прошломъ, значитъ, у него—много горя: преступленіе, ссылка, иногда каторга. Въ большей или меньшей степени это—человѣкъ изъ «Мертваго Дома». Въ настоящемъ—ни одного получаса спокойнаго. Безконечной вереницей предъ нимъ проходятъ усталыя, злыя лица проѣзжихъ, измученныя и страдальческія лица одинокихъ женщинъ, съ кучею дѣтей, какихъ-нибудь вдовъ мелкихъ чиновниковъ, возвращающихся въ Россію, взбѣшенные молодые офицеры и чиновники, «суръезные» генералы, военные и статскіе, пьяные купцы. И все это—его враги, смертельные враги, которые его попрекаютъ или ругаютъ, плачутъ отъ злости или кричатъ, язвятъ или подкупаютъ, иногда бьютъ,—бывало, что и убивали. На столѣ лежитъ толстая «Жалобная книга», обыкновенно вся исписанная. Этотъ толстый томъ—сплошныя язвительности, жалобы, а иногда и ругательства противъ писаря. Въ рѣдкія минуты, когда писарь свободенъ отъ словесныхъ пріятныхъ объясненій съ проѣзжими, онъ развертываетъ томъ и перечитываетъ его. Лицо при этомъ дѣлается еще болѣе каменнымъ, а глаза горятъ еще больше. Этотъ сибирскій станціонный писарь долго кошмаромъ стоялъ въ моей памяти.

Вы входите къ писарю. При видѣ вашей кокарды, онъ нехотя подымается на ноги. Вашъ первый вопросъ, конечно, о дошадяхъ:

— Лошади есть?

Этотъ вопросъ писарь слышитъ, по крайней мѣрѣ, каждыя полчаса, и днемъ, и ночью.

— Нѣтъ, лошадей нѣту,—говоритъ онъ, и по глазамъ видно, что его радуетъ неимѣніе лошадей.

— Когда-же будутъ?

— Въ четыре часа.

Теперь три часа.

— Хорошо, я подожду, а пока велите дать мнѣ самоваръ.

— Слушаю-съ.

Писарь направляется къ двери, но останавливается, съ ласковой улыбкой, но съ глазами, которые смотрятъ еще недоброжелательнѣй, мягко прибавляетъ:

— Лошади будутъ въ четыре часа не черезъ часъ, а ночью.

— А обывательскія лошади тоже всѣ въ разгонѣ?

Писарь оживляется и также мягко, съ такою-же улыбкой и такими-же глазами говоритъ:

— Представьте, сегодня необыкновенный день. Три обывательскія тройки стоятъ на дворѣ. Хоть сейчасъ и запрягай.

— Вотъ, и запрягайте.

— Не могу-съ.

— Почему?

— Не имѣю права. Для обывательскихъ необходимо имѣть особый открытый листъ.

Вы подаете ему и этотъ открытый листъ. Писарь принимаетъ его со вздохомъ: не удалось выместить хоть часть обидъ, — словесныхъ и въ жалобной книгѣ, — на проѣзжающемъ, не удалось и сорвать съ него малую толику, не удалось также услужить вольнымъ ямщикамъ, которые внимательно прислушивались къ бесѣдѣ и съ которыми писарь въ стачкѣ.

Это какой-то маленькій Мефистофель, отравляющій жизнь другимъ и самъ съ отравленнымъ существованіемъ, этотъ станціонный писарь. На протяженіи полутора тысячъ верстъ, которыя я сдѣлалъ по колесному тракту, я только на двухъ станціяхъ видѣлъ писарей съ не-мефистофельскими лицами и рѣчами. Одинъ недавно замѣстилъ предшественника, который былъ подстрѣленъ проѣзжимъ. Другой случай произошелъ такъ.

Три тройки подъѣзжаютъ къ станціи. Писарь—горбунъ. Съ лица и по виду ужъ окончательно Мефистофель; но, странно, преобщительный и предобрѣйшій человѣкъ.

— И лошадки есть. И тарантасики есть. Для всѣхъ

троихъ! Сію минуту и заложимъ. Пожалуйте открытые листы.

Лошадей запрягли, добрѣйшій писарь вышелъ насъ провожать и только-что не перекрестилъ на дорогу. Крестнаго знаменія, однако, не сотворилъ, потому-что оказался — изъ Мефистофелей Мефистофелемъ. Верстъ пять мы проѣхали — какъ и по всей Сибири до этого мѣста. Ѣхали скоро; дорога хорошая. Потомъ на трактѣ появились колеи и выбоины. Далѣе, эти ухабы заставили ямщиковъ сворачивать и ѣхать цѣликомъ. Тѣмъ временемъ стемнѣло, и началось нѣчто ужасное. Ѣдемъ тракомъ,—тарантасы вытрясаютъ всю душу, или грозятъ перевернуться вверхъ дномъ. Ѣдемъ стороной,—попадаемъ въ болото, вязнемъ, лошади останавливаются, сбиваемся съ пути, залѣзаемъ въ какіе-то кусты, снова останавливаемся и ищемъ дорогу въ полной темнотѣ. Ямщики дѣлаютъ бунтъ и хотятъ тутъ и ночевать, въ кустахъ и болотѣ. Соединенными силами и энергичными мѣрами проѣзжающіе подавляютъ бунтъ и заставляютъ везти трактомъ. Мы совершаемъ остальныя верстъ двадцать по прежнимъ колеямъ и выбоинамъ, которыя одного изъ пассажировъ, съ катарромъ желудка, заставляютъ прямо-таки стонать. Въ заключеніе, въѣхавъ въ деревню, гдѣ была слѣдующая станція, мы завязли въ непролазной грязи ея улицы. Съ этого перегона начинался кусокъ дороги, который, по небрежности и по случаю проливныхъ дождей, былъ вымощенъ такъ, какъ должны быть вымощены мостовыя и троттуары въ аду, — совсѣмъ не благими намѣреніями, какъ принято думать. Нашъ горбунъ зналъ, на что онъ насъ посылаетъ въ глухую ночь, а потому и радовался тому, что нашлись и тарантасики, и лошадки, и что наши открытые листики въ порядкѣ.

Ямщики не вездѣ одинаковы. Въ Восточной Сибири они молодцы: смотря по тому, какъ обѣщаютъ имъ на чай, такъ и везутъ; стачки съ вольными не такъ дружны и не такъ упорны. Таковы чистые русаки. Въ восточной части Иркутской губерніи мы встрѣчаемся съ населеніемъ смѣшанной крови,—русско-бурятской, и тутъ начинаются азіатскія хитрости и наглости, очень лукавыя, но довольно безтолковыя: азіатъ хорошенько не знаетъ, что

ему съ васъ взять, вы не понимаете, что ему дать, — видно только, что хитритъ, и очевидно, что плохо везетъ. Въ Забайкальѣ идутъ буряты, раскольники и казаки. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ непріятнѣй: хитрѣйшій-ли изъ азіатовъ, бурятъ, объазіатившійся казакъ, или раскольникъ, прошедшій долгую, но низменную дипломатическую школу. Бурятъ лукавѣй всѣхъ, но, по счастью, онъ—труслив и слишкомъ азіатъ. Казакъ побаивается начальства. Раскольникъ настолько уменъ, что съ начальствомъ не ссорится, но онъ горячъ, и тогда чортъ ему не братъ. На этой части пути находишься въ напряженіи, не только на станціяхъ, когда чуть не за хвосты вытаскиваешь лошадей изъ конюшенъ, а и на перегонахъ, заставляя ѣхать скорѣе.

Вотъ, на выдержку, бурятъ-ямщикъ, Вандамъ Бадзыржановъ. Станціонный писарь, съ обычной привѣтливой улыбкой, медовымъ голосомъ объявляетъ, что лошадей нѣтъ и не будетъ ранѣе полусутокъ. Требую обывательскаго ямщика. Появляется бурятъ; съ жолтой и круглой, какъ лимонъ, головой, съ черными на выкатѣ глазами. Онъ пьянъ и, кромѣ того, притворяется дикимъ, какъ одичавшій котъ, азіатомъ.

— Твое благородіе проситъ, это, лошадей?

— Я не прошу, а требую.

— Мало что всякій потребуетъ. А листъ есть?

— Ты потише. А листъ—вотъ онъ.

Бурятъ, видимо, симулируя дикаго, начинаетъ «шумѣтъ»:

— Всякій разную бумагу станетъ показывать. Почемъ я разберу, настоящій это бумага или фальшивый!

Азіатъ выдворяется за дверь, причемъ ему рекомендуется позвать кого-нибудь грамотнаго изъ бурятъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ входитъ какая-то жреческая фигура,—бурятскій лама. Въ рукахъ—четки. Фигура ихъ перебираетъ и что-то про себя шепчетъ. Движенія медленныя и елейныя. Жрецъ, не переставая шевелить губами, молча смотритъ на бумагу, молча наклоняетъ голову и молча удаляется. Почти въ то-же мгновеніе въ дверь просовывается голова азіата-ямщика. На лицѣ радостная готовность.

— Въ одну минуту все готово будетъ, твое благородіе! кричитъ азіатъ и исчезаетъ.

Азіатъ везетъ лихо, во всю прыть, оборачивается, заговариваетъ. Я отвѣчаю ему по-человѣчески. Лишь только онъ услышалъ человѣческій тонъ, какъ очень быстро мѣняетъ манеру, становится фамильяренъ и ѣдетъ скверно.

— Ты-бы не болталъ, а ѣхалъ получше,—говорю я, все еще по-человѣчески.

— Какъ тебѣ еще ѣхать! грубо огрызается тотъ.

По пути одинъ изъ писарей, но не станціонный, а волостной, училъ меня, какъ обращаться съ бурятами.— «Вы, — говорилъ онъ, — извините меня, но съ бурятами такъ надо обходиться. Что вы съ нимъ образованнѣй, то онъ жостче. Если-же вамъ что отъ него надо, такъ, какъ можно, грознѣй съ нимъ обходитесь, даже въ морду ему хорошенько закатите; тогда онъ въ глаза вамъ будетъ смотрѣть. Такъ мнѣ замѣчать случалось», — прибавилъ писарь.

Насчетъ «морды» я не любитель, но быть грознымъ— приходилось себя заставлять. Въ этомъ случаѣ, послѣ грубаго отвѣта, нужно было набрать въ грудь воздуха, прорепетировать мысленно сердитую интонацію и затѣмъ, искусственно вытаращивъ глаза, съ искусственной яростью закричать на азіата. Въ то-же мгновеніе азіатъ утихалъ, горбился, ежился и ѣхалъ какъ слѣдуетъ.

Послѣдній бунтъ, Вандама Бадзыржанова, произошолъ въ селеніи, гдѣ пришлось сдѣлать нѣсколько концовъ въ поискахъ за неизвѣстно куда отлучившимся станціоннымъ писаремъ. Азіатъ сталъ ворчать, сначала робко. Я молчу. Азіатъ ворчитъ громче. На крылечкахъ лавокъ стоятъ торговцы, знакомые бурята. Они слышатъ его рѣчи. Я молчу. Поощренный моей кротостью, бурятъ становится гордымъ. Сидитъ на козлахъ важно и непринужденно, начинаетъ кричать, переходитъ на бурятскую рѣчь, которую въ селѣ понимаютъ всѣ, и, проѣзжая по деревнѣ, направо и налѣво по-бурятски дѣлится съ знакомыми какими-то непонятными мнѣ, но несомнѣнно мало лестными для меня замѣчаніями. Мое послѣднее внушеніе буряту, очевидно, уже испарилось.

— Стой!

Ворча, бурятъ останавливается.

— Дай кнутъ.

Даетъ.

— Еслы ты не уймешься, при всѣхъ твоихъ знакомыхъ изломаю о тебя кнутовище.

И опять въ ту-же секунду, передо мной на козлахъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, не та спина, не тѣ плечи. Рѣчи—шопотъ. Глаза выражаютъ собачью преданность. На земской квартирѣ изъ тарантаса вынимаетъ мои веши точно святыню. Если еще можно догадываться о психологіи станціоннаго писаря, то бурятско-азіатская представляется совсѣмъ непонятной. Развѣ только психологія лягавой Ласки Константина Левина можетъ дать о ней нѣкоторое понятіе. Боюсь, что мы не понимаемъ азіата ни въ Забайкальѣ, ни въ Туркестанѣ,—ни въ Россіи.

Хитрые пріемы казака не такъ грубы и первобытны. Онъ никогда не станетъ «куражиться», какъ бурятъ, никогда не позволитъ себѣ и такъ унизиться; но онъ еще пристальнѣй слѣдитъ за настроеніемъ пассажира: сердитъ онъ или благодушенъ, можетъ онъ разсердиться или мямля. Сообразно съ результатомъ наблюденій онъ и везетъ васъ. Если везомое «его благородіе» простякъ, онъ сладко дремлетъ, ѣдетъ чуть не шагомъ, безъ спроса мѣняется со встрѣчнымъ ямщикомъ лошадьми, чтобы скорѣй вернуться домой и залечь спать, или, чаще, чтобы наняться по вольной цѣнѣ. Приходится постоянно быть въ напряженіи, притворяться «серьезнымъ», говорить басомъ, покрикивать. Крикнешь—съ версту казакъ ѣдетъ прилично, а самъ выжидаетъ, не задремалъ-ли сѣдокъ, не усталъ-ли понукать. Если это такъ, опять начинается черепашья ѣзда. Казакъ не такъ грубъ, какъ бурятъ, но еще болѣе, такъ сказать, «скользокъ»: никакъ не возьмешь его въ руки. Эта уклончивость, отсутствіе прямоты и достоинства, непониманіе правъ и обязанностей—характерны для всей Россіи, но въ Сибири это выражено особенно ярко.

Двигаться быстро по Сибири, по ту сторону Байкала, тѣмъ труднѣе, что и «на-чаи» тамъ не помогаютъ. Помню, однажды, истощивъ всѣ убѣжденія, я посулилъ ямщику-казаку рубль на водку. Тотъ медленно оглянулся и иронически посмотрѣлъ на меня.

— Что мнѣ, ваше благородіе, твой рубль! У насъ, вѣдь, рубль—не деньги.

И, дѣйствительно, за Байкаломъ рубль — уже не деньги. Вмѣсто того, чтобы везти меня за указные прогоны, казакъ по вольной цѣнѣ взялъ-бы за ту-же станцію—рублей пятнадцать. Иной разъ случится съѣздить два раза въ день. Послѣ того, мой рубль показался мнѣ совсѣмъ жалкимъ. Казакъ могъ подогнать своихъ лошадей только—изъ любезности.

Такъ-же «скольки» порядки и на пароходахъ восточной Сибири. За переѣздъ чрезъ Байкалъ, всего въ шестьдесятъ верстъ, на палубѣ, берутъ по 2 р. съ человѣка. Когда замѣчаешь, что это дорого, отвѣчаютъ, что и эта цѣна — милость, потому-что пароходство на Байкалѣ только одно, и хозяева могли-бы назначить цѣну втрое больше.—А если-бы вамъ этого не позволили сдѣлать?—Тогда мы прекратили-бы пароходство; поэтому-то наша цѣна—нетолько любезность, но и благодѣяніе.

По Шилкѣ отъ Митрофановой до Срѣтенска, около сутокъ ѣзды, я ѣхалъ на «Атаманѣ», пароходѣ казачьяго войска. Пароходикъ — очень хорошій, команда—бравая, въ Срѣтенскѣ она лихо работала во время наводненія, спасая людей; но взяли съ меня, помнится, что-то около десяти рублей, безъ продовольствія. И за то надо было благодарить: «Атаманъ» не обязанъ возить пассажировъ.

Субсидированное «Общество пароходства и торговли» по Амуру, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, говорило мнѣ, что и оно изъ любезности приноситъ много жертвъ. Я жаловался на дороговизну провоза; на то, что крыши пароходовъ текутъ; что нѣтъ фильтровъ для воды, и во время наводненія, когда Шилка и Амуръ бурлили какъ кипящій котелъ, пассажиры пили какой-то шоколадъ вмѣсто воды; на то, что кухня и буфеты ужасны, а прислуга и команда грубы и лѣнивы. Въ отвѣтъ мнѣ указывали на непомѣрную дороговизну рукъ, продуктовъ и матерьяловъ. Если и такъ,—берите дороже, но дѣлайте хорошо. Но это не такъ: другое пароходное общество и частные пароходы во всѣхъ отношеніяхъ лучше.

На частныхъ пароходахъ—иное неудобство: ихъ рей-

сы не срочны. Васъ берутъ, но безъ обязательства не-только доставить въ срокъ, но и, вообще, доставить къ мѣсту. Если пароходу понадобится вернуться съ пол-пути,—это сдѣлаютъ. Если по дорогѣ попадается грузъ,—остановятся сутокъ на трое, пока не подвезутъ грузъ къ берегу, не найдутъ рабочихъ и не нагрузятся. Страшновато на такихъ пароходахъ выѣзжать въ сторону отъ большихъ рѣкъ и трактовъ, но еще затруднительнѣй положеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ, куда васъ привезли. Найдется-ли обратный пароходъ; когда онъ пойдетъ; возьметъ-ли онъ васъ? Все это дѣлается извѣстнымъ только въ минуту отъѣзда. Приходится сидѣть у берега, не спуская съ парохода глазъ. Поѣхали, напримѣръ, на какую-нибудь Зейскую Пристань, 700 верстъ отъ Амура, по Зеѣ. Васъ везутъ туда пять сутокъ. Въ Пристани вы покончили ваши дѣла въ одинъ день и можете возвращаться. Не тутъ-то было. Проходитъ два дня, три дня, пять,—ни одинъ изъ четырехъ стоящихъ у берега пароходовъ не уходитъ, занятый своими дѣлами. Нельзя-ли какъ-нибудь вернуться лошадьми?—Нельзя, вдоль Зеи, отъ сотворенія міра не было никакой дороги. Говорятъ, есть путь, всего въ 150 верстъ, къ Амуру, а тамъ-то уже можно попасть на пароходъ;—путь есть, но только зимою, да и то—вьючная тропа, лѣтомъ-же тамъ бездонныя болота, которыхъ еще никто и никогда не переходилъ.—Волей-неволей ждешь парохода, который отчаливаетъ только на седьмой день ожиданій. Назадъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, васъ везутъ двое сутокъ.

А средство сообщенія въ Амурской и Приморской областяхъ! Лѣтомъ выручаютъ пароходы, зимою ѣздятъ по льду рѣкъ. Но наступаютъ осенняя или весенняя распутицы,—и къ услугамъ проѣзжающаго остаются однѣ вьючныя тропы. А что это такое, можно судить по тому, что, когда хотятъ, чтобы чиновникъ или офицеръ подалъ въ отставку, его начинаютъ командировать именно въ распутицу. Больше двухъ такихъ командировокъ рѣдко кто выдерживаетъ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто никогда не ѣзжалъ на пароходахъ и колесахъ. Говорятъ, въ Сибири и такіе есть: если онъ движется не верхомъ,

не пѣшкомъ, и въ крайнемъ случаѣ, не на собачьихъ нартахъ,—у него кружится голова, и тошнитъ.

Такъ ѣздили по Сибири еще въ 1897 году.

II.

Трава.

Раннимъ утромъ скатывается нашъ поѣздъ съ Урала къ Міасу. Солнце подымается все выше и пригрѣваетъ. Горы остались позади, и мы—среди великой западно-сибирской равнины, которая въ это время года, около половины іюня, и красива, и величественна, и даже привѣтлива. Не то, что поздней осенью, когда беретъ верхъ морозъ и мракъ, когда пахнетъ Ледовитымъ океаномъ и надъ Сибирью какъ-бы носится тяжелое memento mori.

Тѣ, кто проѣхалъ Сибирь изъ конца въ конецъ, съ запада на востокъ, дѣлятъ ее довольно оригинально, но вѣрно,—на четыре области. Отъ Урала до Оби—*трава*. Дальше до Байкала — *дрова*. Забайкальская область — *гора*. А дальше до Тихаго океана — *вода*, вода, въ видѣ рѣчныхъ путей и, въ особенности, въ видѣ лѣтнихъ муссонныхъ дождей, растворяющихъ даже горы въ болота и переполняющихъ рѣки, которыя разливаются на десятки верстъ.

Теперь мы—въ области травъ. Океанъ травъ, на востокъ и западъ, на сѣверъ и, особенно, на югъ, въ безграничныя киргизскія степи. Ими покрыты гряды небольшихъ холмовъ, между Челябой и Петропавловскомъ, плоская степь, отъ Петропавловска до Омска, знаменитая Бараба, тянущаяся дальше, почти до Оби, испещренная, словно оспинами, безчисленными озерами. Рѣки, Ишимъ, Иртышъ, текутъ въ зеленыхъ бархатныхъ берегахъ. Въ травѣ утонули села и города. Ястребы, которые кружатся высоко въ чистомъ голубомъ небѣ, должно быть, видятъ подъ собой одну безграничную зеленую скатерть, съ крохотными темными пятнышками деревень и зеркальными осколками рѣкъ и озеръ. Да еще ползетъ маленькій черный червякъ: это—нашъ поѣздъ. Степь, между Петропавловскомъ и Омскомъ вся безъ остатка

заполнена травой. Это—степь безводная. Ея рѣки текутъ только раннею весной, озера наполняются водою тогда-же, а къ половинѣ іюня и ложбины рѣкъ, и котловины озеръ уже покрыты травами, которыя тутъ гораздо выше и темнѣе, чѣмъ на остальной степи:—рѣки и озера превращаются въ травяныя. Водяными остаются самыя большія озера, лежащія въ правильныхъ и плоскихъ, какъ тарелка, углубленіяхъ. И травы тутъ не простыя, не какія-нибудь никуда не годныя осоки или скромныя метлицы, а первосортныя, «высокоблагородныя». На изрѣдка попадающихся залежахъ, словно рожь, стоятъ и волнуются высокіе и рослые пыреи. Великолѣпныя травы степей отливаютъ сѣдиной ковыля; среди нихъ вьются горошки и подымаются полосатые розово-бѣлые цвѣтки эспарцета. Эти травы говорятъ о плодороднѣйшей почвѣ. Кто мало-мальски прикосновененъ къ сельскому хозяйству, начинаетъ испытывать нетолько художественное, но и агрономическое наслажденіе. Пейзажъ начинаетъ украшаться воображаемыми стадами мясного и молочнаго скота, экипажныхъ и тяжеловозныхъ лошадей, овецъ-мериносовъ. Вѣдь, этакой травой можно людей кормить! Почва должна родить сторицею. Эта сторица покрываетъ степи бѣлыми каменными фермами. Ее бороздятъ вереницы блестящихъ стальныхъ плуговъ, запряженныхъ какими-нибудь гнѣдыми клейдесдалями, съ домъ величиной. Въ концѣ іюля всюду дымятся и гудятъ паровыя молотилки... Но долго еще ждать, пока это сбудется. Степи — море травъ и неистощимый запасъ плодородія, но въ нихъ нечего пить, и ихъ надо обводнить. Такова-же плодородная Бараба, но ее надо осушить: иначе заѣдятъ комары или изведутъ лихорадки. Наконецъ, самъ русскій человѣкъ подлежитъ продолжительной культурной обработкѣ.

Степи западной Сибири, однако, не одна трава, а еще и береза. Обводя взглядомъ горизонтъ, вы видите, что по его линіи все окружено лѣсомъ, нестарымъ березовымъ лѣсомъ. Но это обманъ зрѣнія. На самомъ дѣлѣ березовыя рощи, «колки», по здѣшнему, разбросаны по степи островами и островками. Здѣсь это все молодыя деревца, не толще оглобли, свѣжія и зеленыя, такъ-что

и деревца похожи на траву и не мѣняютъ общаго травяного характера степей. Эти рощицы заходятъ далеко на югъ, становясь все менѣе многочисленными; ихъ деревья дѣлаются кривыми, менѣе кудрявыми, и, наконецъ, въ самыхъ сухихъ мѣстностяхъ киргизскихъ степей рощицы исчезаютъ.

Среди такого-то пейзажа ползетъ нашъ червякъ-поѣздъ, забираясь все дальше въ глубь Сибири. Онъ дѣйсвительно ползетъ, потому-что средняя скорость пассажирскихъ поѣздовъ сибирской дороги двадцать-пять верстъ въ часъ. Причина тому, говорятъ, какіе-то маловѣсные рельсы, принятые ради экономіи. Говорятъ также, что въ этой экономіи теперь каются. Пассажировъ, а въ особенности грузовъ оказалось множество, а продвинуть ихъ нельзя: рельсы не позволяютъ возить быстро. Мѣнять рельсы на тысячахъ верстъ, — кусается. Начались «залежи», преимущественно главнаго русскаго товара, хлѣба. Мѣстами ѣдемъ совсѣмъ медленно. Помню очень молодого жеребенка, который по неразумію принялъ нашъ паровозъ за свою мамашу и версты полторы бѣжалъ рядомъ съ поѣздомъ, не особенно напрягая свои жеребячьи силы. Станціи тоже черезчуръ экономическія. Меньшія—простыя избы. Главныя—слишкомъ тѣсные домишки. Въ буфетныхъ залахъ трудно добиться мѣста и еще труднѣй — ѣды. По части ѣды выручали сибирскія бабы, у которыхъ хлѣба, молока, яицъ, всякой птицы дѣвать некуда. Сначала бабы торговали на платформѣ, но стали обижаться буфетчики. Тогда бабъ не только согнали съ платформы, но и оттѣснили за черту станціонной территоріи. Бабы вытянулись вдоль нея и криками и жестами зовутъ къ себѣ пассажировъ. Бабьи товары—лукулловскій пиръ, а не провизія! Булки, ватрушки съ творогомъ и брусникой, яйца крутыя и въ смятку, жареныя куры, утки, индюки, поросята, молоко въ разныхъ видахъ, квасъ. Недурно ѣдятъ сибиряки, а бабы ихъ великолѣпно стряпаютъ. Куры бывали зажарены мастерски, янтарнаго цвѣта, жирныя, большущія, вдобавокъ начиненныя яичными желтками. И этакая сокровище-курица, казавшаяся еще болѣе драгоцѣнной въ минуты хорошаго дорожнаго аппетита, стоила всего чет-

вертакъ, тридцать копѣекъ. Пассажиры всѣхъ трехъ классовъ, не исключая важныхъ чиновниковъ, съ ихъ свитой молодыхъ чиновничковъ и осанистыхъ курьеровъ, были въ восторгѣ отъ сибирской бабьей стряпни и ея дешевизны, объѣдались и опивались, какъ-бы въ предчувствіи кухни восточной Сибири, гдѣ рубль не деньги, гдѣ не рѣдкость попасть въ такой «буфетъ», въ которомъ и хлѣба не найдете, гдѣ питаются буйволовыми языками и ананасами,—въ американскихъ консервахъ.

На травяной степи изрѣдка попадаются города. Они еще менѣе интересны, чѣмъ заурядныя города европейской Россіи. О самомъ характерномъ и самомъ старомъ изъ нихъ, Тобольскѣ, я говорилъ. Это, кажется, единственный городъ съ собственной, сибирской физіономіей и интересною стариной; остальные, поновѣе, то-же, что наши Тамбовы, Царицына или Самары. Въ центрѣ, на одной, двухъ улицахъ, каменные двухъэтажные дома, низы которыхъ сплошь заняты недурными магазинами. Большой домъ губернатора или генералъ-губернатора. Если въ домѣ живетъ послѣдній, домъ называютъ дворцомъ. Большой каменный соборъ, воздвигнутый въ память какого-либо знаменитаго событія, рѣдко бываетъ достроенъ и почти никогда—окончательно отдѣланъ. Или при кладкѣ куполовъ расходятся стѣны, и соборъ стоитъ на испытаніи; или никакъ не соберутъ денегъ на штукатурку и на позолоту главъ. Если сибирскій городъ постарше, каковы Томскъ или Иркутскъ, тамъ найдется и другой соборъ, въ Томскѣ—XVII вѣка, въ Иркутскѣ—XVIII-го. Эти закончены,—но по настоянію святѣйшаго синода и на средства казны. Въ нихъ вы найдете хорошую живопись, изящную рѣзьбу, старинныя ризы. Остальной сибирскій городъ — деревянный, одноэтажный, немощенный; да и въ центрѣ онъ замощенъ плохо. Въ Томскѣ улицы усыпаны непросѣяннымъ рѣчнымъ пескомъ, который въ непогодь превращается въ жидкую грязь, отъ двухъ до шести вершковъ глубиною. Томскія газеты публикуютъ шуточные бюллетени объ уровнѣ грязи въ городѣ, а однажды я прочелъ въ нихъ такую замѣтку: «На дворѣ одного изъ домовъ такой-то улицы утонула въ грязи молодая и совершенно здоровая корова. Толпы

обывателей сходятся къ мѣсту катастрофы и съ ужасомъ смотрятъ на хребетъ погибшей, едва виднѣющійся въ грязи». Забылъ сказать, что каждый болѣе значительный сибирскій городъ спѣшитъ украситься театромъ, а въ послѣднее время и зданіемъ судебныхъ установленій, которыя многіе, даже и въ Петербургѣ, смѣшиваютъ съ театромъ.

Таковъ сибирскій областной или губернскій городъ. Уѣздные вы не отличите отъ сибирскаго села, причемъ надо замѣтить, что здѣшнія села—маленькіе городки. И уѣздный городъ, и бойкое село большого московскаго тракта состоятъ не изъ избъ, а изъ домовъ, часто каменныхъ. И тутъ и тамъ нѣсколько церквей, площадь съ магазинами и лавками, даже извощики. Иное село или иной уѣздный городъ отъ губернскаго отличаются развѣ тѣмъ, что нѣтъ театра, телефона и электрическаго освѣщенія въ лучшихъ магазинахъ, этихъ трехъ принадлежностей каждаго мало-мальски уважающаго себя губернскаго сибирскаго города.

Съ внутренней жизнью городовъ я не знакомъ— говорятъ, что она груба и некультурна, — но внѣшняя течетъ бойко. Торгуютъ такъ, что могутъ заводить въ глубинѣ своей сѣверной Азіи телефоны и электричество. Магазины и лавки полны покупателями. Огромные обозы тянутся съ товарами. Создаются большія состоянія. На станціяхъ не хватаетъ лошадей для снующаго взадъ и впередъ по Сибири дѣлового люда. Однако, это жизнь не страны, а бойкость большого проѣзжаго тракта, на которомъ города, городки и большія села являются узловыми станціями. Чѣмъ больше узелъ, тѣмъ бойчѣе станція. Челябинскъ, сдѣлавшись начальнымъ пунктомъ сибирской желѣзной дороги, въ три, четыре года увеличилъ свое населеніе съ пяти до 25 тысячъ душъ. Томскъ, лежащій на узлѣ самой обширной системы судоходныхъ рѣкъ и желѣзной дороги, ростетъ. Ростетъ на перекресткѣ Амура и Зеи, этой большой дороги къ золотымъ пріискамъ Амурской области, Благовѣщенскъ. На другомъ скрещеніи, Оби съ желѣзной дорогой, въ два года выросъ городокъ Николаевскъ, со школой, театральной залой, циркомъ, базаромъ, магазинами. Лишь только си-

бирскій городъ перестаетъ быть станціей, онъ сейчасъ-же падаетъ, какъ это случилось съ Тобольскомъ. Другихъ значительныхъ центровъ, кромѣ такихъ «станціонныхъ», да еще немногочисленныхъ заводскихъ и пріисковыхъ, въ Сибири нѣтъ. Обрабатывающей промышленности не имѣется. А о центрахъ ученыхъ или художественныхъ можно мечтать только тогда, когда ни о чемъ другомъ рѣшительно не мечтается. Сибирь—совсѣмъ сырая и рыхлая страна. Люди приходятъ и уходятъ. «Станціи» учреждаются и упраздняются. Торговцы разбиваютъ свои палатки, хотя-бы и въ видѣ каменныхъ магазиновъ съ электричествомъ и телефонами, и снимаютъ ихъ. Человѣкъ живетъ тутъ цѣликомъ на счетъ природы. Земледѣлецъ сидитъ на мѣстѣ, пока не истощитъ землю. Охотникъ—пока не перестрѣлялъ дичи и звѣрей. Городокъ пріисковой «резиденціи» существуетъ, пока не истощилось золото. И сибирскіе города бойки, пока не обѣднѣли ихъ покупатели,—пахарь, охотникъ, пріискатель, извозчикъ и ямщикъ. Оттого-то эта страна—проѣзжая дорога и не обзаводится своей промышленностью: какой расчетъ строить фабрику или заводъ, когда, можетъ быть, черезъ годъ трактъ измѣнитъ свое направленіе и покупатель уйдетъ за сотни верстъ. Торговать московскими и петербургскими товарами выгоднѣй: у сибиряка достаточно денегъ, чтобы заплатить за провозъ и купцу хорошій процентъ за труды.

Еслибы Сибирь была безгранична, она была-бы опасна для Россіи, отвлекая къ себѣ наше ростущее населеніе, оставляя Россію все съ прежнимъ слабымъ народонаселеніемъ и тѣмъ отдаляя необходимость вырабатывать болѣе культурныя формы труда и общественности. По счастью, земледѣльческая Сибирь, чтобы сравниться по плотности населенія, а стало быть и по культурности, съ теперешней Россіей, приметъ не болѣе двадцати милліоновъ душъ. Въ Россіи населеніе удваивается въ пятьдесятъ лѣтъ. Поэтому переселеніе, которое на первый взглядъ представляется опаснымъ для культуры, вовсе не такой сильный ея тормазъ. Но что оно тормазъ, это несомнѣнно, и для Россіи, и для мужика, переселившагося въ Сибирь. Въ Россіи, при каждомъ недородѣ, при

неурожаѣ, при паденіи заработковъ, крестьянинъ не раскидываетъ умомъ, какъ-бы ему перебиться на мѣстѣ, а всею душою, а иногда и тѣломъ, устремляется въ переселеніе. Въ Сибири его пріемы земледѣлія становятся менѣе культурными, подворные владѣльцы и даже собственники превращаются въ общинниковъ, привязанность къ церкви и школѣ слабѣетъ, развивается бродяжническій духъ. Выгода получается одна: въ Сибири мужикъ быстро добивается сытости, но результатомъ сытости, по немощи человѣческой, является только обильное пищевареніе, да еще, пожалуй, уплата недоимокъ, увеличеніе поступленій акцизнаго сбора и болѣе исправное поступленіе податей. Само по себѣ, этого мало. Затѣмъ, при некультурности, такое благополучіе непродолжительно. По вышеприведенному расчету, уже черезъ двадцать лѣтъ въ Сибири будетъ такъ-же «тѣсно», какъ и въ Россіи. И очутится она въ положеніи худшемъ, чѣмъ теперешняя Россія, потому-что въ ней нѣтъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, которые въ Россіи все-же хоть что-нибудь сберегли, хоть что-нибудь улучшили. Въ Сибири хозяйничаетъ община, то-есть, никто не хозяйничаетъ, а члены общины одинъ передъ другимъ вырубаютъ и выжигаютъ лѣса и истощаютъ землю. Лѣса въ очень короткое время отодвигаются отъ селеній на десятки верстъ. Для истощенія земли дѣлается все возможное, но пока плодородная сибирская почва еще служитъ. Однако, уже и теперь гдѣ земля послабѣе или растительный слой потоньше, уже видны результаты хищническаго хозяйства. Кое-гдѣ, нипримѣръ, въ Забайкальѣ, уже появились летучіе пески. О дичи, звѣрѣ и рыбѣ ужь и говорить нечего: тутъ и общинныхъ распорядковъ нѣтъ. Въ Амурской области еще недавно бывали «тяги» дикихъ козъ, весною и осенью, съ юга на сѣверъ, и обратно. Инородцы били ихъ во время переправы черезъ рѣки. Инородцевъ было мало, такъ-что животныхъ убивалось немного, а главное стадо счастливо добиралось до берега и скрывалось въ лѣсахъ, гдѣ и людей въ прежнее время не было и гдѣ трудно было охотиться. Пришли наши переселенцы,—ихъ въ области вмѣстѣ съ казаками всего пятьдесятъ тысячъ душъ,—сожгли лѣса, отрѣзали козамъ путь къ Амуру и

дикимъ мѣстамъ Манджуріи, и въ нѣсколько лѣтъ истребили ихъ: теперь ходъ козы становится все рѣже. Сибирь все больше представляетъ зрѣлище грабимой страны. Грабитъ сытый некультурный человѣкъ, вокругъ невзрачнаго жилища котораго валяются остатки его дикаго пира,—обгорѣлыя деревья, кости звѣрей, остатки истощенной земли въ видѣ песковъ. То-же и въ Россіи, но всетаки не въ столь грандіозныхъ размѣрахъ. Рядомъ съ мужицкой надѣльной землей, на которой, конечно, не осталось ни одного кустика, гдѣ неудобряемые луга истощены, а плохо удобряемыя поля выпаханы, вы найдете и помѣстье, которое бережетъ лѣсъ и сѣетъ клеверъ, и разумную нѣмецкую колонію; въ Польшѣ васъ порадуютъ поля мужика-собственника; въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и Финляндіи вы увидите хорошія арендаторскія фермы. Въ Польшѣ дикихъ козъ сравнительно больше, чѣмъ въ Сибири. Тамъ-же вы не пройдете по полямъ и сотни шаговъ, чтобы не вспугнуть зайца или стада куропатокъ. Въ Сибири на десятки верстъ отъ селеній нѣтъ звѣрей, кромѣ вредныхъ, крысъ, мышей и сусликовъ, нѣтъ птицъ, кромѣ поганыхъ, воронъ да галокъ. Сибирскіе кусты и уцѣлѣвшія рощи удивительно пустынны и молчаливы; не видно и не слышно и мелкой пташки. Зато оводовъ, слѣпней, комаровъ и мошекъ столько, что они заѣдаютъ скотину на смерть.

Изъ Омска я съѣздилъ въ знакомую мнѣ Тару. Туда я ѣхалъ пароходомъ, оттуда—на лошадяхъ. Погода стояла чудная. Переселенческіе поселки, видѣнные мною годъ тому назадъ, замѣтно обстроились и устроились. Нѣкоторые уже взялись за почтовую гоньбу. Въ одномъ изъ поселковъ ко мнѣ на козлы сѣлъ станціонный писарь изъ тѣхъ-же переселенцевъ. Малый бывалый, изъ крестьянъ, но былъ и въ солдатахъ, — былъ тамъ писаремъ, — служилъ и лакеемъ въ Кіевѣ въ гостинницахъ, и на днѣпровскихъ пароходахъ. Человѣчекъ толковый и «образованный». Мое прошлогоднее посѣщеніе помнитъ.

— Ну, какъ-же перезимовали, какъ весною обсѣялись? спрашиваю.

Все, оказывается, благополучно. Только морозы ужь слишкомъ сильны, такъ-что стыли мазанныя хаты. Но и

съ этимъ справились, поставивъ желѣзныя печки, въ видѣ небольшихъ ящиковъ, въ которыхъ зимою постоянно поддерживаютъ огонь. Дрова были,—не очень хорошіе, тонкій березнякъ, но были. За строевымъ лѣсомъ немного далеко ѣздить, за Иртышъ, верстъ двадцать будетъ, но въ Кіевской губерніи и дальше ѣзжали. Болѣзней не было никакихъ. Прошлогодній урожай былъ хорошій, хотя не всѣ еще принаровились къ климату и ошибались во времени сѣва. Луга хорошіе, заливные. Пастбища просторныя.

— А зимой, что вы дѣлали?

Малый засмѣялся.

— Днемъ возились съ дровами, съ лѣсомъ, а по вечерамъ мечтали.

— Какъ-такъ мечтали?

— Такъ. Собирались знакомые по хатамъ и мечтали о томъ, что хорошо-бы переселиться на Амуръ.

— Вотъ тебѣ разъ! Двухъ лѣтъ не посидѣвши тутъ, и ужъ отсюда. Развѣ тутъ не хорошо?

— Нѣтъ, недурно, но, говорятъ, на Амурѣ климатъ больше похожъ на нашъ родной, кіевскій. Недурно и здѣсь, но все-таки не такъ, какъ хочется. Дрова тонковаты, лѣсъ далековато. Хаты нагрѣвали желѣзными печами, но, вѣдь, досада это, всю ночь подкладывать древки, да и угорали частенько. Луга—заливные, но сибирскіе разливы куда меньше нашихъ, поэтому и тра́вы меньше днѣпровскихъ. Я уже говорилъ, что къ климату приходится пріучаться; особенно съ огородами по случаю утренниковъ бѣда: многія хозяйки даже плакали. Настоящая бѣда съ гнусомъ. Повѣрите-ли, скотину держимъ все время въ хлѣвахъ и выпускаемъ только на часъ на утренней и на вечерней зарѣ: а то днемъ оводы и слѣпни, ночью комаръ и мошка. Реветъ, ржетъ скотина и домой бѣжитъ. Приходится косить траву и возить домой въ хлѣва, а это трудъ немалый. Всего этого дома мы не видали, а про Амуръ пишутъ, что тамъ все, какъ у насъ на родинѣ. Вотъ, мы и мечтали.

И нѣтъ ничего невозможнаго, что случись какая-нибудь бѣда, неурожай, пожаръ, холера, кіевскіе переселенцы покинутъ свой Тарскій уѣздъ и двинутся на

Амуръ. А на Амурѣ мечтаютъ о Тарѣ, потому-что тамъ лѣто сухое, тамъ не такъ, какъ на Амурѣ, хорошо ведется овца и не надо покупать ни тулуповъ, ни шерсти, потому-что рѣже падежи. Конечно, человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше, конечно, и помечтать человѣку свойственно, и нельзя отнимать у него этого удовольствія. Но нашъ переселенецъ и мечтаетъ слишкомъ не по-взрослому, какъ гимназистъ о робинзонской жизни на необитаемомъ островѣ. Этакій народъ-дитя нравственно слабосиленъ, и потому-то такъ легко справляются съ нимъ нѣмцы, армяне и среднеазіатскіе туземцы, болѣе культурные, съ болѣе выработанной личностью. И потому-то власти надобно его защищать: иначе его заѣдятъ.

За Омскомъ начинается знаменитая Бараба, ея сѣверная часть, тянущаяся почти вплоть до Оби. Правильными, едва примѣтными грядами тянутся поперекъ пути возвышенности; правильными бороздами раздѣляютъ ихъ заболоченныя впадины. Ни поѣздъ, ни глазъ не замѣчаетъ этихъ подъемовъ и спусковъ, и вы отличаете ихъ только по примѣтамъ: если изъ окна вы видите болото, значитъ, вы въ бороздѣ; если сухо,—вы на грядѣ. Безлюдье полное. Рѣдко-рѣдко въ отдаленіи вы увидите деревню; еще рѣже проселочную дорогу. Все занято травой и молодыми березняками. Тамъ и сямъ, между березъ, видны озера-тарелки, озера-чаны. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ попадаются глубокія канавы, начало осушительныхъ работъ. Сѣверная Бараба и лѣтомъ хороша только въ очень ясные дни, а осенью она производитъ гнетущее впечатлѣніе, — когда трава побурѣетъ, березы облетятъ, небо сѣрое и мороситъ осенній дождь.

Недалеко передъ Обью гряды начинаютъ дѣлаться выше и горбатѣе, борозды становятся менѣе плоскими и болѣе сухими; видны большія села, съ кучами навоза, величиной съ избу, на дворахъ, накопленнаго не изъ бережливости, а вслѣдствіе нежеланія вывезти его куда-нибудь дальше двора. Вдали показываются желѣзнодорожный мостъ, оливковаго цвѣта Обь, а за ней обрывистый высокій берегъ, покрытый старымъ, но рѣдкимъ сосновымъ боромъ, и въ такомъ видѣ уцѣлѣвшій благодаря тому, что имъ владѣетъ частный собственникъ, Ка-

бинетъ Его Величества. Тутъ кончаются равнина и *трава* и начинаются увалы и *дрова*. Дрова тянутся до восточнаго берега Байкала. Тутъ-же, у Оби, начало средне-сибирской желѣзной дороги.

III.

Дрова.

Переѣзжаемъ мостъ и останавливаемся. Направо—недавно выросшій городокъ Ново-Николаевскъ. Налѣво—въ сосновой рощѣ ютятся какія-то дачи. Это—переселенческій пунктъ, съ его жилыми бараками, кухнями, больницами, прачешными, баней. Все построено хорошо, гигіенично и даже красиво, — что твои Терріоки. Сосны благоухаютъ и даютъ тѣнь. Съ Оби, къ которой круто спускается обрывистый берегъ, вѣетъ прохладой. Видъ съ берега живописный,—на оливковую Обь, островъ на рѣкѣ, покрытый кудрявой рощей, и противоположный берегъ, по которому бѣгаютъ паровозы. По этимъ Терріокамъ разгуливаютъ группы переселенцевъ, ожидающихъ отправки по Оби, внизъ, къ Томску, и вверхъ, къ Барнаулу, или по желѣзной дорогѣ дальше на востокъ. Забавный видъ у переселенцевъ. Одинъ изъ переселенческихъ чиновниковъ сравнилъ ихъ съ университетскими первокурсниками, только-что вырвавшимися на свободу изъ стѣнъ гимназіи. Сравненіе вѣрное. Еще недавно у себя на родинѣ мужикъ былъ окруженъ тьмою начальствъ. Въ деревнѣ—сборщикъ, староста, старшина, урядникъ. Повыше—становой, исправникъ, непремѣнный членъ, предводитель. Ѣдетъ по желѣзной дорогѣ,—начальники станцій, оберъ-кондуктора. Ѣдетъ по шоссе,—заставной писарь, сторожъ у шлагбаума. Пошелъ въ казенную винную лавку, — сидѣлецъ приказываетъ снять шапку. Нанялся въ экономію работникомъ, опять начальники,—приказчикъ, старшій рабочій, самъ баринъ, бариновы барчуки; горничныя, и тѣ важничаютъ: не тронь, ты, мужикъ! Передъ всѣми снимай шапку, ко всѣмъ подходи къ ручкѣ. А тонъ, въ которомъ у насъ обращаются къ мужику, извѣстное дѣло, не мягонькій: «иначе съ

нимъ ничего не подѣлаешь». Да и, дѣйствительно, мало подѣлаешь. И вдругъ этакій гимназистъ попадаетъ въ качествѣ переселенца въ Сибирь. Вмѣсто тьмы начальствъ,— одинъ земскій засѣдатель на округу, величиной съ датское королевство; да и тотъ, желая отличиться, старается устроить мужика «на новомъ мѣстѣ водворенія» какъ можно лучше. Во время пути по желѣзной дорогѣ обращеніе съ мужикомъ и того гуманнѣй. Мужика, если нужно, напоятъ и накормятъ, вылѣчатъ, вымоютъ, если только самъ онъ, подобно малороссамъ, не чувствуетъ отвращенія къ банѣ. А ужъ въ обиду не-мягонькому тону не дадутъ,—напрасно не задержатъ поѣзда въ пути, не дадутъ отстать отъ мужика его багажу, не замучатъ пересадками, не оставятъ безъ воды или кипятка, въ холодъ не повезутъ въ вагонѣ безъ печи. Какъ не почувствовать себя мужику первокурсникомъ? Должно, однако, сказать, что это первокурсникъ тихій, не буянъ. Онъ больше наслаждается своимъ положеніемъ, чѣмъ форситъ или злоупотребляетъ имъ. Походка медленная и степенная; шапку снимаетъ не торопясь; разговоръ разсудительный; интонаціи не тѣ, что на родинѣ,— или умоляющія или грубящія,—а самыя благородныя, степенныя. Мужики чаще, чѣмъ нужно, рыгаютъ, а бабы— икаютъ. Ребятишки, когда къ нимъ обращается баринъ, не превращаются въ испуганный камень, а отшучиваются. Однако, эти степенные первокурсники и въ Сибири не бросаютъ дурныхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ «гимназіи». Все желѣзное, — крючки, гвозди, лопаты, кочерги,—всѣ веревки, на которыхъ висятъ лампы, помощью которыхъ отворяются вентиляторы въ потолкѣ, которыми связываются юрты, разставленныя на нѣкоторыхъ пунктахъ,—все это надо беречь, какъ зеницу ока, особенно, если идутъ бѣлоруссы и малороссы: украдутъ, бѣдные и богатые съ одинаковымъ удовольствіемъ. На одномъ изъ пунктовъ украли—икону.

Желѣзныя дороги, говорятъ, способствуютъ сближенію народовъ. Торговому, можетъ быть, но не въ другихъ отношеніяхъ. Желѣзныя дороги мѣшаютъ близко знакомиться со страной, по которой вы ѣдете, и съ людьми, среди которыхъ путешествуете. Возьмите старыя книги

русскихъ туристовъ по Европѣ,—Карамзина, Фонвизина, Ковалевскаго, Боткина, наконецъ, даже юмористическое путешествіе госпожи Курдюковой, описанное Мятлевымъ, — и сравните съ новѣйшими. Въ первыхъ видно интимное сближеніе съ заграницей, съ ея небольшими городами, съ деревнями, гдѣ перемѣняли лошадей, съ ямщиками, съ кузнецами, которые перетягивали шины вашего экипажа. Въ то время чужой народъ, чужую страну путешественникъ видѣлъ у нихъ дома такими, каковы они есть. Они могли понравиться или не понравиться, но, такъ-какъ въ человѣкѣ въ концѣ-концовъ все-же хорошаго больше, чѣмъ дурного, то сосѣди чаще нравились. Дѣйствіе нѣкоторыхъ повѣстей Тургенева происходитъ въ маленькихъ нѣмецкихъ городкахъ, и Тургеневъ относится къ нимъ и къ ихъ обитателямъ съ любовью. Теперешній способъ путешествій не даетъ возможности ознакомиться съ чужой стороной ближе, и такое вплетеніе чужой жизни въ разсказъ о нашей, какъ это встрѣчается у Тургенева, теперь уже невозможно. Васъ швыряютъ въ закупоренномъ вагонѣ изъ одного большого центра въ другой. Въ центрахъ вы, тоже съ помощью городскихъ трамваевъ, въ день, два, обѣжите достопримѣчательности, указанныя въ путеводителѣ, ни съ кѣмъ не скажете и пары словъ, потому-что все указано въ путеводителяхъ, планахъ, прейскурантахъ и таксахъ, — и мчитесь дальше. Подробности и суть чужой жизни остаются для васъ закрытой книгой. Предвзятыя мнѣнія не провѣряются, симпатіи не усиливаются, антипатіи крѣпнутъ. Желѣзныя дороги, это — обручи, которыми еще крѣпче стянуты народныя индивидуальности, которые еще болѣе усиливаютъ ихъ взаимное треніе... Впрочемъ, я слишкомъ воспарилъ мыслью. Я всего лишь хотѣлъ сказать, что, проѣхавъ отъ Оби до Канска по желѣзной дорогѣ, я видѣлъ слишкомъ мало, а потому и мало могу разсказать читателю.

По средне-сибирской дорогѣ мы подвигались еще медленнѣй, чѣмъ по западной ея части. Когда поѣздъ бѣжалъ по равнинѣ, дѣло шло еще такъ себѣ, но какъ-только мы въѣзжали въ увалы, которые на большія пространства сопровождаютъ теченія рѣкъ, по обѣ ихъ сто-

роны, выходило некрасиво. Крутые повороты, крутые уклоны и такіе-же подъемы. Откосы осыпаются. Мосты деревянные. То ѣдемъ въ глубокой выемкѣ, то полземъ по гребню высокой насыпи. Вверхъ движемся съ величайшимъ трудомъ, а иногда и вовсе останавливаемся. Пассажиры, особенно пассажирки, встревожены и разсказываютъ разныя страсти. Однажды ночью дамы нашего вагона совсѣмъ переполошились. Я выглянулъ въ окно, — дѣйствительно непріятно. Нашъ вагонъ стоитъ какъ-разъ на мосту. Внизу на большой глубинѣ журчитъ ручей. Со всѣхъ сторонъ — осыпи откосовъ и уваловъ, съ которыхъ, уцѣпившись корнями, полувисятъ деревья довольно почтенныхъ ра́змѣровъ. Внизу, на берегу ручья, стоитъ изба, изъ которой вышла толпа, должно-быть, рабочіе, и молча со страхомъ на насъ смотритъ. А паровозъ пыхтитъ, рветъ то впередъ, то назадъ, но ничего не можетъ подѣлать. Съ четверть часа мы парили такъ надъ ручьемъ, когда, наконецъ, кое-какъ двинулись дальше.

Насъ учили, что восточная Сибирь, за Обью,—горная страна. На самомъ дѣлѣ горы по большому сибирскому тракту мы увидимъ только за Байкаломъ. И до Байкала есть горы, большія, величественныя, мѣстами неприступныя, но онѣ—въ сторонѣ, на югѣ, по китайской границѣ. Съ дороги ихъ и не видно; изрѣдка только слабо засинѣетъ контуръ далекой гряды, да и то не самой высокой,—настоящіе великаны слишкомъ отдаленны, чтобы ихъ видѣть. Ихъ присутствіе тамъ, гдѣ-то вдали, однако, чувствуется: о ихъ существованіи знаешь; онѣ напоминаютъ о себѣ синѣющими контурами предгорій; добѣжавшіе до насъ ихъ отпрыски, увалы, своими формами напоминаютъ горы въ миніатюрѣ; вода рѣкъ, которыя пересѣкаютъ нашъ путь, горная, зеленоватая. И невольно посматриваешь вправо, невольно прислушиваешься, не донесется-ли какой-нибудь звукъ съ той стороны, со стороны далекихъ великановъ, на которыхъ шумятъ вѣковѣчные лѣса, гдѣ гремятъ водопады и бурлятъ горные ручьи, которые сразу видятъ безграничный Китай, на югѣ, и безграничную Россію, на сѣверѣ. Тамъ чудится нѣчто поэтическое, грандіозное, таинственное; а на самомъ

дѣлѣ тамъ, пожалуй, и нѣтъ ничего, кромѣ споровъ русскихъ и китайскихъ пикетовъ о томъ, кто отнесъ пограничный столбъ дальше въ сосѣдскую землю, русскіе-ли мужики, которымъ понравился китайскій сѣнокосъ, или монгольскіе пастухи, которыхъ прельстилъ русскій выгонъ.

Горы—въ сторонѣ. Ѣдемъ-же мы все тою-же Россіей, которую знаемъ отъ Калиша и Варшавы до сихъ мѣстъ. Увалы—тотъ-же Валдай, равнины—та-же Бѣлоруссія или Владимірская губернія. Разница въ томъ, что земля безъ всякаго сравненія тутъ плодороднѣе, а культуры здѣсь уже несравненно меньше, чѣмъ въ Бѣлоруссіи и даже на Валдаѣ. Почва черная, тучная. Травы почти такія-же доброкачественныя, какъ въ степяхъ западной Сибири. Деревья — великаны. Но богатства эти перепорчены. Правда, земли еще не успѣли истощить, потому-что мало людей, но отъ лѣсовъ остались однѣ развалины. Разрушили ихъ огнемъ, «палами». Какъ страшны бываютъ эти лѣсные пожары, свидѣтельствуетъ разсказъ, который я слышалъ въ Красноярскѣ, о палѣ въ іюлѣ 1896 года. Тогда въ городѣ трудно было дышать отъ густого туманнаго дыма, который наполнилъ воздухъ, занесенный неизвѣстно откуда. Пароходство по Енисею на нѣсколько дней пріостановилось, потому-что не видно было, куда идти. Долго не знали, гдѣ это горѣло, и только поздней осенью дошло до Красноярска извѣстіе, что гдѣ-то на сѣверѣ, между Верхней и Средней Тунгузкой, прошелъ палъ, длину котораго опредѣляли въ нѣсколько сотъ, а ширину пылавшей полосы—въ нѣсколько десятковъ верстъ. Припоминаю, что какъ-разъ въ это время восточный вѣтеръ нагналъ въ Пермскую губернію, гдѣ я тогда былъ, густую рыжеватую мглу, сквозь которую солнце свѣтило въ видѣ багроваго пятна, на которое свободно можно было смотрѣть. Мгла стояла впродолженіе нѣсколькихъ дней. Она была несомнѣнно дымомъ. Такое количество дыма могло дать только колоссальное пожарище, но о такомъ пожарѣ ни на Уралѣ, ни въ тобольскихъ урманахъ не было извѣстій. Поэтому несовсѣмъ неправдоподобно предположеніе, что въ Пермской губерніи солнце померкло отъ дыма чудовищнаго пала, разразившагося въ енисейской тайгѣ. Въ свое время такіе палы опусто-

шили лѣса и придорожной полосы, и прежняя дремучая тайга смѣнилась—*дровами*.

Увалы смѣняются обширными равнинами. Кончится равнина, — опять полоса уваловъ, затѣмъ рѣка, большая и быстрая сибирская рѣка, Томь, Яя, Кія, Чулымъ, снова увалы и опять равнина. Увалы дики и пустынны. На равнинахъ мы видимъ кое-гдѣ села, черныя пашни.

Мы проѣзжаемъ два города: Маріинскъ, Томской губерніи, и Ачинскъ, Енисейской, но, конечно, не видимъ ихъ, закупоренные въ вагонѣ. Въ Красноярскѣ, главномъ городѣ Енисейской губерніи, надо остановиться. Отсюда до Канска желѣзнодорожные поѣзда идутъ только два раза въ недѣлю, а нашъ поѣздъ не совпалъ съ поѣздомъ въ Канскъ. Подбирались мы къ Красноярску тоже по уваламъ, недалеко отъ города выбрались въ долину могучаго Енисея и остановились у вокзала «станціи Красноярскъ», въ 4700 верстахъ отъ столичнаго города С.-Петербурга, то-есть, почти на половинѣ пути во Владивостокъ. Уфъ! И государство-же, эта Россеюшка!

Красноярскъ. Двадцать тысячъ жителей. Подъ прямымъ угломъ пересѣкающіяся улицы, обстроенныя деревянными домиками. Въ центрѣ небольшой кварталъ каменныхъ домовъ, большею частью магазиновъ. Почти всѣ магазины принадлежатъ гг. Гадалову и Голованову, какъ въ Иркутской губерніи гг. Щелкунову и Метелеву, а въ Забайкальѣ и по Амуру гг. Чурину и Лукину. Впрочемъ, крайній востокъ, Амуръ и Приморье, живѣй средней Сибири: тамъ нѣтъ такого «единоторговія», и въ конкурренцію вступаютъ иностранцы, гг. Кунстъ, Альбертсъ, Эмери, изъ Германіи и Америки. Другими иноземными соперниками являются китайцы. Эти предприняли настойчивый походъ въ Сибирь, начавъ съ востока. Во Владивостокѣ они уже конкуррируютъ съ Кунстомъ, Альбертсомъ и Чуринымъ,—а у этихъ господъ не магазины, а дворцы, освѣщенные электричествомъ и украшенные статуями. Въ Благовѣщенскѣ—китайцы еще въ тѣни этихъ дворцовъ, но успѣли заполонить своими пока второстепенными лавками цѣлыя улицы. Отъ Благовѣщенска до западной границы Иркутской губерніи уже нѣтъ деревни, гдѣ-бы не было китайской лавчонки съ китайской

вывѣской. Въ Красноярскѣ китайскіе торговцы пока являются только наѣздомъ; компанія ихъ занимала въ гостинницѣ, въ которой я стоялъ, комнату рядомъ со мной, гдѣ неумолчно щелкала на счетахъ и вела разговоры. Не нравился мнѣ этотъ разговоръ, несмотря на то, что я не понималъ ни слова. Бесѣдуютъ съ энергіей — еврейской, но голосами грубыми, какъ у русскаго кулака; а рѣчь по звукамъ совсѣмъ англійская. Соединеніе, не обѣщающее ничего хорошаго для рынка, которымъ овладѣютъ наши желтолицые друзья.

Какъ о городѣ, о Красноярскѣ все сказано. Деревянный, приземистый, выстроенъ на ровномъ прибрежьѣ Енисея. Зато величественна рѣка, ширина которой здѣсь — верста, и красивъ противоположный берегъ, который дѣлаетъ впечатлѣніе настоящихъ горъ, съ зеленью травы и кусками красноватой пашни. Словно-бы маленькій Крымъ.

Черезъ два дня ѣдемъ дальше, все еще по желѣзной дорогѣ. Вокзалъ, однако,—по ту сторону Енисея, такъ какъ мостъ не готовъ. За рѣку переправляемся на паромахъ, на трехъ паромахъ: сначала черезъ коренной Енисей, а затѣмъ черезъ два его протока. Маленькое зданіе вокзала биткомъ набито пассажирами. Поѣздъ стоитъ въ отдаленіи, у платформы безъ крыши. Послѣ долгаго ожиданія беремъ съ боя мѣста въ вагонахъ и отправляемся. Сначала мы ѣдемъ вдоль Енисея по его равнинѣ. Она напоминаетъ степь подъ Петропавловскомъ. Тѣ-же пыреи, ковыли и эспарцеты, такое-же яркое солнце. Но людей и пашень здѣсь, вблизи города, больше. Тамъ и сямъ на равнинѣ подымаются густые клубы дыма, падаютъ и застилаютъ поля: это—дымокуры, которые раскладываютъ работающіе крестьяне, чтобы отгонять гнусъ. Потомъ мы оставляемъ долину рѣки и вдоль маленькихъ рѣчекъ начинаемъ взбираться на увалы. Затѣмъ—обычное плоскогорье, по которому и доѣзжаемъ до Канска.

Канскъ — та-же Тара, тотъ-же Маріинскъ, съ тою лишь разницей, что тутъ совсѣмъ нѣтъ гостинницъ. Одни мои знакомые, пріѣхавшіе въ Канскъ въ тарантасѣ, въ немъ и ночевали на городской площади.

Отъ Канска начинается ѣзда на колесахъ. около по-

лутора тысячъ верстъ до Читы. Ну-ко, что изъ этого выйдетъ!?

IV.

Еще дрова.

Изъ Канска можно было проѣхать по желѣзной дорогѣ и еще нѣсколько десятковъ верстъ, но, во-первыхъ, тутъ возили «изъ любезности», а, во-вторыхъ, за нѣсколько часовъ до отправки поѣзда на пути случилось «крушеніе». Только наканунѣ прибывшій въ Канскъ великолѣпный громадный паровозъ, который съ гордостью показывали мнѣ на станціи, пошолъ за водой слишкомъ быстрымъ ходомъ, на закругленіи, въ двухстахъ саженяхъ за Канскомъ, раздвинулъ рельсы и свалился съ насыпи. Смотрѣть на лежащее чудовище сбѣжался весь городъ. Рельсы были раздвинуты на протяженіи двадцати саженей и тянулись извилистой двойной нитью. Правыя колеса паровоза глубоко взрыли землю насыпи. Лѣвыя, шедшія по шпаламъ, перерѣзали шпалы, словно тѣ были мармеладныя конфекты. По насыпи ходили съ мѣрными тесьмами и записными книжками инженеры и жандармы и составляли обстоятельный протоколъ. Несчастій съ людьми не было, такъ-какъ паровозъ упалъ не сразу. Да и самъ локомотивъ при паденіи не потерпѣлъ опасныхъ ушибовъ. Насыпь не высока, всего сажени двѣ; паровозъ, врѣзавшись въ насыпь, сначала наклонился направо, потомъ упалъ на откосъ, по которому и съѣхалъ внизъ, зарывъ конецъ своей трубы въ землю. Чудовище было совсѣмъ здорово, но встать само не могло, и какъ лошадь, увязшая въ болотѣ, лежало и ждало, когда его опять поставятъ на ноги. Картина интересная, но отправка поѣзда по случаю порчи этою картиною пути не состоялась.

Предо мною былъ путь на почтовыхъ до Иркутска, около восьмисотъ верстъ. Въ Иркутскѣ — самое сердце Сибири. Любопытство возростало. Какова природа, каково лѣто, какіе люди, что такое города? Книжныя описанія мало знакомили съ этой неизвѣстной страной. Пейзажъ оказывался «гористымъ и холмистымъ»; климатъ—«чрез-

вычайно континентальнымъ»; земли — «привольными»; воды—«обильными». Хотѣлось узнать, что-же, наконецъ, подразумѣвается подъ этими, можетъ быть и точными, но мало говорящими воображенію терминами и эпитетами. Но на первомъ планѣ были заботы о томъ, каковъ путь, есть-ли лошади, тарантасы, мѣста для ночлега, пища? По дорогѣ меня напугали разсказами, что даже съ самыми внушительными открытыми листами дѣлали путь отъ Кансла до Иркутска втеченіе двадцати дней. Къ пріятному удивленію, я сдѣлалъ его въ шесть съ половиною сутокъ, попавъ въ полосу сравнительно тихаго движенія по тракту.

Дорога оказалась исправной, на манеръ финдляндскихъ дорогъ. Высыпана она крупнымъ гравіемъ, укатана огромными чугунными катками; прорѣзаемыя колеи сейчасъ-же заравниваются тяжелыми пароконными скребками. Мосты исправные. Въ особенно крутыхъ мѣстахъ сдѣланы выемки. По бокамъ пути—коническія кучи гравія. Словомъ, хоть-бы и не въ Сибири. Лошади хорошія. Ѣдете вы не въ телѣгѣ, а въ тарантасѣ, на дрогахъ, съ кожанымъ фартухомъ и верхомъ. Ямщики народъ покладистый и за приличное вознагражденіе везутъ верстъ по пятнадцати въ часъ. Ночлеги на станціяхъ, тѣсныхъ, переполненныхъ проѣзжими, съ постояннымъ шумомъ и гамомъ, незавидны; но, если вы имѣете право пользоваться земскими квартирами, вы спите въ этихъ чистыхъ домикахъ спокойно, хотя и не мягко, потому-что на чужой перинѣ спать не охота, а собственной вы, упорствуя въ европейскихъ предразсудкахъ, не запаслись. Приходится лежать на полу на вашихъ пледѣ, пальто, другомъ пальто и гутаперчевомъ плащѣ, наваленныхъ одно на другое для мягкости. Пуховика изъ этого не получается, но послѣ восемнадцати, девятнадцати часовъ, проведенныхъ въ тарантасѣ, вы на полу сибирской земской квартиры спите слаще, чѣмъ на бархатныхъ пружинахъ лучшаго номера петербургской Европейской гостинницы. Пищи маловато; цѣны зато ошеломляющія: яйца—пять копѣекъ штука, курица, притомъ совсѣмъ не идеальная курица Западной Сибири, не меньше рубля. Но когда ѣдешь на перекладныхъ, не лежа на перинѣ, а сидя на

чемоданѣ, тогда и не нужно много ѣсть и не слѣдуетъ ѣсть ничего объемистаго и твердаго. Три раза въ день яйца въ смятку, стаканъ молока, кусокъ бѣлаго хлѣба, чай,—и довольно. Противъ консервовъ предостерегаю. Имѣвшіе неосторожность питаться ими, потомъ, при одномъ видѣ американской жестянки съ мясомъ, колбасой или компотомъ, приходили въ угнетенное настроеніе духа. Это — консервированная изжога, а не пища. Если вы ѣдите умѣренно, не пьете больше одной рюмки коньяка или водки въ день, ѣдете сидя, а не паритесь въ перинахъ и можете крѣпко поспать пять, шесть часовъ въ сутки, —сибирская перекладная, въ хорошую лѣтнюю пору, не только не испортитъ вашего здоровья, но поправитъ его. Не сразу, конечно. Первыя верстъ триста заставятъ васъ покряхтѣть. Вы будете чувствовать себя разбитымъ, визгъ колокольчика дурно повліяетъ на ваши нервы. Но не робѣйте, дѣлайте еще триста верстъ, еще триста, новыя триста,—тысячъ до полутора. На тысяча-пятьсотъ-первой вы прослезитесь отъ умиленія, увидѣвъ матрасъ на кровати городской гостинницы или парохода, повалитесь на него часовъ на пятнадцать, а проснувшись, почувствуете себя какъ послѣ удачнаго курса массажа. Говорю это серьезно, и съ этой точки зрѣнія жалѣю, что въ недалекомъ будущемъ и въ Сибири благодѣтельная перекладная уступить мѣсто вагону, дробная, однообразная тряска котораго—противнѣйшая изъ трясокъ на свѣтѣ.

Восточная Сибирь считается страной гористой. На картахъ Енисейская и Иркутская губерніи покрыты тѣми мохнатыми червячками, которыми изображаютъ горныя цѣпи. Червячки вырисованы такъ отчетливо, что у зрителя составляется представленіе о губерніяхъ, какъ о сибирской Швейцаріи. На самомъ дѣлѣ червячки врутъ, а съ ними и карты, а съ послѣдними и отечественные географы. Настоящія горы почти и не видны съ дороги, или, какъ и въ Томской губерніи, видны далеко на югѣ, въ видѣ невысокихъ синѣющихъ хребтовъ. Вблизи все то-же, что и отъ Оби до Канска, то-есть, такая-же равнина, разрѣзанная на небольшія площади рѣками, рѣчками и балками. Правда, это—плоскогорье, но главное— плоскость, а не то, что этотъ пейзажъ расположился надъ

уровнемъ океана повыше. Настоящая «гора» начнется за Байкаломъ. Тамъ люди жмутся по долинамъ рѣкъ, тамъ— острыя вершины, караваны горныхъ кряжей, быстрыя рѣки, горные ручьи, даже искуственное орошеніе. Здѣсь— та-же привычная, знакомая Россія, тѣ-же «дрова». Разумѣется, я говорю о той полосѣ, которая прилегаетъ къ большому сибирскому тракту. Въ Западной Сибири эта полоса очень широка, люди расплылись на большія пространства. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ полоса уже. Это похоже на клинъ, который вбиваетъ Россія въ Сибирь. Востокъ Енисейской губерніи и Иркутская губернія заселены уже не площадями, а нитями: главная нить—трактъ, отъ него идутъ боковыя, по рѣкамъ. Трактъ и рѣки уже превратились въ «дрова». Подальше отъ нихъ—нетронутая тайга, непаханныя земли. Иногда эти дѣвственныя мѣста видны и съ дороги, изъ тарантаса, съ какого-нибудь очень высокаго холма. Тогда, справа или слѣва, видишь настоящее море лѣсовъ, безъ единой прогалины, синее.—Что тамъ? спрашиваешь.—Тайга.—А за тайгой?—Китай направо, а налѣво тундра.—Сотни верстъ все тайга и тайга. Прямо море, и такое-же могучее. Я говорилъ о лѣсныхъ пожарахъ, дымъ которыхъ останавливалъ пароходы. Здѣсь лѣсное море мѣняетъ климатъ. По мѣрѣ того какъ уменьшаются лѣса, и тамъ, гдѣ они уменьшаются, морозы перестаютъ быть такими лютыми, сибирскими, весенніе и осенніе заморозки становятся рѣже, хлѣба вызрѣваютъ успѣшнѣй. Нѣсколько десятковъ верстъ мнѣ пришлось ѣхать среди тайги, подступившей къ самому тракту. На это мѣсто, съ песчаной почвой, не польстился человѣкъ, селенія рѣдки и невелики; зато великолѣпенъ вѣковѣчный лѣсъ сосенъ и лиственницъ. Тутъ кое-гдѣ приходилось видѣть старыя пожарища. Столбами поднимаются громадные, обугленные до самаго верха—каковъ былъ огонекъ! — стволы, а внизу уже засѣла сплошная молодая береза. Старые лѣса вблизи дороги велѣно разрѣжать, чтобы тамъ не прятались разные дорожные мастера и не устраивали засадъ. А этотъ промыселъ далеко не вывелся въ Сибири. Начиная съ Иркутской губерніи существуетъ обычай ставить кресты на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были найдены убитые проѣзжіе.

Ихъ настолько много, что вы скоро къ нимъ привыкаете, но первые черные кресты съ бѣлыми надписями, гласящими, что тутъ «убіенъ» такой-то и тогда-то,—иногда надняхъ,—производятъ пренепріятное впечатлѣніе.

Кончилась случайно уцѣлѣвшая у тракта тайга, и снова до Иркутска пошли «дрова»: клочки пашенъ, куски сѣнокосовъ, огромныя деревни, маленькіе города, березовыя заросли. Въ началѣ іюля тутъ былъ русскій конецъ мая. Рожь только-что отцвѣла. Цвѣли таволги, шиповникъ. Залежи и луга пестрѣли красивыми лиліями всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ. Только жара была не наша майская, а самая іюльская, даже ночи были теплыя. Сибирское лѣто, даже въ самомъ центрѣ Сибири,—благодатное, но обидно короткое.

Если судить по впечатлѣніямъ большого тракта, можно подумать, что Сибирь—населенная, богатая, торговая страна. Селенія часты, крестьяне живутъ богато. Тянутся обозы съ товарами. Гонятъ гурты скота, правда, мелкаго, и табуны лошадей, тоже неважныхъ, — гонятъ изъ-за тысячи верстъ и за тысячу верстъ. Народъ бравый, сытый, смышленый и красивый: стройные, бѣлолицые блондины. Трактъ все время идетъ поблизости строющейся желѣзной дороги, на которой кипитъ работа. Портятъ впечатлѣніе только арестантскія партіи. Частенько обгоняешь процессіи сѣро-суконныхъ кандальниковъ, со звономъ цѣпей шагающихъ по дорогѣ. Въ хвостѣ процессіи нѣсколько подводъ, на которыхъ ѣдутъ «богатые», могущіе заплатить за телѣгу. Однажды я видѣлъ арестанта совсѣмъ «аристократа». Въ деревнѣ около магазина стояли арестантъ и двѣ арестантки, отпущенные для покупокъ. При нихъ два солдата, съ ружьями. Платья арестантовъ сидѣли на нихъ щегольски, кандалы мужчины отчищены до блеска, черная его шапка надѣта набекрень, въ рукахъ у него — желтый томикъ французскаго романа. Дамы пошли къ дверямъ магазина. — «Отвори-же дверь!» повелительно сказалъ конвойному арестантъ. Конвойный съ солдатскимъ усердіемъ распахнулъ дверь, почтительно пропустилъ арестантокъ и вошелъ, со своимъ штыкомъ, за ними; другой штыкъ остался на улицѣ при арестантѣ. Непріятны и частые

этапные остроги, съ рѣшотками въ окнахъ и казармы конвойныхъ съ вывѣсками: такая-то этапная команда. Въ воздухѣ носится преступленіе и наказаніе, зло и насиліе. Остроги и казармы въ порядкѣ, даже щеголеваты, но этимъ-то и походятъ на арестанта-«аристократа». Другой непріятный и жалкій типъ — ссыльные, приписанные къ деревнямъ. Ими кишитъ Сибирь. Теперь всѣ они сбѣжались на работы по постройкѣ желѣзной дороги. Порядочныхъ людей между ними почти нѣтъ, хотя нѣтъ и злодѣевъ. Это — неуравновѣшенные сумасбродные непосѣдливые характеры и головы. Иной и хочетъ остепениться, годъ, два усердно и смирно служитъ въ работникахъ, несетъ повинности, собирается жениться, завести хозяйство. И вдругъ на него что-то найдетъ, задумается, затоскуетъ, или запьетъ мертвую, или убѣжитъ. Такого запившаго я видѣлъ въ одной изъ деревень. Противъ станціи былъ кабакъ. Изъ его дверей вдругъ клубкомъ вывалились трое,—два пожилыхъ, съ просѣдью, и одинъ молодой, — безъ шапокъ, босикомъ и въ изорванныхъ рубахахъ. Клубокъ распался, молодой лежалъ и кричалъ караулъ, а пожилые молча изо всѣхъ силъ били его ногами. Это были ссыльно-поселенцы съ желѣзной дороги. Къ нимъ подошли староста и два десятскихъ, съ озлобленными лицами — дни и ночи приходится имъ возиться съ буйными рабочими съ дороги — и толстыми дубинками. Пожилые кинулись бѣжать; десятскіе за ними. Староста пинкомъ ноги заставилъ встать молодого и палкой погналъ его въ «холодную», которая помѣщалась на дворѣ станціи. Парень былъ пьянъ до истерики, но все-таки его лицо было пріятно и даже интеллигентно, онъ былъ не просто, а вдохновенно пьянъ. Онъ кричалъ во всю мочь, но голосъ былъ тоже пріятный. Онъ оралъ безсознательно, но все-таки не безсмысленно.

— Бей, бей! кричалъ онъ старостѣ, покорно направляясь къ холодной. — Еще бей, мучь! Не остепенюсь, не покорюсь во вѣки вѣковъ... Палачи!.. Трудомъ-потомъ заработалъ сорокъ цѣлковыхъ, а ты 24 рубля 67 копѣекъ отнялъ за недоимку... За что платить?! Я не своей волей къ вамъ приписанъ! Мои деньги отнялъ!.. Не хочу платить, не буду... Невѣрные! Можете сами платить. У

васъ, сибиряковъ, однѣхъ собакъ столько, что за два года не переѣдите... Мучь, бей! Много нашего брата у васъ по болотамъ закопано, а все не покорюсь, невѣрные!..

Въ холодной парень затихъ. Сквозь рѣшотку было видно его лицо. Временами онъ задремывалъ. Вдругъ онъ увидѣлъ, что по улицѣ ведутъ одного изъ пойманныхъ пожилыхъ. Онъ опять сталъ кричать, но уже съ трогательной нѣжностью и искренней радостью:

— Поймали, дядя?.. Иди, старикъ! Иди, дядя! Садись, милый ты мой! Посидимъ!

И пожилой ссыльный смотрѣлъ смирно, умно и кротко. Въ холодной парень и пожилой долго крѣпко обнимались и цѣловались, точно они и не дрались, да еще такъ звѣрски, десять минутъ тому назадъ.

Сибирь, лежащая въ сторонѣ отъ тракта, не такая буйная, не такъ богата и бойка. Въ Нижнеудинскѣ я былъ задержанъ проѣздомъ министра юстиціи, возвращавшагося изъ Иркутска послѣ открытія новыхъ судовъ въ Сибири. Къ Нижнеудинску подъѣзжали широкой долиной Уды, нето лугами, нето полями. Съ этими рѣчными долинами Восточной Сибири неизвѣстно, что дѣлать. Разливы рѣкъ не такъ велики и постоянны, чтобы отвести долины исключительно подъ луга. Съ другой стороны, и пахать опасно, потому-что иной разъ горныя рѣки дурятъ и заливаютъ всю долину на большую глубину. Это сдѣлала Уда за нѣсколько дней до моего пріѣзда. Вода быстро сбѣжала, но въ долинѣ озерами стояли лужи и непролазная грязь. Мы насилу добрались до города. Нижнеудинскъ—маленькій городъ и большое село. Съ него начинаются еврейскія синагоги, которыя въ Восточной Сибири особенно эффектны. Хотя и деревянныя, онѣ обширны и окрашены въ яркіе цвѣта: стѣны оранжевыя, колонны малиновыя, куполообразная крыша темнофіолетовая, а на фронтонѣ надпись по-русски: «Сей храмъ воздвигнутъ въ 1865 году», безъ прибавки эры лѣтосчисленія. Городъ стоитъ на высокомъ берегу рѣки. Впереди—просторная долина Уды. Влѣво—ровная гряда Бѣлогорья, мѣстами словно изсѣченная тупымъ топоромъ. Тамъ—дремучая тайга, подъ кровомъ которой въ разсѣ-

линахъ и на склонахъ, обращенныхъ на сѣверъ, говорятъ, все лѣто лежатъ снѣгъ и ледъ. Когда вѣтеръ дуетъ отъ Бѣлогорья, становится замѣтно холоднѣй. Уда—уже горная рѣчка, течетъ волнуясь и кипя.

Въ городѣ не нашлось подходящаго пріюта, и меня направили за рѣку, въ гостинницу, которую содержалъ сосланный, изъ образованныхъ. Дверь запирается висячимъ замкомъ. Прислуга — уже восточно-сибирская, дорогая и поступающая въ услуженіе отъ нечего-дѣлать. Прислуживавшая мнѣ прекрасивая дѣвица изъ нижнеудинскихъ мѣщанокъ передъ самымъ обѣдомъ объявила хозяину, что ей захотѣлось пойти смотрѣть, какъ «повезутъ министра», и ушла. Прислуживалъ въ гостинницѣ самъ хозяинъ и его сынъ, гимназистъ. Цѣны также сибирскія. Крохотная конурка, со слабыми признаками мебели, 1 руб. 50 коп. въ сутки; обѣдъ, — борщъ и кусокъ мяса—рубль. И хозяинъ рѣшительно объявилъ, что и самому министру не уступилъ-бы дешевле. Очевидно, проѣздомъ министра были заняты всѣ умы и воображенія Нижнеудинска.

На другой день подвечеръ мнѣ прислали оказавшагося ненужнымъ запаснаго подводчика, наряженнаго изъ дальней деревни. Это совсѣмъ не тотъ человѣкъ, по сравненію съ трактовымъ сибирякомъ. Телѣжка неважная, лошадки мелкія, самъ онъ, хотя такъ-же высокъ и благообразенъ, но одѣтъ безъ франтовства. Трактовыхъ онъ не любитъ и называетъ ихъ богатѣями и дармоѣдами.

— Просто смотрѣть не хорошо. Бабы хоть-бы что-нибудь поработали. Съ утра до ночи сидятъ подъ окошкомъ, чай пьютъ; чуть колокольчикъ или обозъ показался, высунутся, зазываютъ. И за все сейчасъ—деньги. Воды попросишь—и за это деньги.

Мужикъ вовсе не былъ запуганъ, но и смотрѣлъ, и говорилъ, и распрашивалъ съ наивнымъ видомъ ребенка. Точно онъ не среди людей росъ, а его готовымъ вырыли изъ земли,—Микулу Селяниновича. Везъ онъ меня часа четыре, и все время мы пробесѣдовали. Онъ обстоятельно и вразумительно объяснилъ мнѣ, какъ у нихъ пашутъ, какіе бываютъ урожаи, какъ судятъ волостные суды,

причемъ удивилъ меня, сказавъ, что волостные суды судятъ по совѣсти.

— Прикроютъ ихъ теперь, слышно?

— Нѣтъ, оставятъ.

— А мировой «баринъ» (чиновникъ) какъ-же?

— Мировой самъ по себѣ будетъ. А что?

— Да вѣдь, барину — неси. А волостной судъ этого не требуетъ.

— Ну, братъ, не всякій тоже баринъ этого требуетъ.

Мужикъ оживился.

— А, вѣдь, вѣрно, бываетъ! Недавно у насъ въ селѣ раскладка была для землемѣра, на полторы сотни. Не беретъ. Мы говоримъ: мало, что-ли, твое высокоблагородіе? Нѣтъ, говоритъ, я никогда не беру.

— Молодой?

— То-то, сѣдой!! Говорятъ, московскій, изъ Москвы.

Къ «поднесеніямъ» сибирскіе мужики относятся удивительно спокойно и наивно, какъ къ законной подати, ясаку. Недавно въ Сибири работалъ по сложному вопросу о землевладѣніи извѣстный государственный дѣятель. Между прочимъ, онъ требовалъ списки сельскихъ и волостныхъ расходовъ. Въ одной изъ глухихъ деревень ему представили списокъ, начинавшійся такой статьей расхода: «по случаю пріѣзда его —ства, имя рекъ, для ревизіи — 400 рублей». Подчиненнымъ этого начальника не разъ подавали списки, начинавшіеся тѣмъже расходомъ; только сумма была меньше, — полсотни. Эта почти святая наивность удостовѣряется составленными о ней протоколами.

Мужикъ распрашивалъ меня, какое это есть дерево въ Россіи — липа; крѣпкое-ли дерево дубъ; вкусны-ли яблоки, которыя онъ видывалъ въ Нижнеудинскѣ, но не пробовалъ; какъ это разводятъ пчелъ въ ульяхъ? Вопроса о томъ, хорошо-ли живется, онъ сначала и не понялъ. И въ самомъ дѣлѣ, травы, земли, воды — сколько угодно, стало-быть, сытъ, а сытъ, такъ и доволенъ этотъ человѣкъ, готовымъ вырытый изъ земли, безъ всякихъ другихъ потребностей. Мой вопросъ онъ сначала понялъ въ томъ смыслѣ, что не занимаются-ли они въ деревнѣ

худыми дѣлами, и отвѣтилъ, что воруютъ и грабятъ расейскіе ссыльные и бродяги, а не они.

— Сыто живемъ, сыто, и мы, и скотина. Только денегъ достать трудно. Поѣзжай за шестьдесятъ верстъ въ городъ что-нибудь продать, — сколько времени займетъ! За солью, за желѣзомъ—опять въ городъ. Да, съ солью и желѣзомъ, да съ деньгами трудно. Далеко ихъ доставать ѣздить.

Наивный человѣкъ, повидимому, думалъ, что безъ соли, желѣза и денегъ было-бы совсѣмъ хорошо. Не томится-же онъ тѣмъ, что не разводитъ пчелъ, не пробовалъ ни меда, ни яблокъ, и не видалъ липы и дуба.

Когда стало смеркаться, мужикъ погналъ лошадей скорѣе и временами прислушивался и вглядывался въ лѣсъ, по которому шла дорога. И тутъ въ немъ было что-то особенное; онъ насторожился съ особенными ухватками, съ особой, звѣриной, ловкостью, зоркостью и чуткостью.

Въ одномъ мѣстѣ невыносимо запахло по-вѣтру изъ лѣсу трупомъ.

— Что тамъ валяется? Скотина?

— Не надо быть. Лошадь у самой дороги лежала-бы. Обозныхъ, ихъ, много околѣваетъ.

— Что-же, человѣкъ?

— Можетъ быть, человѣкъ, спокойно сказалъ мужикъ и прибавилъ:—вѣдь, тайга...

Сибирская тайга—нешуточная вещь. Она въ дѣйствительности — то, что «лѣсъ» европейской Россіи для воображенія дѣтей,—тотъ лѣсъ, гдѣ сидитъ «волкъ», гдѣ живетъ «злая баба», гдѣ можно заблудиться такъ, что никогда и не выйдешь. Въ тайгу ходятъ немногіе, а если ходятъ, то насторожившись такъ по-звѣриному, какъ насторожился мой подводчикъ. Тамъ бродяга и бѣглый подкарауливаютъ сибиряка. Тамъ и у сибиряковъ «много бродягъ и бѣглыхъ по болотамъ закопано». Тамъ и привычный охотникъ можетъ такъ заблудиться, что и не выйдетъ. Оттуда среди лѣта дуютъ холодные вѣтры, и весной и осенью выползаютъ на поля утренники, побивающіе весною всходы, а осенью недоспѣлое зерно хлѣбовъ. Когда-то такою-же всесильной, злой тайгой была

вся Сибирь. Тотъ, кто первымъ рѣшился вступить съ нею въ борьбу, былъ мужественный человѣкъ. Теперь въ тайгу забитъ клинъ со стороны Урала. Дѣвственные лѣса раздвигаются и раскалываются, и уже по трещинамъ просачивается въ страну новѣйшій переселенецъ. Тутъ надо быть справедливымъ и сказать, что плохо благодарятъ мужественнаго піонера, сибиряка. Его владѣнія, конечно, основанныя не на писаномъ, а на дѣйствительномъ, піонерскомъ правѣ, урѣзываются. Изъ отрѣзковъ образуются участки для переселенцевъ, въ которые входятъ раздѣланныя трудами сибиряковъ земли. Больше всего жаль отдѣльныхъ заимщиковъ, заролыши частнаго владѣнія въ Сибири. Они должны или выселяться, или вступать въ общество новоселовъ. И очутится Сибирь всецѣло во власти нашей quasi-общины, пойдетъ хозяйничанье общества, т.-е. кулаковъ, и кончится тѣмъ, что надо будетъ «нести» волостнымъ судамъ, а съ землей и въ Сибири очень быстро станетъ «тѣсно», «курицу некуда выпустить».

Ближе къ Иркутску, когда двѣ трети пути уже сдѣланы, народъ начинаетъ мѣняться, и по виду, и по ухваткамъ. Къ стройнымъ блондинамъ примѣшиваются коренастые люди, потемнѣе; попадаются большіе темнокаріе глаза и черные волосы. Росторопности меньше, азіатской «склизкости» и уклончивости больше. Мои законныя требованія исполнялись только тогда, когда я заставлялъ себя возвышать голосъ. На земской квартирѣ пришлось и дѣйствовать энергично. Товарищемъ по ночлегу оказался очень молодой, болѣзненнаго вида и тихій межевой чиновникъ. Видимо, онъ затосковалъ въ глуши и, несмотря на робость, съ жадностью разговорился. Какъ подобаетъ истинному русскому интеллигенту, онъ говорилъ о томъ, что такое правда, что есть Богъ, о гуманности, о равенствѣ національностей. И говорилъ хорошо, искренно, заинтересованный предметомъ, категорично. Но лишь только онъ касался предметовъ болѣе практическихъ и близкихъ къ дѣйствительности, какъ становился нерѣшителенъ, колебался въ выводахъ и начиналъ грустить. Вотъ, старшина обязанъ наряжать ему рабочихъ. Онъ имъ платитъ, но меньше, чѣмъ на желѣз-

ной дорогѣ. Поэтому рабочіе идутъ къ нему неохотно, отпрашиваются подъ разными предлогами домой, онъ не въ силахъ отказать («А, можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, можетъ быть, у него дѣйствительно при смерти бабушка; да, наконецъ, на желѣзной дорогѣ дѣйствительно работать выгоднѣй!») и то-и-дѣло остается безъ рабочихъ. А работа его казенная, спѣшная. Опять ѣдетъ сюда, въ волостное правленіе, проситъ новаго наряда; а старшина «сердится», и... довольно грубо,— прибавляетъ дрогнувшимъ голосомъ интеллигентъ.

Когда я вошелъ въ земскую квартиру, уже стемнѣло. На полу хозяйской комнаты спало нѣсколько человѣкъ, черезъ которыхъ надо было шагать, чтобы пройти въ комнату для пріѣзжихъ. Прислуживала хозяйка, коренастая молодая бабенка цыганскаго типа. Двигалась она быстро, но раздраженно, въ глаза не смотрѣла и что-то вполголоса про себя ворчала. Я не обратилъ на это вниманія, но мой товарищъ при каждомъ появленіи хозяйки переставалъ говорить о высокихъ матеріяхъ и становился грустенъ.

Наконецъ, бабенка, обращаясь ко мнѣ, заговорила громко:

— Спать вамъ негдѣ будетъ. Вотъ этотъ баринъ постель заняли, указала она на землемѣра.

— Я на полу всегда сплю, отвѣтилъ я.

Бабенка не слушала.

— И постель занялъ, и живетъ у насъ третью недѣлю, не платя!

Еще что-то ворча, бабенка, хлопнувъ дверью, ушла. Мой компаньонъ заволновался.

— Вотъ, вотъ, и здѣсь грубятъ! А за что? На земской квартирѣ дѣйствительно нельзя жить безъ платы долѣе трехъ сутокъ, но я, ей-Богу, больше одного дня никогда не живу. Пріѣду, получу рабочихъ и уѣзжаю. Третью недѣлю въ самомъ дѣлѣ лежатъ здѣсь мои вещи, которыя я не могу таскать за собою по работамъ. Онѣ никому здѣсь не мѣшаютъ. И за нихъ-то хозяева требуютъ посуточную плату. Каждый разъ, какъ пріѣду, непріятности, дерзости. Вообще тяжело. Я-бы радъ оста-

навливаться въ наемной квартирѣ, но вы знаете здѣшнія цѣны: моихъ денегъ не хватитъ...

Долго компаньонъ сидѣлъ грустнымъ,—пока не заговорили о Шекспирѣ.

На зарѣ мы оба поднялись и пили чай. Вдругъ распахивается дверь, и на порогѣ показывается хозяинъ, такой-же цыганъ, какъ и хозяйка, въ одной рубахѣ и портахъ, босикомъ, еще неумытый и нечесанный.

— Что-же, съѣдете отъ меня или нѣтъ? въ упоръ обращается онъ къ моему товарищу.

Тотъ отъ волненія даже отвѣчать не можетъ и только жалкими круглыми глазами смотритъ на меня. Хозяинъ вваливается въ комнату, начинаетъ, почесываясь, топтаться по ней и, все возвышая и возвышая голосъ, говоритъ:

— Ловко это дѣлаете: три недѣли не платя живете. Развѣ я не хозяинъ у себя въ дому? Съѣзжайте.

Компаньонъ не можетъ удержать стакана въ рукѣ, которая дрожитъ.

— Вотъ, постоянно такъ, шепчетъ онъ,—такія крайне непріятныя сцены.

— Ну, и непріятныя! Въ послѣдній разъ говорю: или плати, или убирайся вонъ!

Убрался вонъ изъ комнаты, и не по своему желанію, конечно, не компаньонъ, а наглый мужикъ. Я думалъ, что дѣло этимъ не кончится, что послѣдуетъ протестъ. Ничего подобнаго. Мужикъ покорно и молча выслушалъ разъясненіе правъ и обязанностей его, какъ содержателя земской квартиры. Бабенка сдѣлалась привѣтливой, извинялась, говорила любезности. Это было очень странно. На такой переходъ отъ наглости къ униженности, совершаемой съ такимъ недостоинствомъ, неспособенъ русскій крестьянинъ. Скоро загадка для меня объяснилась: начался иркутскій мужикъ съ примѣсью бурятской, или, какъ здѣсь говорятъ, «братской» крови.

Чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ этой примѣси больше, тѣмъ интереснѣй типы помѣсей. Одинъ сохранилъ строеніе тѣла русскаго отца: высокій и стройный ростъ и небольшую голову, — но лицо этой головы бурятское. Другой тѣломъ по-бурятски коренастъ, цвѣтъ глазъ и

волосъ очень темный, лица — матово-смуглый, но черты лица правильныя, красивыя; получается что-то вродѣ цыгана. Большинство иркутскихъ бурятъ православные, и смѣшанные браки, освященные вѣками, совершаются охотно. Часто приходилось видѣть супружества, гдѣ жена—чисто русская, стройная и бѣлолицая, а мужъ—чистопородный бурятъ, плечистый, кривоногій, съ черной щетиной вмѣсто волосъ, безбородый, съ лицомъ не только плоскимъ, но вогнутымъ, и цвѣта мѣднаго таза. А по избѣ и по двору бѣгаютъ маленькіе человѣчки, изъ которыхъ одни предпочли родиться похожими больше на папашу, а другіе—больше на мамашу. Однако, по характеру и тѣ и другіе ближе къ папашѣ-азіату. Въ характерѣ этомъ мало привлекательнаго. Вмѣсто ума—хитрость, вмѣсто энергіи—уклончивость и пронырство. Въ восточной Сибири много второстепенныхъ и мелкихъ чиновниковъ и такихъ-же торговцевъ изъ людей съ примѣсью бурятской крови, но о большихъ величинахъ, на службѣ или въ дѣлахъ, изъ ихъ среды не слыхать.

Послѣ того какъ проѣхали тайгу, подступившую къ тракту, опять пошли сибирскіе черноземы и березовые перелѣски. Ближе къ Иркутску холмы, оставаясь такими-же плоскими, становятся выше. Мѣстами пейзажъ напоминаетъ сѣверную Бессарабію, ея холмы, глубокія долины между холмовъ, лежащіе внизу ручьи и рѣчки, курчавые молодые лиственные лѣса по крутымъ склонамъ. Сходство довершаютъ чистое голубое небо, жара и степныя травы. Не вѣрится, что вы въ центрѣ Сибири. Разница только въ деревьяхъ. Въ Бессарабіи это дубъ, берестъ, вязъ, ильмъ. Здѣсь одна береза, но такая темнолистная, что издали не отличите ея рощи отъ дубовой. Рѣки, Ока, Бѣлая, Ангара,—горныя рѣки, быстрыя, порожистыя, съ холодной прозрачной водой. Ихъ долины—просторныя и заселены. Селенія одно другого богаче. Чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ бойчѣе села, тѣмъ обширнѣй ихъ магазины,—двухъ и трехэтажные каменные дома,—тѣмъ красивѣй и старше церкви. Очевидно, Иркутскъ—солидный центръ культурнаго острова, образовавшагося въ самомъ сердцѣ Сибири. Отъ него начинаешь многаго ждать, и городъ не обманываетъ ожида-

ній, конечно, если вы не требуете, чтобы онъ былъ Парижемъ. Онъ нетолько не Парижъ, но и не Кіевъ. Въ немъ считаютъ пятьдесятъ тысячъ жителей, всего; но онъ всетаки оживленный и своеобразный городъ.

Издали Иркутскъ представляетъ неожиданно красивую и оригинальную картину. Я подъѣзжалъ къ нему около трехъ часовъ пополудни жаркаго и солнечнаго дня. Городъ открывается издали. Онъ обнимаетъ дугу Ангары, которая дѣлаетъ полукругъ. Издали аквамариновая рѣка представляется морскимъ заливомъ. Берегъ невысокъ и плосокъ, и зданія города не производятъ особаго эффекта; но картина украшается зелеными горками, подымающимися позади города. Позади горъ столпились облака, особыя облака, которыми я любовался въ восточной Сибири и подъ тропиками. Это были кучевыя облака, которыя въ лѣтніе полдни покрываютъ весь куполъ неба, а позднѣе уходятъ къ горизонту; но здѣсь они въ очень мелкихъ завиткахъ, расположенныхъ болѣе въ вертикальномъ направленіи, бѣлѣе, нѣжнѣе и золотистѣе, чѣмъ облака европейской Россіи. Точно золотисто-бѣлый курчавый лѣсъ подымался изъ-за зеленыхъ горокъ, окаймляющихъ городъ.

И внутри Иркутскъ, если не красивъ, то интересенъ. Видно, что онъ давно служитъ центромъ и давно богатъ,—имѣетъ исторію, что такая рѣдкость въ Сибири. Исторія оставила въ немъ старинныя церкви и старыя купеческія палаты страннаго, но не лишеннаго художественныхъ достоинствъ стиля какого-то забытаго архитектора. Новые дома богатыхъ людей устраиваются и внутри и снаружи красиво и комфортабельно, съ высокими потолками, просторными комнатами и даже съ форточками, которыя въ Сибири такая-же рѣдкость, какъ и исторія. Изъ новыхъ общественныхъ зданій музей и театръ — тоже причудливаго, нето византійскаго, нето какого-то сибирскаго, «кучумовскаго», но не некрасиваго стиля. Городъ думаетъ и заботится объ архитектурѣ, старается выстроить что-нибудь изящное. Онъ заботится о своемъ общественномъ садѣ и держитъ въ порядкѣ его сибирскіе деревья и кусты: березу, алтайскій тополь, осину, лиственницу, пихту, кедръ. На почетныхъ мѣ-

стахъ—здѣшняя любимица, сибирская яблонька, съ яблочками величиной съ некрупную рябину. Въ Иркутскѣ—телефонъ съ тремя стами абонентовъ; телефонныя нити проведены и за городъ, къ складамъ и пристанямъ; изъ послѣднихъ Лиственичная, на Байкалѣ, отдалена на шестьдесятъ верстъ. Сибирскіе «Путеводители» очень бранятъ иркутскія гостинницы. Я не нашолъ ихъ такими плохими, впрочемъ, можетъ-быть, потому, что, какъ и предсказывалъ, увидѣвъ, послѣ недѣли ночлеговъ на полу, кровать, матрасъ, подушки и одѣяло, прослезился и немедля заснулъ на пятнадцать часовъ. Улицы города пыльны, троттуары плохи; зато великолѣпна прозрачная быстрая Ангара, несущая воды Байкала, этого прѣсноводнаго моря, въ Енисей. Любоваться Ангарой ходите съ предосторожностями. Температура ея воды никогда не бываетъ выше девяти градусовъ. Если вы подойдете къ рѣкѣ прямо изъ раскаленнаго іюльскимъ полуденнымъ солнцемъ города, вы почувствуете себя такъ, точно вошли въ ледникъ: насморкъ обезпеченъ. Купаться — нечего и думать. Ангара—уже особенная, невиданная, восточно-сибирская рѣка. Она такъ быстра, что замерзаетъ только въ концѣ декабря или даже въ январѣ; по той-же причинѣ вверхъ по рѣкѣ пароходы идутъ въ пять разъ медленнѣе, чѣмъ внизъ по теченію. Весеннихъ разливовъ Ангара не знаетъ, а подымается лѣтомъ и особенно сильно зимою, ломая ледъ. Гуляя по берегу Ангары, вы можете сдѣлать любопытное открытіе. На пристани, къ которой причаливаютъ пароходы, дѣлающіе рейсы между Иркутскомъ и восточнымъ берегомъ Байкала, вы съ удивленіемъ замѣчаете таможенныхъ солдатъ. Сначала вы принимаете ихъ за проѣзжихъ, уволенныхъ въ отставку. Но приходитъ пароходъ, и начинается самый настоящій таможенный досмотръ. Больше всего разговоровъ возбуждаютъ великолѣпныя американскія ружья. Владѣльцы увѣряютъ, что ружья куплены въ Иркутскѣ, а на Байкалъ они ѣздили охотиться. Таможня сомнѣвается. Оказывается, Сибирь, по ту сторону Байкала,—порто-франко для всего, кромѣ спиртныхъ напитковъ и табаку. Это не мѣшаетъ и тамъ цѣнамъ стоять очень высоко. Объ иркутскихъ цѣнахъ ужъ и говорить нечего. Все стоитъ въ полтора

раза дороже, чѣмъ въ Москвѣ, такъ-что Иркутскъ—тотъ городъ, въ которомъ пятикопѣечная французская булка стоитъ семь копѣекъ. Цѣны на хлѣба, овесъ и сѣно невѣроятны. Прошлой зимой ржаная мука продавалась по 1 р. 80 к. за пудъ, пшеничная—2 р. 50 к., овесъ—2 р. 80 к., наконецъ, пудъ сѣна—2 рубля. Впослѣдствіи объ этихъ цѣнахъ бесѣда шла въ Петербургѣ за обѣдомъ, въ которомъ участвовали пріѣзжій сельскій хозяинъ изъ-подъ Иркутска, херсонскій помѣщикъ и я. Пока приводились цѣны на хлѣбъ, херсонецъ удивлялся; когда онъ узналъ цѣну овса, онъ поблѣднѣлъ, но, услышавъ, что пудъ сѣна продаютъ по два рубля, херсонецъ осунулся въ лицѣ и пересталъ ѣсть.

— Послѣдніе три года, слабымъ голосомъ началъ онъ,—когда не было цѣнъ на пшеницу, я сократилъ запашки и сталъ свою степь косить. Но и сѣна не спрашивали. И теперь сѣна въ скирдахъ у меня стоитъ двѣсти тысячъ пудовъ. Вѣдь, это четыреста тысячъ рублей...—Вдругъ взоръ помѣщика загорѣлся энергіей и голосъ зазвучалъ рѣшимостью:—Спрессую свое сѣно и повезу въ Иркутскъ! воскликнулъ онъ.

Увы, при дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса, выяснилось, что доставка пуда клади только отъ Челябы до Иркутска обходится въ два рубля. Аппетитъ не вернулся къ херсонцу. Ужь эти разстоянія Россійской имперіи!

На эти разстоянія и я былъ въ претензіи. Иркутскъ, безспорно, интересный городъ, исторія его любопытна, окрестности красивы, за Ангарой на зеленыхъ горкахъ между лѣса стоятъ уютныя дачи, наконецъ, я еще недостаточно насладился матрасомъ, подушками и одѣяломъ; а надо ѣхать, спѣшить, потому-что я всего на половинѣ дороги до цѣли поѣздки. Впереди 60 верстъ до Байкала, столько-же по Байкалу, затѣмъ до Читы шестьсотъ верстъ. Если отъ Читы до Срѣтенска не удастся проѣхать по Ингодѣ на плотахъ,—а это въ случаѣ мелководья или, наоборотъ, большой прибыли воды легко можетъ быть, предстоитъ новый кусокъ дороги на колесахъ въ 365 верстъ. Въ итогѣ получалось число, заставлявшее содрогаться,—тысяча верстъ съ сотней!

Около полдня 13-го іюля, пробывъ въ Иркутскѣ

всего двое сутокъ, я тронулся дальше. На выѣздѣ изъ города стоитъ большая деревянная арка съ надписью: «Дорога къ Великому Океану».

Было очень жарко и пыльно. По сторонамъ дороги хлѣба, засѣянные, какъ и вездѣ въ Сибири, клочками, смотрѣли невесело. Овесъ не подымался и начиналъ желтѣть. Верстъ тридцать за Иркутскомъ посѣвовъ становится все меньше. На томъ берегу Ангары, вдоль которой мы ѣдемъ, начинаются горы, съ острыми вершинами, круто обрывающіяся къ рѣкѣ, которая тутъ цвѣта синей стали. Скоро и на нашемъ берегу начинаются такія-же горы. Дорога постепенно забирается выше, Ангара падаетъ глубже, въ воздухѣ становится прохладнѣй. Мы находимся въ той полосѣ, кольцомъ охватывающей Байкалъ, гдѣ холодное озеро остужаетъ воздухъ настолько, что земледѣліе невозможно. Здѣсь только теперь начинаетъ зацвѣтать шиповникъ. Четвертаго іюля на утренней зарѣ былъ морозикъ, побившій огороды. Небольшія и немногочисленныя деревни этой холодной при-Байкальской полосы хлѣба не сѣютъ, а живутъ рыболовствомъ, лѣснымъ промысломъ, извозомъ. Склонъ горы, по которому мы ѣдемъ, густо покрытъ кустарникомъ и молодыми деревьями, среди которыхъ примѣтнѣй остальныхъ тонкая кудрявая яблонька. Къ вечеру добираемся до Байкала, который показывается неожиданно между двухъ гористыхъ береговъ Ангары, словно въ окошко. Онъ не эффектенъ сегодня. Вода—сѣрая, противоположный берегъ въ туманѣ, и еле можно различить неясныя очертанія его зубчатыхъ горъ. Спускаемся къ самому озеру, и становится уже совсѣмъ холодно. Прижавшись къ горѣ, протянулось въ одну линію безконечно длинное село Лиственичное. У нѣсколькихъ пристаней стоятъ пароходы морской конструкціи, колесные, величиною съ тѣ, что ходятъ изъ Петербурга на Валаамъ. Устроившись въ гостинницѣ, конечно, самой первобытной, я вышелъ еще разъ взглянуть на знаменитое озеро. Оно было спокойно, но нахмурилось туманомъ еще больше. За туманомъ во всѣ стороны скорѣе чувствовались, чѣмъ виднѣлись, горы и горы.

«Дрова» кончились,—начиналась «гора».

V.

Гора.

Накануне вечеромъ Байкалъ не захотѣлъ показать себя, кутаясь въ туманы. Такимъ-же нелюбезнымъ оказался онъ и на слѣдующій день, когда, въ восемь часовъ утра, пароходъ отчалилъ отъ Лиственичной, чтобы пересѣчь озеро поперекъ и перевезти насъ въ Мысовую. Было холодно: видно дыханье. День былъ пасмурный. Байкалъ былъ спокоенъ, но отъ него подымался легкій паръ и закрывалъ берега.

Пассажировъ на пароходѣ немного: я, инженеръ, ѣдущій на постройку желѣзной дороги въ Забайкалье, да молодой человѣкъ изъ Москвы, путешествующій по Сибири для удовольствія. На палубѣ обращаютъ на себя вниманіе группа бурятъ и нѣсколько телѣгъ переселенцевъ. Буряты, все больше ламы, играли въ какія-то азартныя игры. Когда кто-нибудь изъ нихъ проигрывался, то начиналъ бродить по палубѣ, тереться между пассажирами и предлагать свои услуги въ качествѣ гадальщика и врача. Охотники узнать свою судьбу или излѣчиться находились, платили деньги, а бурятъ, заработавъ малую толику, сейчасъ-же шелъ отыгрываться. Переселенцы оказались особаго типа, встрѣчающагося только въ Сибири. Это были «вѣчные» переселенцы, попросту говоря—бродяги. Родомъ они были самарцы, изъ великоруссовъ; изъ Самары ушли въ Орскій уѣздъ, гдѣ на арендуемой землѣ прожили нѣсколько лѣтъ; потомъ они рѣшили устроиться прочнѣе, для чего и сѣли на казенную землю въ Маріинскомъ округѣ Томской губерніи, но недолго посидѣли, и теперь шли въ Амурскую область, на пріиски, въ Зейскую Пристань, въ семистахъ верстахъ отъ Благовѣщенска, по Зеѣ.

Мысовая, и — безостановочный путь до Читы, гдѣ предстоитъ небольшой отдыхъ. Этотъ путь даетъ уже новыя впечатлѣнія и новыя картины, которыхъ не найдете ни въ Европейской Россіи, ни въ Сибири, на западъ отъ Байкала. Тутъ уже — «гора». Однако, здѣшняя гора не грандіозная, не такая, что шапка валится. Она мень-

ше крымской, но всетаки несомнѣнная гора, положившая свой характерный отпечатокъ нетолько на пейзажъ, но и на бытъ населенія. По дорогамъ, съ крутыми подъемами и спусками, тянутся обозы не телѣгъ, а двуколокъ, колеса которыхъ имѣютъ двойное число спицъ. Буряты и бурятки путешествуютъ верхомъ. Поля невелики, потому-что мало простора. Годныя для пахоты мѣста, по долинамъ рѣкъ и по нижнимъ склонамъ горъ, заняты сплошь. Поле каждаго хозяина огорожено заборомъ изъ жердей. Поля тутъ удобряются и даже орошаются водой, проведенной изъ горныхъ ручьевъ. Орошеніе, конечно, самое первобытное: пускаютъ изъ канавы воду и предоставляютъ ей самой распредѣляться по поверхности. Пашни обводняютъ только разъ, весною передъ посѣвомъ. По лугамъ вода бѣжитъ все лѣто до самаго сѣнокоса. Удобреніе, огораживаніе, орошеніе даютъ прекрасные результаты: нигдѣ въ Сибири я не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ хлѣбовъ и такихъ чудесныхъ травъ, какъ здѣсь. Чуть-чуть культуры, да еще культуры изъ бурятскаго источника,—и природа удесятеряетъ свои силы, а человѣкъ сидитъ на мѣстѣ прочнѣе, становится сильнѣе и умнѣе. Доказательство тому—тѣ-же буряты. Забайкалье по естественнымъ условіямъ хуже остальной Сибири: лѣтомъ засушливѣй, зимой холоднѣе, хорошей земли меньше; но буряты съ меньшаго количества земли снимаютъ большіе урожаи, довольны тѣмъ, что имѣютъ, и нетолько не стремятся на «новыя мѣста», но всѣми силами уцѣпились за свою «старину» и крѣпко держатъ ее въ своихъ рукахъ. Огромныя пространства въ Забайкальѣ принадлежатъ имъ. Хитрые ламы, настоящіе владыки бурятъ, успѣли закрѣпить за своимъ народомъ его владѣнія грамотами и документами, успѣли расширить эти владѣнія и упорно противятся всякимъ мѣрамъ, клоняшимся къ «упорядоченію ихъ земледѣлія и быта». Насколько легко было замѣстить инородцевъ русскими въ Западной Сибири, настолько трудно сдѣлать это въ Забайкальѣ. Въ концѣ концовъ Забайкалье—страна бурятская.

На первыхъ семидесяти верстахъ, почти до села Кабанскаго, — пейзажъ величественный, но безобразный.

Дорога придерживается берега Байкала. Налѣво—озеро, направо — плоскогорье, покрытое унылыми болотами и выгорѣвшими лѣсами, отъ которыхъ кое-гдѣ уцѣлѣли одиночные, колоссальные, обезображенные кедры. По болоту еле пробираются ручьи, которые, добравшись до Байкала, низвергаются въ озеро. Плоскогорье изрѣзано оврагами, идущими къ озеру, и вы то скатываетесь по ихъ крутымъ склонамъ внизъ, то съ трудомъ подымаетесь наверхъ. Ближе къ Кабанскому, ручьи превращаются въ рѣчки, а дренированныя ими болота—въ сухія и плодородныя долинки. Кабанское—въ обширной долинѣ большой рѣки, Селенги.

Слѣдующую сотню верстъ, до Верхнеудинска, построеннаго при впаденіи Уды въ Селенгу, вы ѣдете вдоль Селенги по ея долинѣ. Долина то уже, то широка. Ближе къ рѣкѣ она плоска, дальше отлого подымается къ горамъ; затѣмъ, — довольно крутые лѣсистые склоны горныхъ цѣпей, съ обѣихъ сторонъ сопровождающихъ долину, а въ горахъ—болота, тайга, звѣрь, нѣтъ людей и холодъ: по утрамъ холодныя горы курились бѣлымъ паромъ, который долго не таялъ подъ знойными лучами солнца. Широкая, въ 150—200 саженей, быстрая, зеленоватая Селенга, то видна съ дороги, то прячется въ кудрявыхъ береговыхъ заросляхъ таловъ, яблонь, спирей и забайкальскаго береста, который тутъ зовутъ ильминой, небольшого суховершиннаго деревца, со свѣтлой корой, хрупкаго, очевидно, чувствующаго себя здѣсь не дома и занесеннаго Селенгой съ юга. Между двумя послѣдними предъ Верхнеудинскомъ станціями, Ильинской и Половинной, на протяженіи двадцати верстъ, вы ѣдете красивой и эффектной тѣсниной, по которой бѣжитъ Селенга. Дорога трудная, потому-что старый трактъ заняло полотно желѣзной дороги, и вы ѣдете по головоломной «времянкѣ»; но пейзажъ заставляетъ забывать объ этой непріятности. Тутъ вы увидите горы и скалы, какъ ихъ рисуютъ. Дорога лѣпится по узкому карнизу отвѣсныхъ обрывовъ. Смотря по тому, опускаетесь вы или подымаетесь, картины мѣняются: внизу вы ѣдете въ зеленыхъ пышныхъ кустахъ у самой плещущей воды; поднявшись, вы любуетесь извилинами зеленой рѣки и

красивыми скалами, украшенными растительностью. Въ одномъ мѣстѣ мы нагоняемъ и перегоняемъ неуклюжій колесный пароходъ, съ трудомъ подвигающійся противъ теченія, везущій чудотворную икону и толпу богомольцевъ изъ Лиственичной въ Верхнеудинскъ. Въ другомъ—видимъ перекинутый чрезъ рѣку желѣзнодорожный рѣшетчатый мостъ, который звенитъ подъ ударами рабочихъ, забивающихъ заклепки. Неподалеку выстроенъ большой цементный заводъ, гдѣ кипитъ работа. По всему пути до Верхнеудинска толпы рабочихъ устраиваютъ каменную дамбу, по которой скоро побѣгутъ желѣзнодорожные поѣзда. Солнце яркое, небо чистое, воздухъ прозрачный и благоухающій. Словомъ, тутъ и природа и человѣкъ, съ его мостами, дамбами, заводами и пароходами — молодцы. Это самый интересный и своеобразный кусокъ большого сибирскаго тракта.

За Верхнеудинскомъ — опять новыя картины. Верстъ около трехсотъ дорога идетъ долиной Уды, притока Селенги. Эту долину тутъ называютъ степью, и она дѣйствительно степь, но не по пейзажу, а по растительности. Это—узкая полоска степи, посреди которой течетъ рѣка, а по бокамъ подымаются небольшія зубчатыя горы. На горахъ—лѣсъ; на «степи»—ни кустика, а травы совсѣмъ степныя: ковыли, которые только теперь, во второй половинѣ іюля, начинаютъ выпускать свои шелковистые усы, пыреи и полынь. Здѣшнія травы, какъ и настоящія степныя, славятся своей питательностью, и бурятскія стада—рогатаго скота, лошадей и овецъ, пасущіяся на невысокой и невзрачной съ виду травкѣ, сыты и веселы. По Удѣ занимаются больше скотоводствомъ, и запашки невелики. По долинѣ тамъ и сямъ, отъ правой цѣпи горъ до лѣвой, разбросаны бурятскіе хутора изъ нѣсколькихъ избенокъ. Скирдъ хлѣба не видно, посѣвовъ мало; зато, то-и-дѣло, встрѣчаются орошаемые луга съ великолѣпной травой, по которымъ бѣгутъ по канавкамъ, перерѣзая дорогу, быстрые прозрачные ручейки. Теперь страда еще не началась, ни хлѣба, ни травы еще не готовы, и буряты заняты тѣмъ, что ѣздятъ другъ къ другу въ гости, верхомъ на своихъ маленькихъ гнѣдыхъ лошадкахъ, а по пути любуются природой, смотрятъ, какъ

летаютъ птицы, и разсматриваютъ ѣдущихъ по большому тракту. Въ праздности буряты гораздо бравѣе и интереснѣе, чѣмъ на работѣ. Такъ-какъ ѣдутъ въ гости, то всѣ прифранчены, особенно бурятки, въ китайскихъ шапочкахъ, съ большой шпилькой, которою проткнуты волосы на затылкѣ, съ нарумяненными щеками. Черные глазки безпечно блестятъ, а на лицѣ чрезвычайное любопытство. Эти глаза необыкновенно зорки, а любопытство необыкновенно наблюдательно. Говорятъ, что бурятъ—это живая мгновенная фотографія. Сколько бы онъ ни встрѣтилъ по дорогѣ проѣзжихъ и прохожихъ, онъ всѣхъ запомнитъ и черезъ годъ съ точностью опишетъ лошадей и телѣгу, на которыхъ ѣхалъ встрѣченный, его одежду, ростъ и лицо. Каждый встрѣчный бурятъ и бурятка непремѣнно присоединялись къ моему тарантасу и вступали въ бесѣду съ ямщикомъ или со мной.

Въ низовьяхъ Уды ея долина такъ и была долиной, глубоко лежавшей между горныхъ цѣпей. Чѣмъ дальше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ выше подымалось ея дно, тѣмъ меньше становились боковыя горы. Долина какъ-будто была засыпана землей, изъ которой торчали только самыя макушки горъ. Здѣсь долина становилась шире и уже въ самомъ дѣлѣ напоминала степь.

Въ то время, когда я ѣхалъ, долина Уды была очень хороша. Въ двадцатыхъ числахъ іюля здѣсь былъ май, во всей прелести его еще не потемнѣвшихъ травъ и листвы, съ его весенними благоуханіями, недушнымъ тепломъ и яркимъ солнцемъ. Воздухъ былъ удивительно прозрачный, горный,—вѣдь я находился на плоскогорьѣ, въ двѣ съ половиной тысячи футовъ. И придорожныя травы, и бурятскія избы по сторонамъ, и далекія горы были точно награвированы стальными рѣзцами. Небо необыкновенно чисто. Тѣни — густыя, почти черныя, такъ-что издали по степи онѣ лежали точно только-что вспаханный черноземъ. Краски цвѣтовъ на такомъ ослѣпительномъ солнцѣ горѣли. По ночамъ на небѣ зажигались тоже горныя звѣзды, крупныя, яркія, искрящіяся. Иногде попадались просто райскіе уголки, съ журчащими рѣчками, шелковыми травами и темнолистыми и бѣлоствольными рощицами молодыхъ березъ.

Среди этой оригинальной обстановки и встрѣчи бывали оригинальныя. Партія уволенныхъ въ запасъ солдатъ, шедшихъ изъ Уссурійскаго края домой, въ Сибирь, по ту сторону Байкала, — бравые, стройные, сухощавые сибиряки. За партіей тянется обозъ, везущій солдатскихъ женъ и ребятъ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ на дальній востокъ казна отправляла вмѣстѣ съ женатыми рекрутами и ихъ бабъ). Молодымъ солдаткамъ не сидится на телѣгахъ, и онѣ, въ городскихъ ситцевыхъ блузахъ, босикомъ, составляютъ пѣшій арьегардъ партіи. Въ сторонѣ отъ дороги расположился таборъ «сахалинцевъ», отбывшихъ срокъ наказанія и уволенныхъ съ острова для «пріисканія занятій» въ Сибири. Это все народъ семейный, зажиточный и степенный, — не какіе-нибудь бродяги. На Сахалинѣ они тоже «крестьянствовали» и работали, собрали денегъ и при первой возможности ушли.

— Отчего-же не остались на Сахалинѣ? Вѣдь, разжились тамъ.

— Очень ужъ неспокойно стало въ послѣдніе годы. Грабятъ, воруютъ. Выпустишь скотину, и ходи за ней слѣдомъ; отвернулся, — зарѣжутъ, да еще тебѣ-же мясо продадутъ. По ночамъ не спишь, съ ружьемъ дворъ караулишь. Бабамъ подальше по воду сходить, — и то опасно...

Чаще другихъ—встрѣчи съ переселенцами, впрочемъ, немногочисленными. Переселенцы, попадающіеся въ Забайкальѣ, идутъ въ Амурскую область или обратно изъ нея. «Амурецъ» — характерный типъ переселенца. На Амуръ идутъ зажиточные, семьянистые и слывшіе у себя на родинѣ толковыми людьми крестьяне. И всетаки какъ теменъ, какъ по-дѣтски легковѣренъ этотъ наиболѣе бравый мужикъ. На Амуръ онъ поднимается обыкновенно по письмамъ родныхъ или знакомыхъ, которые хвалятъ Амуръ. Земли—сто десятинъ на семью, травы сколько угодно, лѣсъ даровой, рыбу бьютъ палками, заработки отличные, дикаго меда — сколько хочешь, виноградъ растетъ какъ рябина. Начитавшись писемъ, представляетъ начальству узаконенные 375 рублей, которые долженъ имѣть амурскій переселенецъ, получаетъ разрѣшеніе на переселеніе и весело трогается въ путь. Желѣзная до-

рога доставляетъ его въ Канскъ. Въ Канскѣ, при содѣйствіи добраго «переселеннаго», покупаются телѣга и лошади. Укравъ на переселенческомъ пунктѣ пару хорошихъ веревокъ, а также, если возможно, выдернувъ изъ какой-нибудь двери желѣзный пробой, двигаются на колесахъ дальше. Путь по Енисейской и Иркутской губерніямъ—сплошная partie de plaisir. Тепло, зелено; молодежь собираетъ ягоды и купается; глава семьи доволенъ даровыми тучными травами, при которыхъ почти овса не нужно, и мечтаетъ объ Амурѣ. Но вотъ переправились чрезъ Байкалъ. Дорога — скверная, со всѣхъ сторонъ смотрятъ высокія горы, съ пастбищами тѣсно, овесъ и хлѣбъ чудовищно дороги. Расположеніе духа портится, но—впереди Амуръ, а тамъ нѣчто вродѣ рая. Вотъ и встрѣча съ кибитками, ѣдущими съ Амура. Съ жадностью начинаетъ мужикъ распрашиватъ побывавшихъ въ раю,— и волосы становятся у него дыбомъ. Ему сообщаютъ самыя вѣрныя, самыя свѣжія извѣстія: весь скотъ на Амурѣ передохъ отъ сибирской язвы и чумы, весь хлѣбъ на поляхъ затопило дождями водою по-колѣно, все сѣно унесли рѣки, поднявшіяся на десять саженей. По дорогамъ нельзя проѣхать и четверти версты, чтобы не увязнуть. Десять селъ смыло наводненіями, причемъ одну избу снесло, потомъ вода вырыла на ея мѣстѣ яму, а потомъ избу опять принесло и поставило въ яму такъ, что только крыша изъ ямы видна. Самъ генералъ-губернаторъ, по грудь въ водѣ, спасалъ народъ. Словомъ,— такое-же «народное творчество», какъ письма родныхъ объ Амурскомъ раѣ,—какъ былинные разсказы о богатыряхъ, выпивавшихъ единымъ духомъ чару въ полтора ведра, и о разбойникахъ, свистомъ заставлявшихъ людей валиться на земь и ползать окарачь. Слушатель вѣрилъ былинамъ, вѣрилъ «письмамъ родныхъ»; также вѣритъ и «разсказамъ обратныхъ». Словомъ,—русскій человѣкъ, живущій послѣдней книжкой журнала, тѣмъ, «что ему книжка послѣдняя скажетъ».

Напуганный «передній» начинаетъ входить въ подробности.

— Почемъ тамъ земля, на Амурѣ?

— Нипочемъ, а самая дорогая цѣна—три рубля за десятину.

А передній воображалъ, что цѣна та-же, что и на его старинѣ: не меньше ста рублей, т.-е., что его даровой стодесятинный надѣлъ стоитъ десять тысячъ.

— Много-ли дикаго меда?

— Перевелся дикій медъ.

А родные писали, что самая лѣнивая баба въ лѣто меньше пяти пудовъ меда не насбираетъ.

— Есть-ли виноградъ?

— Виноградъ! Со смородину величиной. Двѣ ягоды съѣшь,—языкъ коломъ станетъ, и весь ротъ въ кучу соберетъ: таково сладокъ виноградъ.

Эти подробности, уже не преувеличенныя, добиваютъ «передняго». Если онъ бѣлоруссъ, онъ теряется сразу, начинаетъ страдать безсонницей, останавливается гдѣ-нибудь у хорошей воды, на хорошей травѣ и, мучимый сомнѣніями, сидитъ тамъ, не трогаясь съ мѣста, днями. Малороссъ—упрямѣй. И на него нападаетъ безсонница, но онъ по ночамъ притворяется спящимъ. Онъ не останавливается и продолжаетъ ѣхать дальше. Онъ доѣзжаетъ до Читы, гдѣ садится на плотъ и плыветъ до Срѣтенска. Въ Срѣтенскѣ пересаживается на пароходъ и плыветъ въ Благовѣщенскъ. Въ Благовѣщенскѣ онъ выходитъ за городъ, убѣждается, что Зея, за которой лежитъ заселяемая площадь области, дѣйствительно сильно разлилась и унесла сѣно, что на дорогахъ дѣйствительно непролазная грязь, что амурскіе арбузы и дыни дѣйствительно плохи,—и возвращается назадъ, въ Екатеринославскую губернію. И напрасно: на Амурѣ не рай, но, какъ я потомъ видѣлъ, обтерпѣвшіеся мужики живутъ тамъ хорошо.

Печально, что не одинъ мужикъ въ Россіи такой мечтатель, а и такъ называемый «интеллигентъ», массовый интеллигентъ. Однажды я остановился у табора переселенцевъ. Двѣ кибитки полтавскія, три могилевскія, и чей-то тарантасъ. Тарантасъ оказался принадлежащимъ тоже переселенцу, съ Кубани. Бесѣдую съ полтавцами и могилевцами.

— А гдѣ-же кубанецъ?

— Отдыхаетъ.

— Кубанецъ, подойди, братъ, сюда!

Къ великому моему удивленію, въ отвѣтъ на мой зовъ изъ кустовъ и травы подымается фуражка вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ кокардой.

— Это вы кубанскій переселенецъ?

— Я. Позвольте познакомиться. Бывшій учитель уѣзднаго училища N, отставной коллежскій секретарь.

— Очень пріятно.

Мы раскланялись и стали бесѣдовать. Оказалось, N тяготился службой и имѣлъ склонность къ садоводству и огородничеству. На Кубани онъ, однако, не рѣшился заняться этимъ дѣломъ по причинѣ дороговизны земли и дешевизны плодовъ и овощей. Поэтому онъ рѣшилъ отправиться въ Хабаровскъ, гдѣ и намѣренъ заняться плодовымъ садоводствомъ.

— Но, возражаю я,—въ Хабаровскѣ до сихъ поръ не удавались русскія плодовыя деревья.

— Неужели? А я читалъ, что тамъ въ дикомъ состояніи растутъ виноградъ, абрикосъ, волошскій орѣхъ и даже пробковый дубъ.

— Растутъ, но все это — никуда не годныя мѣстныя разновидности. Какъ-же думаете вы получить землю?

— Я читалъ, что можно купить землю въ разсрочку.

— Къ сожалѣнію, теперь земля совсѣмъ не продается по близости желѣзной дороги.

— Неужели?! А ссуды на устройство хозяйства даются?

— Даются, но только крестьянамъ.

— Ахъ, какая досада! А я слышалъ совсѣмъ противное.

— Есть-ли у васъ средства добраться до Хабаровска?

— Повидимому, есть.

Потомъ оказалось, что средствъ было достаточно только повидимому. На самомъ дѣлѣ уже въ Читѣ понадобилось хлопотать о путевомъ пособіи. Другое путевое пособіе было выдано въ Благовѣщенскѣ. Въ Хабаровскѣ понадобилось уже пособіе на продовольствіе: съ интеллигентомъ шла семья изъ восьми душъ. Въ концѣ-концовъ N. опять занялъ мѣсто учителя, но уже не въ уѣздномъ, а въ народномъ училищѣ...

Долина Уды кончилась у той станціи, съ которой въ

темную ночь по невозможной дорогѣ насъ выправилъ горбатый станціонный писарь-мефистофель. На половинѣ перегона, когда путь сталъ уже совсѣмъ невыносимъ, когда тарантасъ, наѣзжая на какіе-то камни, ковыляя по какимъ-то ямамъ, готовъ былъ перевернуться, ямщикъ-бурятъ обернулся ко мнѣ:

— Это мѣсто мы *орелъ* зовемъ. Впередъ—ваше Амурское море. Назадъ—Байкальское море, наше.

Что это должно было означать, я не могъ добиться. Вѣроятно, бурятъ хотѣлъ сказать, что мы находимся на водораздѣлѣ системъ Амура и Байкала.

Сто верстъ, отъ верховьевъ Уды до подъема на Яблоновый хребетъ, мы ѣхали между озеръ, лежащихъ въ степи рыхлаго чернозема. Плодородная почва, жирный илъ озеръ сдѣлали эти озера яслями, закромами, полными всякой снѣди для рыбъ и птицъ. Никогда я не видалъ такихъ тучъ птицъ, какъ здѣсь. Безчисленныя чайки и мартыны кружили надъ водами и ловили рыбу. Надъ ними парили ястреба и громадные беркуты, насыщаясь чайками и мартынами. Утокъ—безъ числа. Невдалекѣ отъ дороги, не пугаясь звона моего колокольчика, степенно расхаживали жирныя дрофы. Въ воздухѣ носились красногрудыя сибирскія ласточки. Галокъ и воронъ были тьмы-темъ. Какъ-то надъ далекимъ лѣсомъ я замѣтилъ огромный столбъ дыма.

— Что это тамъ? спросилъ я ямщика.

Тотъ долго смотрѣлъ на лѣсъ.

— Должно-быть, уголь жгутъ, отвѣтилъ онъ.

Однако, дымный столбъ не былъ дымомъ. Сначала онъ принялъ видъ воронки, узкимъ концомъ къ землѣ,— смерчъ, должно-быть? Потомъ мало-по-малу онъ превратился въ силуэтъ сильно смятаго воздушнаго шара, съ наполовину выпущеннымъ газомъ. Дальнѣйшія превращенія были еще фантастичнѣй: шаръ удлинялся, растягивался и понемногу превратился въ извивающагося змѣя колоссальныхъ размѣровъ. Голова змѣя тянулась къ намъ, извивающееся тѣло все подымалось изъ лѣса, и все ему не было конца. Минутъ десять всматривался я въ эту полупрозрачную массу,—и сталъ различать, что она состоитъ изъ отдѣльныхъ точекъ. Еще черезъ десять ми-

нутъ стало очевидно, что эти точки—птицы. И наконецъ чрезъ наши головы потянулась безконечная вереница воронъ и галокъ, летѣвшихъ изъ лѣса, гдѣ онѣ пріятно провели день, на ночлегъ въ горы, виднѣвшіяся впереди насъ. Нигдѣ, ни даже въ Москвѣ, я не видѣлъ такихъ тучъ воронья.

У подножія Яблонова хребта лежитъ большая деревня семейскихъ старообрядцевъ, Беклемишевская. Старовѣры говорятъ, что они «изъ поляковъ». Это означаетъ слѣдующее. При Алексѣѣ и Петрѣ много людей старой вѣры бѣжали въ Витебскую и особенно Могилевскую губерніи, принадлежавшія тогда Польшѣ. При Елизаветѣ Петровнѣ, большой ревнительницѣ православія, съ согласія польскаго правительства въ мѣста жительства старовѣровъ были посланы войска и учинена облава на бѣглецовъ. Пойманнымъ предложили принять православіе и водвориться въ Россіи. Кто отказывался, тѣхъ съ ихъ семьями отправили въ Забайкалье. Это были ссыльные семейные, которыхъ, въ отличіе отъ обычныхъ ссыльныхъ одиночекъ, и прозвали семейскими. Въ воспоминаніе о пребываніи въ Польшѣ семейскіе и называютъ себя не поляками, а «изъ поляковъ». На самомъ-же дѣлѣ это идеально чистокровные великоруссы, великоруссы старые, не измельчавшіе, XVII и XVI столѣтій, типъ которыхъ сохранился тутъ, да кое-гдѣ по рѣчнымъ путямъ на сѣверѣ, среди оренбургскихъ казаковъ, на Дону. Великолѣпные люди, громаднаго роста, сухощавые, плечистые, съ небольшой головой, горбатыми носами, небольшими проницательными сѣрыми или большими огненными черными глазами. Движенія нервныя, порывистыя, но ловкія. Бабы похожи на мужиковъ: плоскогрудыя, съ мужской походкой. Мужики въ послѣднее время излюбили работу на золотыхъ пріискахъ, и тамъ «семейскій», обладающій лошадиной силой, работаетъ за троихъ обыкновенныхъ смертныхъ. Когда онъ ломаетъ замерзшую землю колоссальнымъ желѣзнымъ ломомъ, говорятъ, даже жутко на него смотрѣть. Семейскихъ, однако, на пріискахъ побаиваются. Ихъ не прижмешь:—сейчасъ чудовищные ломы въ руки и «суръезный» разговоръ. Иной разъ просто спьяна начнутъ шумѣть. Поди-ка, усмири ихъ:

противъ каждаго надо четверыхъ поставить. На пріискахъ семейскіе ходятъ въ высокихъ сапогахъ и въ блузахъ, подпоясанныхъ красными шарфами. Дома наряжаются въ плисовые кафтаны и мѣховыя шапки, поднятыя къ тульѣ поля которыхъ сзади связаны яркими лентами, бантомъ. Когда молодежь на масляницѣ устраиваетъ катанье, говорятъ, можно заглядѣться. Въ каждыя сани садится по нѣскольку. Одинъ живописно лежитъ, другіе обнявшись стоятъ, и такъ вереницей мчатся изъ конца въ конецъ села. Бабы, образецъ чистоплотности и опрятности, ходятъ въ старинныхъ богатыхъ сарафанахъ, съ кокошниками и шлыками на головѣ. Въ будни на головѣ—чалма изъ большого платка, нѣсколько сдвинутая на затылокъ, съ большимъ узломъ надо лбомъ. Эта чалма, вѣроятно, вынесена изъ «Польши». Въ XV вѣкѣ чалму носили польскія дамы высшихъ классовъ. Такую чалму вы можете встрѣтить и теперь въ какомъ-нибудь очень глухомъ бѣлорусскомъ еврейскомъ мѣстечкѣ на самой старой жидовкѣ. Среди семейскихъ въ Забайкальѣ чалма—непремѣнный головной уборъ старовѣрокъ. Великолѣпные люди, архаическіе, сохранившіе и наружность, и темпераментъ, и характеръ и костюмы въ томъ видѣ, какими они были на Руси двѣсти лѣтъ тому назадъ. Нашихъ историческихъ живописцевъ надо непремѣнно посылать въ Забайкалье, гдѣ они найдутъ живую исторію. Я отправилъ-бы туда г. К. Маковскаго, который для своихъ безспорно изящныхъ картинъ натурщиками беретъ петербургскихъ свѣтскихъ дамъ и кавалеровъ, представительныхъ, красивыхъ, но по происхожденію весьма мало русскихъ; г. Неврева, пользующагося моделями изъ среды пухлаго и золотушнаго московскаго купечества, и, въ особенности, г. Антокольскаго, изваявшаго Нестора съ стараго итальянскаго жида, Грознаго—съ гримированнаго актера, Петра, по вѣрному замѣчанію г. Буренина,—съ бѣшенаго кота въ сапогахъ, а Ермака — съ самаго себя, увеличеннаго въ пять разъ. Одинъ только г. Суриковъ, уроженецъ Сибири, вѣроятно, знающій и семейскихъ, понялъ русскаго историческаго человѣка и великолѣпно передалъ его въ своихъ картинахъ. Недаромъ въ третьяковской галереѣ понимающіе толкъ въ искус-

ствѣ иностранцы дольше всего останавливаются предъ картинами Сурикова, привлекаемые ихъ оригинальностью и выразительностью.

Перевалъ чрезъ Яблоновый хребетъ къ Читѣ не длиненъ, всего двадцать верстъ, и мало интересенъ. Дорога подымается довольно отлого. По сторонамъ — унылые лиственичные и сосновые лѣса, сильно поврежденные короѣдомъ и засохшіе, да въ ложбинахъ между лѣсовъ сѣрыя моховыя болота, поросшія осокой и карликовыми деревцами. Незамѣтно вы добираетесь до высшей точки хребта и круто спускаетесь въ долину Ингоды, самую обширную и просторную изъ видѣнныхъ вами по пути горныхъ долинъ. Кромѣ того,—вы—въ восточномъ Забайкальѣ, странѣ рѣзко отличающейся по своей флорѣ отъ западной части области. Западъ ея—почти та-же Сибирь. Востокъ—особая оригинальная ботанико-географическая область такъ-называемой даурской флоры. Тутъ свои травы, свои цвѣты, свои кустарники и деревья и свой особый пейзажъ. Но эти особенности начинаются за Читой, до которой по долинѣ Ингоды вы должны проѣхать еще тридцать верстъ.

Итальянцы представляютъ себѣ Москву крохотнымъ городишкомъ, потому-что называютъ ее Mosca, что значитъ *муха*. Съ именемъ Чита (città—городъ) у итальянца связывается представленіе о городѣ попреимуществу, то-есть огромномъ и великолѣпномъ городѣ. Въ дѣйствительности Чита одинъ изъ самыхъ жалкихъ притрактовыхъ городовъ Сибири. Улицы уныло широки и уныло пустынны. Домишки и церкви—деревянныя и маленькія. Магазины скромные. Гостинницы—вродѣ нижнеудинской. Даже губернаторскій домъ покривился, садикъ передъ нимъ усохъ, а у самаго подъѣзда, наоборотъ, огромная очень мокрая лужа. Скрашиваетъ Читу только ея положеніе между чудесныхъ островерхихъ зеленыхъ горокъ, полукругомъ обступившихъ ее съ сѣвера, востока и запада. На востокъ разстилается долина Ингоды, въ лугахъ и пашняхъ, замыкаемая синей довольно внушительной стѣной Яблоноваго хребта. Краситъ городъ и яркое забайкальское солнце. Въ тѣни 23 градуса, но читинцы жалуются на очень холодный іюль этого года. Обыкно-

венно въ іюлѣ должны стоять африканскіе жары. И жары эти нужны. Они за день нагрѣваютъ землю и воздухъ настолько, что тѣ не простываютъ за ночь. Если-же простынутъ, того и гляди, хлѣба прихватитъ утренникомъ. Мнѣ говорили, будто въ 91 году такой утренникъ былъ 29-го іюня и въ конецъ испортилъ хлѣбъ. Теперь боялись послѣ дождливаго и пасмурнаго дня ясной ночи: въ такомъ счучаѣ утренникъ былъ-бы неизбѣженъ. Къ счастью, и ночи бывали облачныя.

Въ Читѣ для меня возникъ мучительный вопросъ: какимъ способомъ ѣхать дальше? Настоящая «вода», вѣрный водный путь, начинается со Стрѣтенска, въ 360-ти верстахъ отъ Читы. Можно также ѣхать водою отъ самой Читы на плотахъ, но время отхода этихъ сооруженій и продолжительность плаванія, конечно, болѣе чѣмъ неизвѣстны. Сговорился я-было съ переселенцами, плыть на ихъ казенномъ плоту, даже бралъ лоцмана на свой счетъ, но эти милые люди, согласившись на то, чтобы я заплатилъ лоцману, кромѣ того, насажали такую толпу пассажировъ, конечно, платныхъ, — татаръ, евреевъ, китайцевъ, дѣвицъ подъ зонтиками,—что я отказался отъ удовольствія путешествовать въ этой компаніи. Приходилось снова лѣзть въ тарантасъ. Это не обѣщало удовольствія. Плоха, говорили мнѣ, дорога до Читы, а между Читой и Стрѣтенскомъ это уже кара небесная. Плоха она была и прежде, но теперь, когда полотно строющейся желѣзной дороги заняло старый трактъ, приходится ѣхать то по разливу рѣки, гдѣ можно утонуть, то по такимъ горамъ, что немудрено свернуть шею; а главное, поѣдете не быстрѣй семи, восьми верстъ въ часъ; когда генералъ-губернаторъ ѣхалъ въ Читу, его экипажъ больше несли на рукахъ, чѣмъ везли. Все это было неутѣшительно. Мерцалъ, впрочемъ, лучъ надежды на благодѣтельное село Митрофаново, въ 140 верстахъ отъ Читы, куда въ хорошую воду доходятъ пароходы. Теперь вода не велика, частные большіе пароходы едва-ли тамъ будутъ, но при удачѣ можно застать или желѣзно-дорожный или казачій пароходъ «Атаманъ», привезшій генералъ-губернатора и, въ ожиданіи его возвращенія, совершающій рейсы между Митрофановымъ и Стрѣтенскомъ.

Я снова въ тарантасѣ, а мои мысли въ Митрофановѣ. Всѣми средствами подгоняю ямщика. Быстро доѣзжаемъ до первой отъ Читы станціи, Усть-Глубокой,—и я въ ловушкѣ.

— Есть лошади?

— Нѣтъ лошадей.

— Когда будутъ?

— Черезъ пятнадцать часовъ.

— А земскіе лошади?

— Въ деревнѣ, въ семи верстахъ отсюда.

Оглядываюсь,—настоящая ловушка. Ущелье, по которому бѣжитъ ручей, а въ ущельѣ станція и три избы ямщиковъ, и ничего больше: ни земскихъ, ни междудворныхъ, ни дипшурныхъ,—никакихъ лошадей. Въ конурахъ станціи, въ позахъ отчаянія, сидятъ и лежатъ проѣзжающіе обоего пола. Предъ крыльцомъ взадъ и впередъ ходитъ взбѣшенный ожиданіемъ офицеръ. Зато олимпійски доволенъ станціонный писарь. Чело его безмятежно.

— Да, благосклонно говоритъ онъ,—наше мѣсто самое гиблое. Нѣтъ ни ѣды, ни питья, ни лошадей. Сами изволите видѣть, вы, ѣдущій по казенной надобности, и то должны ожидать пятнадцать часовъ. Что-же остальные! По недѣлькѣ живутъ.—Писарь вздыхаетъ и оканчиваетъ: — Почитаю-ко я газеты — И садится читать «Свѣтъ», доходящій до Усть-Глубокой, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на сороковой день.

На содѣйствіе олимпійца-писаря расчитывать было нечего, и я пошолъ по тремъ ямщицкимъ избамъ, въ надеждѣ найти какую-нибудь сострадательную душу, которая, за приличное вознагражденіе, конечно, сбѣгала-бы въ сосѣднюю деревню за земскимъ ямщикомъ. Дѣйствительность превзошла ожиданія: нашлась пара лошадей, которую ямщики именовали вольною. Были-ли эти лошади настоящими вольными или поддѣльными, въ «гибломъ» мѣстѣ нечего было разбирать. Торговаться тоже не приходилось. За двадцать верстъ взяли шесть рублей, да на чай—рубль, и, спасибо, вывезли изъ ловушки. Писарь нѣсколько омрачился при этомъ счастливомъ исходѣ. Офицеръ сталъ шагать передъ крыльцомъ еще яростнѣй.

Дорога оказалась дѣйствительно невозможной, но чрезвычайно красивой. Ѣдемъ вдоль Ингоды, которая, со скоростью девяти, десяти верстъ въ часъ, течетъ между горъ, то стѣсняющихъ рѣку, то разступающихся и образующихъ круглыя долинки. Правая цѣпь, склоны которой обращены на сѣверъ, не родитъ хлѣба по недостатку тепла и покрыта густыми темными борами. Лѣвая, пригрѣваемая полуденнымъ солнцемъ, безлѣсна; тутъ—поля и выгоны. На выгонахъ чудесная степная трава, на которой пасется жирный гнѣдой забайкальскій скотъ. На клочкахъ полей отличные хлѣба, зеленые овсы, начинающая бурѣть рожь, зацвѣтшая гречиха. Теперь послѣдніе дни іюля, но по хлѣбамъ и цвѣтамъ вы не опредѣлите времени лѣта. Цвѣты цвѣтутъ всѣ вмѣстѣ: осенняя генціана, лѣтняя кампанула, весенніе спиреи и піоны. Множество незнакомыхъ травъ и кустовъ: какія-то изящныя перистыя ивы, горошки съ цвѣтами въ видѣ звѣздочекъ, совсѣмъ неизвѣстные у насъ злаки. Попадаются цвѣты, которые у насъ встрѣчаются только въ садахъ: разныя лиліи, гемерокаллисы, дельфиніумы и вьющійся сепіумъ, съ крупными розовыми колокольчиками. Точно въ саду. И это—на далекомъ сѣверѣ Забайкалья. Какъ-же хорошъ долженъ быть югъ ея восточной Заяблоновой части, съ ея быстрыми рѣками, изящными горами и красивой и обильной даурской флорой. Кто ходилъ за Аргунь въ Манчжурію, говоритъ, что тамъ еще лучше, — лѣтомъ, разумѣется: не надо забывать о безконечно долгой, суровой сибирской зимѣ.

Подъѣзжаю къ Митрофанову и даже становлюсь суевѣренъ: гадаю, — есть тамъ пароходъ или нѣтъ. Когда въѣзжаемъ въ село, спрашиваю о томъ-же каждаго встрѣчнаго. Отвѣты неопредѣленны. Хотѣлось-бы скакать къ пристани въ галопъ, но невылазная грязь заставляетъ тащиться шагомъ. Вотъ показалась труба парохода, вотъ его бѣлый чистенькій корпусъ, а на кожухѣ — золотая надпись: «Атаманъ».

Уфъ! какъ ни полезно ѣхать на перекладныхъ, но довольно полезнаго, а, главное, довольно варварской обстановки станцій и сибирскихъ гостинницъ. «Атаманъ»— культурный пароходъ. Зеркальныя стекла, зеркала не

превращающія физіономій глядящихся въ рельефную карту Швейцаріи, умывальники, красивыя лампы, мягкія койки, блестящая мѣдь и лакированное дерево. Всѣхъ этихъ диковинокъ я не видѣлъ втеченіи двадцати-шести дней, съ 1-го іюля, когда я оставилъ вагонъ въ Канскѣ, по 26-ое, когда взошолъ на «Атамана». Передо мной до цѣли моей поѣздки, Благовѣщенска, еще 1.400 верстъ, но я ихъ не боюсь: меня повезутъ комфортабельные пароходы. Крутая «гора» кончилась, и начинается ровная дорога по «водѣ».

VI.

Вода.

Митрофаново стоитъ уже на Шилкѣ, которая на нѣсколько верстъ выше рождается изъ Ингоды и Онона. «Атаманъ» простоялъ у пристани еще сутки. Матросы, поглядывая на воду, заключали, что она прибываетъ, пока не особенно быстро, но обѣщаетъ большой подъемъ: становится мутной, плывутъ соръ и рогатыя сухія вѣтки, на рогатинахъ сидятъ и охорашиваются птицы. Это начиналось гибельное наводненіе, много бѣдъ надѣлавшее въ Забайкальѣ въ началѣ августа 1897 года.

На слѣдующій день, въ 4 часа пополудни, отчалили и лихо понеслись по теченію. Быстро мѣнялись картины. Зеленыя горки праваго берега Шилки, которыми мы любовались съ борта «Атамана», стоявшаго у лѣваго, смѣнились настоящими горами, съ камнемъ, со скалами, падавшими въ воду. Рѣчной долины больше нѣтъ; отъ нея осталась только узкая полоска плоскаго мѣста, на которой жмутся поселки и станицы забайкальскихъ казаковъ, а сейчасъ за избами начинаются «пади», первые склоны горъ. За первыми—вторые. За ними—крутизны, покрытыя лѣсами. Дальше—камень. Эти картины — уже невиданныя въ Россіи, это уже какая-то «заграница», но не европейская, а особенная, забайкальская, даурская. День былъ дождливый, сѣрый, и пейзажъ не поражалъ. Но лишь только выглянетъ солнце, онъ вспыхивалъ удивительными красками. Несмотря на дождь, воздухъ оста-

вался прозрачнымъ, какъ хрусталь. Основной тонъ картины—густой, теплый. Квадратныя поля на падяхъ лежали разноцвѣтными ковриками: бурыми—ржи, золотистыми — спѣющей пшеницы, зелеными — овса, и бѣлыми, какъ молоко,—цвѣтущей гречихи. Гречихою пахло по всей рѣкѣ. Зелень травъ, лѣсовъ на горахъ, прирѣчныхъ березъ была темна, точно у сосны зимою. Ближайшія каменныя горы горятъ на солнцѣ бронзой. Дальнія, подымавшіяся изъ-за первыхъ,—густое индиго. Эти великолѣпныя тяжелыя краски, потомъ видѣнныя мною въ открытомъ индѣйскомъ океанѣ, не скрадывали рисунка. Контуры были рѣзки и опредѣленны. Иногда появлялись радуги, и захваченныя ими части пейзажа окрашивались всѣми ихъ цвѣтами. Облака весь день не сходили съ неба совсѣмъ и неслись по нему прихотливыми клубами аспиднаго цвѣта съ мѣдно-красными просвѣтами. Въ хорошее сухое лѣто природа Забайкалья должна быть очень красива и еще болѣе оригинальна. Сюда, конечно, поѣдутъ наши пейзажисты, когда по Забайкалью пройдетъ желѣзная дорога и проѣздъ станетъ дешевымъ.

Какъ ни быстро бѣжалъ «Атаманъ», а наводненіе насъ перегоняло, Шилка вздувалась. Въ Нерчинскѣ вода была въ уровень съ берегомъ. Отъ пристани до города, лежащаго отъ рѣки въ двухъ, трехъ верстахъ, говорятъ, уже трудно добраться. Въ двухъ огромныхъ складахъ на самомъ берегу суета,—перекладываютъ товары съ пола на высокія подмостки. Двое сутокъ спустя и подмостки не помогли, стали заливаться водой. Владѣлецъ склада началъ грузить товары изъ амбаровъ на пароходъ. Рабочихъ нанялъ толпы, суета и спѣшка были страшныя. Рабочіе воодушевились и стали распарывать тюки, содержимое которыхъ казалось имъ подороже. Что нравилось, брали себѣ; остальное бросали въ воду. Спасеніе кончилось разгромомъ. Какой-то мелкій торговецъ, небогатый еврей, во-время успѣлъ нагрузить свой товаръ на плотъ. На грѣхъ случилось, что, когда онъ остался на плоту одинъ, плотъ сорвало и понесло по теченію. А рѣка мчалась верстъ по пятнадцати въ часъ, а на каждой верстѣ по нѣскольку скалъ и камней, которые отъ плота оставили-бы только щепки. По счастью, плотъ

идетъ совсѣмъ близко отъ берега. Еврей держитъ въ рукахъ бичеву и кричитъ народу на берегу, что онъ броситъ имъ веревку, а тѣ пусть подтянутъ его къ берегу.— «А двѣсти рублей дашь?» Еврей двухсотъ не далъ, а семьдесятъ-пять далъ.

Двѣсти тридцать верстъ, отъ Митрофанова до Срѣтенска, «Атаманъ» сдѣлалъ, считая и остановки, въ двадцать-шесть часовъ. Наводненіе значительно обогнало насъ: Шилка была уже на $2^1/_2$ сажени выше ординара. Срѣтенскъ былъ въ тревогѣ. Въ немъ много магазиновъ, вдоль Шилки версты на двѣ вытянулись склады; и тамъ и тутъ много добра, владѣльцы котораго съ тревогой смотрѣли на Шилку, которая становилась все болѣе и болѣ мутной. Пароходная пристань на сваяхъ, обыкновенно стоящая высоко надъ водою, была ею залита на аршинъ выше пола. Хозяева гостинницы, гдѣ я остановился въ ожиданіи парохода, идущаго въ Благовѣщенскъ, то-и-дѣло посматривали на берегъ, на которомъ стояла гостинница и который стало подмывать. Благоразумные комерсанты, имѣющіе пароходы, не отпускали ихъ и держали по близости своихъ складовъ. Около десятка пароходовъ стояло у набережной. Не обдадавшіе пароходами собирались выносить товары на мѣста повыше и приговаривали рабочихъ. Чернорабочіе тутъ почти исключительно манчжуры. Цѣлыя толпы ихъ бродили по берегу рѣки, или сидѣли группами, или спали. Тоже не русское, заграничное зрѣлище. Одежда этихъ господъ состоитъ только изъ брюкъ, украшеніемъ служитъ только черная коса, или висящая свободно, или кольцомъ обернутая кругомъ головы. Передняя часть головы выбрита. Голый торсъ, не отличающійся ни мощью, ни красотой, съ выдавшимися лопатками и ребрами,—грязно-желтаго цвѣта. Старики—сморщенные, съ побѣлѣвшими глазами, подслѣповатые. Молодые парни, съ большими черными глазами и круглыми лицами, были совсѣмъ русскія дѣвки изъ мѣстностей, гдѣ русскій народъ сдѣланъ изъ какихъ-нибудь монголовидныхъ людей, черемисовъ или чувашей.

А вода все прибываетъ. То, что несетъ рѣка, говоритъ о все возрастающей бѣдѣ, пока далеко отсюда,

на Ингодѣ, на Ононѣ, на другихъ болѣе мелкихъ рѣкахъ, текущихъ въ болѣе тѣсныхъ долинахъ. Поплыли дрова, показались бревна, крутясь въ водоворотахъ прошолъ полуразбитый плотъ съ уцѣлѣвшимъ рулевымъ весломъ. Наконецъ, проплыла цѣлая изба, съ крышей и окнами. Зрители относились къ этимъ признакамъ большой бѣды равнодушно, даже зубоскалили. Когда мимо плыла изба, одинъ изъ публики замѣтилъ другому:

— Смотри, малый, и съ печью плыветъ.

— Вижу, отвѣчалъ тотъ, а хозяева чаевничаютъ.

Вода превратилась въ шоколадъ, даже съ пѣной, крутилась водоворотами, рыла берега и текла все быстрѣе и быстрѣе. Подъ противуположнымъ берегомъ, на которомъ стояли новенькіе деревянные домики станціи будущей желѣзной дороги, въ водѣ показалось что-то живое; стали всматриваться и различили человѣка, который время отъ времени дѣлалъ знаки рукою. Въ одно мгновеніе «Атаманъ» спустилъ на воду шлюпку, и она стрѣлой помчалась къ человѣку. Вытащивъ его изъ воды, шлюпка понеслась противъ теченія и вытащила еще одного. Потомъ она заметалась то туда, то сюда, то вверхъ по рѣкѣ, то внизъ, то ближе къ берегу, то дальше,—и вернулась назадъ. Оказалось, съ того берега въ лодкѣ плыли двое китайцевъ и трое русскихъ. Русскіе были одѣты, какъ слѣдуетъ, и пьяны; китайцы трезвы и въ однихъ штанахъ. Лодка опрокинулась, одѣтые и пьяные русскіе ключомъ пошли ко дну, а трезвые и голые китайцы продержались на водѣ до тѣхъ поръ, пока одинъ не осѣдлалъ плывшей коряги, а другой не уцѣпился за пенекъ. Всѣ, даже спасенные китайцы отнеслись къ происшествію очень хладнокровно. Китайцы спокойно вышли изъ шлюпки и, не поблагодаривъ, пошли прямо, куда имъ было нужно. Ихъ земляки, на берегу, почти не смотрѣли на нихъ, а кто смотрѣлъ, такъ съ презрѣніемъ: утонувшаго, по китайскому повѣрью, беретъ къ себѣ Богъ, а спасшихся Богъ, очевидно, отвергъ. Русскіе о своихъ погибшихъ землякахъ спросили только, сколько ихъ было, и, узнавъ, что трое, тѣмъ и удовольствовались. Забайкальская дама изъ казачекъ, красавица полубурятка, смотрѣла на сцену спасанія китайцевъ въ бинокль

и не обнаруживала никакихъ признаковъ волненія. Когда со стороны рѣки снова слышались какіе-нибудь звуки, похожіе на крикъ, публика только шутила:

— Аль опять кто тонуть захотѣлъ?!

Отъ Стрѣтенска начинается та часть Сибири, которую называютъ Дальнимъ Востокомъ. Это уже не та Сибирь, которая лежитъ между Ураломъ и восточной границей Забайкалья. Та Сибирь—огромное захолустье, медвѣжій уголъ. На югъ отъ нея — пустыни центральной Азіи; на сѣверъ — тройное кольцо препятствій: болотистая тайга, тундра и, наконецъ, Ледовитый океанъ. Пока сибирское населеніе не дошло до Амура и Тихаго океана, оно чувствовало себя словно въ тупикѣ, откуда нѣтъ выхода, и куда рѣдко кто заходитъ. Съ пріобрѣтеніемъ Амура все измѣнилось. Великая рѣка представляетъ собою великую дорогу въ свободный океанъ. Правый берегъ Амура — не пустыня, а плодородная Манчжурія, вглубь которой ведутъ обширные рѣчные пути. Такіе-же пути проложила природа по Аргуни, Шилкѣ, Онону и Ингодѣ вглубь Забайкалья, по Зеѣ, Буреѣ и Амгуни—на сѣверъ Амурской области, и по Уссури—до южной части Уссурійскаго края. Океанскій портъ Владивостока связанъ съ Амуромъ желѣзной дорогой. Желѣзная дорога прорѣжетъ Манчжурію отъ юго-восточнаго угла Забайкалья до Владивостока. Эта часть Сибири, очевидно, не тупикъ. Ея сосѣди—громадный и богатый Китай, небольшая, небогатая, но энергичная Японія и великая сѣверо-американская республика. Рѣки, желѣзныя дороги и свободный океанъ даютъ странѣ международное, міровое значеніе. Дальній Востокъ—то-же, что при Екатеринѣ была Новороссія, но въ колоссальныхъ размѣрахъ. Вмѣсто Чернаго моря, и понынѣ запертаго на семь ключей, въ Босфорѣ, Суэзскомъ каналѣ, Дарданеллахъ, Аденѣ и Гибралтарѣ, — открытый Великій океанъ. Вмѣсто Днѣпра, Днѣстра и Дона—такой колоссъ, какъ Амуръ. И безграничныя пространства плодородной земли, громадные лѣса, неизмѣримыя пастбища, неисчислимыя стада рыбъ, золото, уголь и другія еще не изслѣдованныя естественныя богатства. Нѣтъ только людей. Приамурское генералъ-губернаторство составляетъ больше половины ($^3/_5$) Европей-

ской Россіи, а населенія въ немъ — неполный милліонъ, т.-е. меньше, чѣмъ въ Ярославской губерніи, одной изъ самыхъ небольшихъ, меньше чѣмъ въ Астраханской, которая въ Россіи считается слабо населенной. Населеніе Амурской области, по пространству равной Швеціи, равно населенію Астрахани или Баку, Приморской—на 34 тысячи душъ меньше Кіева; одно только Забайкалье можетъ поспорить по людности съ Варшавой. Когда населеніе Приамурскаго края по густотѣ сравняется съ Новороссіей, трудно сказать: ужь слишкомъ много пустырей, да еще пограничныхъ, боевыхъ, привлекающихъ и чужіе аппетиты, навалила на насъ исторія,—но о Приамурьѣ и теперь уже можно сказать, что оно живетъ иной жизнью, чѣмъ остальная Сибирь. Амуръ и океанъ, это — иной пульсъ, иная скорость кровообращенія, чѣмъ Обь, Енисей и Лена, уткнувшіяся, въ полярные льды, чѣмъ караванные пути и вьючныя тропы, ведущіе въ пустыню Центральной Азіи. Амуръ, Шилка, Зея, Уссури, даже манчжурская Сунгари уже и теперь оживленныя рѣки, по которымъ ходятъ около двухсотъ солидныхъ русскихъ пароходовъ, множество баржъ и китайскія лодки. Уже въ Митрофановѣ у берега виднѣлся рядъ пароходныхъ трубъ. Въ Стрѣтенскѣ то-и-дѣло шумѣли колесами и свистали приходящія и уходящія суда, а въ Благовѣщенскѣ, на перекресткѣ Амура и Зеи, работа и суета на набережной и пристаняхъ идутъ непрерывно. Амуръ уже и теперь напоминаетъ Волгу.

29-го іюля изъ Стрѣтенска отходилъ товаро-пассажирскій пароходъ «Духовской», но ѣхать на немъ я не рѣшился: слишкомъ мало комфорта. Каюты—подъ палубой и похожи на угольныя ямы; маленькіе иллюминаторы — подъ самымъ потолкомъ; поставлены желѣзныя кровати, съ грязнѣйшими, ничѣмъ непокрытыми мочальными матрасами. — Подождите до 31-го, говорили мнѣ, — тогда въ Благовѣщенскъ отправится почтовый пароходъ амурскаго общества пароходства и торговли «Посьетъ», «европейскій» пароходъ. — Дождался я и «Посьета», но Европа, которую я на немъ увидалъ, была въ рубищѣ и грязи. Потолки текли, бѣлье на постеляхъ не мѣняли съ начала навигаціи, буфетчикъ пьянствовалъ, какъ онъ говорилъ,

отъ неудачъ, терпѣлъ неудачу, какъ утверждали другіе, отъ пьянства; во всякомъ случаѣ, пріѣхавъ въ Благовѣщенскъ, онъ бѣжалъ отъ долговъ повару и поставщикамъ. Горничная была вполнѣ дѣвицей Дальняго Востока, гдѣ женщины въ рѣдкость,—неприступно гордая, ровно ничего не дѣлавшая и неизмѣнно окруженная всѣми кавалерами парохода. Главнымъ неудобствомъ было отсутствіе на пароходѣ фильтра для воды; а вода по причинѣ наводненія была коричневая, густая, дававшая четверть стакана илистаго отстоя. Пожалуй, фильтръ-то и былъ, но недѣйствующій: что-то процѣживающее воду было въ немъ разбито, дырку заткнули грецкой губкой, которая прокисла и загнила. Въ результатѣ, прибывъ въ Благовѣщенскъ, я сейчасъ-же отдалъ себя въ руки врача, на попеченіи котораго и находился нѣсколько дней.

Шилка, а потомъ Амуръ, между Стрѣтенскомъ и Благовѣщенскомъ, дѣлаютъ огромную дугу къ сѣверу. Стрѣтенскъ лежитъ подъ 52-ой параллелью; отъ Игнашиной до Албазина Амуръ течетъ по 53-ей съ половиной, а у Благовѣщенска пересѣкаетъ 50-ую съ четвертью. И пейзажъ, и климатъ, и картины людскихъ поселеній мѣняются нѣсколько разъ, но перемѣна идетъ къ чему-то новому, непривычному, непохожему на Россію, тянущуюся и по Сибири до Байкала, ни даже на оригинальное Забайкалье. Вотъ какъ записанъ въ моей путевой книжкѣ этотъ въѣздъ въ новую страну, въ область Дальняго Востока.

31-го іюля. Изъ Стрѣтенска вышли въ три часа дня. Былъ жаркій солнечный день. Шилка, по которой предстоитъ ѣхать еще больше трехсотъ верстъ, тутъ менѣе живописна, чѣмъ выше Стрѣтенска. Горы и скалы меньше. Чѣмъ дальше подвигаемся на сѣверъ, тѣмъ однообразнѣй лѣса, превращающіеся въ хвойные; въ падяхъ между горъ видны унылыя болота, напоминающія видѣнныя мною на Яблоновомъ хребтѣ. Меньше посѣвовъ. Поселки совсѣмъ невелики. Прибывающая вода подступаетъ почти къ завалинамъ избъ, но незамѣтно, чтобы казаки и мужики выносились и выбирались изъ домовъ. Въ газетахъ много смѣялись надъ рапортомъ одного забайкальскаго исправника, доносившаго начальству, что во время

наводненія онъ «понуждалъ жителей къ спасенію». А въ дѣйствительности такъ оно и было. По Шилкѣ и Амуру слали телеграмму за телеграммой о томъ, что въ верховьяхъ наводненіе небывалое, чтобы обыватели уходили на высокія мѣста. Но обыватели не вѣрили. — «Сильной воды съ 1863 года не бывало, говорили они,—тогда она не поднялась выше второго звена избы; ну, и теперь не поднимется».—А вода въ 1897 г. возьми да и подымись выше трубы. Тогда обыватели стали говорить, что они люди темные, грамоты не знаютъ, телеграммамъ не вѣрятъ... Еслибы наводненіе надвигалось не три дня, а втеченіе трехъ лѣтъ, еслибы исправники имѣли время серьезно «побуждать обывателей къ спасенію», — моглибы произойти сопротивленія властямъ, безпорядки и даже вооруженные бунты. Щедринъ хорошо зналъ, что онъ пишетъ, когда сочинялъ исторію города Глупова.

1-го августа.—Наводненіе надвигается. Шилка течетъ въ узкомъ ложѣ, а вода подымается съ большой быстротой. Она уже коснулась стѣнъ домовъ. Вода, особенно у поворотовъ, у скалъ, мчится съ поражающей быстротой. Чей-то плотъ привязанъ къ берегу, и какіе-то люди развѣшиваютъ на кустахъ свои мокрые пожитки: плотъ гдѣ-то выкупало, счастье, что не разбило. Въ Горбицѣ получена телеграмма, что въ Стрѣтенскѣ вода поднялась еще на сажень. За Горбицей Шилка течетъ почти въ ущельѣ, въ «щекахъ», живописныхъ, но не грандіозныхъ: не очень высокія желтыя и сѣрыя скалы, покрытыя рѣдкими иглами лиственницъ. Тутъ на протяженіи почти двухсотъ верстъ нѣтъ никакихъ поселеній, кромѣ семи почтовыхъ станцій, носящихъ названіе «семи смертныхъ грѣховъ». Въ распутицу, когда нѣтъ пути ни по водѣ, ни по льду рѣки, ѣдутъ берегомъ, по которому проложена вьючная тропа. Что такое эти тропы, я уже говорилъ, а станціи—это такія почтовыя учрежденія, гдѣ нѣтъ лошадей, и такія жилища, гдѣ нѣтъ мѣста для путника.

Весь день шолъ дождь и стало холодно, + 13° R. Къ вечеру прояснѣло; суровый сѣверный пейзажъ похорошѣлъ; на небѣ зажглись незнакомыя, новыя краски. Налѣво — горы, зеленыя, въ лѣсахъ; направо — наискось обрубленныя скалы. Надъ головой — прозрачно-голубое

небо. Ближе къ горизонту—мѣдно-красная облачная пелена, а на ея фонѣ—странныя сизо-зеленоватыя кучевыя облака, въ которыхъ играли зарницы. Скалы, направо, вдругъ кончились, и открылась низменная плоскость, клиномъ вдавшаяся въ горы. Это — «стрѣлка» при сліяніи Шилки съ Аргунью. Вотъ, устье Аргуни, такой-же большой рѣки, какъ и Шилка, и въ устьѣ небольшой зеленый островокъ. Ниже его опять появляются скалы, покрытыя лѣсами.

— Этотъ островъ нашъ, говорятъ мнѣ спутники.

Сначала я не понималъ смысла этого сообщенія. Понятно, нашъ: семь тысячъ верстъ я ѣду — и все было наше. Но потомъ я вспоминаю, что горы, ниже устья, лѣса на нихъ, сѣнокосы у ихъ подножія, мѣдныя и зеленоватыя облака надъ ними, съ зарницею въ облакахъ, это—Китай; что за этой чертой горъ лежитъ такой-же колоссъ, какъ и наша территорія.

У горъ эту территорію охраняетъ дюжина оборванцевъ съ косами и пиками, которые теперь варятъ себѣ ужинъ на кострѣ предъ входомъ въ полуразвалившуюся мазанку. Эти мазанка и оборванцы называются китайскимъ пикетомъ. Неподалеку отъ пикета къ китайскому берегу причалили наши баржи и плоты и тоже развели костры и косятъ траву для скота, который везутъ съ собой. Пикетъ получилъ за это на-чай и не препятствуетъ пользоваться китайскимъ добромъ. На такихъ-же основаніяхъ существовала и знаменитая лѣтъ десять тому назадъ золотопромышленная Желтугинская республика, основанная въ такихъ-же горахъ, какія мы видимъ теперь, подъ носомъ у такихъ-же пикетовъ, противъ казачьей станицы Игнашиной, которая, кстати сказать, обогатилась на счетъ желтугинцевъ, съ радости запила, все пропила и пьетъ и донынѣ, уже по инерціи.

Когда стемнѣло, остановились у станицы Покровской, уже на Амурѣ, который вдвое шире Шилки, набрали дровъ и ночью пошли дальше. На китайской сторонѣ все горы, одѣтыя лѣсами, а въ этой зеленой шерсти клочьями ходятъ холодные бѣлые туманы.

2-го августа.—Горы кончились,—и Амуръ снова смотритъ знакомой русской рѣкой, по берегамъ которой ле-

жатъ безграничные луга,—не поемные, однако, а «затопляемые», потому-что весеннихъ разливовъ нѣтъ, а подымается вода лѣтомъ, норовя сдѣлать это по возможности въ самый сѣнокосъ. Горы, и наши, и китайскія, отошли къ самому горизонту и слабо синѣютъ тамъ, только изрѣдка приближаясь къ рѣкѣ отдѣльными скалистыми холмами или группами ихъ. Такимъ Амуръ течетъ до Благовѣщенска, за которымъ, между станицами Радде и Екатерино-Никольской, рѣка опять попадаетъ въ каменные тиски Хингана. Тамъ опять пахнетъ «заграницей». Здѣсь-же, гдѣ мы плывемъ,—«Россія». Рѣка широка и въ общемъ не глубока. Въ мелководье и тутъ, какъ на Волгѣ или Днѣпрѣ, больное мѣсто—мели и перекаты. Есть на рѣкѣ плеса «разбойныя», гдѣ рѣка разбивается на множество рукавовъ, раздѣленныхъ низменными зелеными островками, отъ которыхъ вверхъ по теченію тянутся острые языки песчаныхъ мелей. Попадаются «кривуны», луки по-волжски; самый интересный изъ нихъ, въ видѣ французскаго S, — Корсаковскій кривунъ, гдѣ между двумя станціями по сушѣ 18 верстъ, а по рѣкѣ шестьдесятъ.

Пейзажъ однообразенъ, но температура и растительность мѣняются. Начиная съ историческаго Албазина, теперь небольшой казачьей станицы, мы спускаемся на югъ. Становится теплѣе. На холмахъ тѣ-же хвойные лѣса, но поемныя мѣста покрыты представителями новой, амурской, флоры. Зачѣмъ-то мы остановились ненадолго у острова и вышли на него. Мы очутились въ густой рощѣ ясеней и береста, среди непролазныхъ кустовъ бузины, черемухи и дерена. Травы были все незнакомыя, буйныя, грубыя. Незнакомыя однолѣтнія вьющіяся ползли по травамъ и кустамъ. Перистый папоротникъ свернулъ свои молодые листья въ огромныхъ толстыхъ червяковъ. Винограда, орѣха, абрикоса, сирени, жасмина и прочихъ диковинокъ Приамурья однако еще не было. Растительность острова, очевидно, было еще даурской, занесенной сюда изъ Забайкалья Аргунью; да и чувствовала она себя здѣсь не совсѣмъ дома: деревья были небольшія, суховерхія. Зато вполнѣ дома были громадные пѣгіе комары, которые очень скоро прогнали насъ съ своего острова на нашъ пароходъ.

3-го августа. Несмотря на утренній часъ и сѣрый день, тепло, +16°R. Впервые, переваливъ Уралъ, видимъ дубъ, амурскій дубъ, не въ видѣ деревьевъ, однако, потому-что деревья давно уже истреблены нашими усердными колонизаторами, а въ видѣ курчаваго кустарника, сплошь покрывающаго, на смѣну хвойнымъ и березѣ, прирѣчные холмы. Амурскій дубъ напоминаетъ бессарабскій «гнилой дубъ», съ крупнымъ остро-зубчатымъ листомъ и хрупкой древесиной. Въ перемѣшку съ дубомъ засѣли кусты орѣшника-лещины,—тоже первый орѣшникъ за Ураломъ, съ круглыми орѣхами.

4-го августа. Въ 8 часовъ утра мы проснулись въ Благовѣщенскѣ. Пароходъ уже причалилъ къ пристани. На лѣвомъ, плоскомъ берегу стоялъ Благовѣщенскъ, съ борта парохода представлявшійся большимъ и солиднымъ городомъ. Видны были нѣсколько куполовъ, вдоль набережной протянулись каменные двухъэтажные дома, у пристаней—десятокъ-другой пароходовъ и много баржъ. Видна зелень садовъ. Вдали подымаются двѣ-три фабричныя трубы. Еще дальше—плоскія глинистыя высоты. Съ другого борта виденъ могучій, широкій и спокойный Амуръ и безконечный, низменный, ровный, какъ столъ, китайскій берегъ, на которомъ прячутся въ бережоныхъ кладбищенскихъ рощицахъ мазанные глиной, бѣленые и небѣленые одноэтажные дома и домики китайскаго городка, Сахалина. Оттуда на нашу сторону плывутъ китайскія лодки, везущія на благовѣщенскій базаръ овощи, арбузы, дыни и живую и битую птицу. Очень тепло, градусовъ двадцать, тихо; влажный и теплый воздухъ нѣжитъ,—точно изъ Петербурга переѣхалъ куда-нибудь въ Кременчугъ или Екатеринославъ. Когда я на извощикѣ спѣшилъ къ доктору, который долженъ былъ спасать меня отъ послѣдствій гигіеническихъ условій «Посьета», я проѣхалъ мимо сада, заборъ котораго былъ увитъ амурскимъ виноградомъ, въ которомъ росли амурскія грушевыя деревья съ такими гладкими стволами и такимъ пышнымъ листомъ, что я готовъ былъ принять ихъ за какіе-нибудь французскіе сорта.

Докторъ уложилъ меня на три дня въ постель. Лишь только я водворился въ сырой конурѣ, именуемой «но-

меромъ», съ окномъ, выходившимъ въ заборъ, съ платою по $2^{1}/_{2}$ рубля въ сутки, начался дождь, амурскій мусонный лѣтній дождь, и продолжался трое сутокъ день и ночь,—неослабѣвающій спорый ливень, къ которому я безъ всякаго удовольствія прислушивался, лежа въ постели и глотая лѣкарства.

VII.

Дальній Востокъ.

Въ Амурской и Приморской областяхъ — на нашемъ Дальнемъ Востокѣ—я прожилъ нѣсколько дольше, чѣмъ въ остальной Сибири. Однако, и тутъ я видѣлъ только незначительныя части этихъ — не областей, — а прямо странъ. Земледѣльческая ихъ полоса не идетъ сѣвернѣй 52-ой параллели. Мѣстности, лежащія ниже, тоже не повсюду годны для землепашества: препятствіемъ служатъ болота, горы и первобытная тайга. До сихъ поръ русскіе пахари осѣли только на самыхъ удобныхъ мѣстахъ, оазисами и островами. Главные населенные оазисы находятся, въ Амурской области, на равнинѣ между рѣками Зеей и Бурьей, въ Приморской — на сѣверъ отъ Владивостока, тоже на равнинѣ, окружающей озеро Ханку. Кромѣ того, цѣпочками тянутся поселенія по рѣкамъ Амуру и Уссури. Эти двѣ рѣки заняты уже сплошь отъ верховьевъ до устьевъ. По Зеѣ люди поднялись всего на двѣсти верстъ, по Бурьѣ — и того меньше. Я познакомился только съ этими оазисами и цѣпочками, да успѣлъ заглянуть въ Зейскую Пристань, пріисковый городокъ въ глубинѣ горъ и тайги. Что такое страна внѣ этихъ предѣловъ, мало кому извѣстно, даже географамъ. Да географы, пожалуй,—самые несвѣдущіе люди по этой части, и ихъ можетъ пристыдить любой якутъ, манегръ или амурскій казакъ, походившій по областямъ. Географія нашего Дальняго Востока въ самомъ дѣлѣ курьезная вещь. Въ Благовѣщенскѣ мнѣ показали карту Амурской области, съ нанесеннымъ на нее направленіемъ проектированной, но такъ и оставшейся въ проектѣ, желѣзной дороги. На картѣ я, къ великому удивленію, увидѣлъ,

что желѣзную дорогу, на участкѣ между Бурьей и Хабаровскомъ, собирались вести какъ разъ по гребню горнаго хребта. Я былъ готовъ приписать это фантазіи инженеровъ, однако, гг. инженеры объяснили, что тутъ играла не ихъ фантазія, а фантазія географовъ; именно, тамъ гдѣ послѣдніе изобразили хребетъ, на самомъ дѣлѣ находится рѣчная долина, хребетъ-же лежитъ верстъ на сто южнѣе. Другой образчикъ недостаточности нашихъ географическихъ познаній таковъ. Одна золотопромышленная компанія Амурской области нашла золото въ Якутской. Прикинувъ на картахъ, увидѣли, что везти на новые пріиски машины, провіантъ и людей слѣдуетъ изъ Иркутска въ Якутскъ, и только ужь изъ Якутска спускаться на югъ. Такъ и сдѣлали; и такъ дѣлали до тѣхъ поръ, пока какому-то якуту не вздумалось сдѣлать прогулку изъ «резиденціи» якутскихъ пріисковъ компаніи по направленію къ Амурской области. Якутъ гуляетъ по тайгѣ день, другой, третій, и на пятый или на шестой день вдругъ выходитъ къ амурскимъ пріискамъ той-же компаніи. Сталъ онъ разсчитывать разстояніе по времени, которое провелъ въ прогулкѣ, и оказалось, что прошелъ онъ верстъ сто съ небольшимъ, тогда-какъ по географіи это разстояніе равнялось верстъ сотнямъ восьми. Конечно, сейчасъ-же провели хорошую вьючную тропу въ сто верстъ и стали возить все нужное якутскимъ пріискамъ по ней, а не тысячеверстнымъ кружнымъ путемъ.

Эта сибирская географія, эти сибирскія разстоянія между прочимъ во многомъ ослабляютъ благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы въ Сибири. Такъ, Корсаковскій мировой судья на Сахалинѣ долженъ, въ качествѣ слѣдователя, раскрывать преступленія, а въ качествѣ судьи карать ихъ на пространствѣ половины острова Сахалина и... на Командорскихъ островахъ. На послѣднихъ-же, говорятъ, сравнительно недавно мѣстный начальникъ осенью уѣзжалъ въ Санъ-Франциско, гдѣ и жуировалъ до весны, когда открывалась на его островахъ навигація; тогда онъ поспѣшалъ къ мѣсту и, встрѣчая пароходъ, который разъ въ годъ привозилъ почту, рапортовалъ, что зима прошла благополучно. Другой мѣстный начальникъ, нѣсколько южнѣе Командорскихъ

острововъ, объявилъ себя богомъ и имѣлъ большой успѣхъ у подчиненныхъ ему дикарей, которые начали ему воздавать соотвѣтствующія почести. Это дошло до начальства, которое и отправило чиновника произвести дознаніе. Въ первую навигацію дознанія, однако, не удалось сдѣлать, потому-что, едва дикари увидѣли приближавшійся пароходъ, какъ похитили своего бога и скрыли, а его канцелярія, чувствовавшая себя въ качествѣ, такъ сказать, «небесной канцеляріи», недурно, донесла, что г. начальникъ отбылъ по дѣламъ службы, этакъ тысячи за двѣ верстъ. Пришлось вернуться ни съ чѣмъ. Въ слѣдующую навигацію поступили хитрѣе. Пришли, опять услышали, что г. начальникъ въ тундрѣ, сдѣлали видъ, что повѣрили, и ушли. Когда стемнѣло, пароходъ снова вернулся и увидѣлъ поразительное зрѣлище. Полчища дикарей въ торжественной процессіи несли своего бога, одѣтаго въ мундиръ полицейскаго чиновника шестого класса. Шаманы били въ бубны и воспѣвали избавленіе бога отъ опасности; богъ пилъ водку, а народъ воздавалъ ему почести, кружился въ религіозной пляскѣ, приносилъ жертвы, женщины отъ избытка чувствъ рыдали... Дознаніе немедленно-же обнаружило, что г. начальникъ допился до этого благополучія, быть богомъ. Его стали лѣчить, вылѣчили, но изъ службы исключили. Мнѣ называли его имя, отчество и фамилію. Такова географія, таковы нравы этой далекой окраины. Тутъ, всего два года тому назадъ, чины, которымъ ввѣрено было охраненіе морскихъ котиковъ отъ хищниковъ, вошли съ послѣдними въ стачку, за что и были судимы во Владивостокѣ осенью 1896-го года. Тутъ одинъ полицеймейстеръ публично въ клубѣ заявилъ, что ему не было-бы расчета промѣнять свое мѣсто на генералъ-губернаторское. Въ Сибири есть полицейскіе чины, которые получаютъ въ годъ законныхъ доходовъ тысячъ по двадцати-пяти и шутя въ одинъ присѣстъ проигрываютъ въ карты тысячи по двѣ. Вотъ атмосфера Сибири, вообще, и дальней въ особенности. Надо, однако, сказать, что она очищается, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ быстрѣй. Сибирь все больше и больше «присоединяется» къ Россіи, просвѣщенная

власть все больше отвоевываетъ значенія у сибирскаго произвола и сибирскихъ денегъ.

Итакъ, я видѣлъ только югъ Амурской и Приморской областей, только земледѣльческую часть огромнаго края, наиболѣе культурную, торговую и промышленную. Я не былъ даже въ Николаевскѣ; объ Охотскѣ, Камчаткѣ, Командорскихъ островахъ, Анадырѣ можно было только мечтать. Изъ городовъ Дальняго Востока я видѣлъ Благовѣщенскъ, Хабаровскъ и Владивостокъ, въ которыхъ сосредоточились зачатки культуры: Благовѣщенскъ—торговый городъ, Хабаровскъ — административный центръ, Владивостокъ — портовый, но больше военный городъ. Начну съ перваго.

Благовѣщенскъ — сибирскій югъ, похожій на русскій степной приднѣпровскій югъ, на Екатеринославъ или Кременчугъ. Широкій Амуръ, безграничная плоскость за Амуромъ на китайской сторонѣ, и такая-же подобная морю равнина на нашей, за Зеей, впадающей въ Амуръ у Благовѣщенска. Дожди поутихли, и съ недѣлю простояли свѣтлые дни. Въ это время, несмотря на половину августа, солнце грѣло тоже по-екатеринославски, и температура поднималась до $+20^0$ R. въ тѣни. Китайцы привезли съ той стороны южныя овощи,—томаты, баклажаны, арбузы и дыни; здѣшніе арбузы и дыни—плохіе, толстокожіе и безвкусные, европейскія сѣмена вырождаются уже на второй годъ. Улицы Благовѣщенска очень широки и правильны, какъ и во всѣхъ русскихъ новыхъ городахъ; такъ-же онѣ и не мощены, въ сухую пору песчаны и пыльны, а въ дождь грязны. Дома, къ окраинамъ, деревянные, одноэтажные, съ садиками; главная улица каменная. Главная улица говоритъ, что Благовѣщенскъ не шутка-городъ. Дома солидные и красивые, магазины богатые, съ зеркальными окнами, съ франтоватыми господами, вмѣсто обыкновенныхъ приказчиковъ. Господа иностранные комерсанты ѣздятъ въ богатыхъ колyскахъ на рысакахъ; русскіе купцы, больше изъ сектантовъ, катаются тоже на рысакахъ, но въ одиночку, въ плетюшкѣ, и сами правятъ. Въ клубѣ всегда оживлено, и не только вечеромъ, но и во время обѣда, когда сходятся чиновники, военные, коммерсанты, пароходчики,

золотопромышленники, инженеры и даже путешественники. Инженеры особенно долго гостили въ Благовѣщенскѣ, потому-что никакъ не могли выѣхать въ Манчжурію, гдѣ имъ предстояли изысканія. Между путешественниками немало и иностранцевъ. Я видѣлъ какого-то итальянца, въ дырявомъ плэдѣ и необыкновенно длинныхъ сапогахъ, очень худого и унылаго. Передо мной проѣхалъ французскій ученый, г. Легра. Гостили въ Благовѣщенскѣ американскіе миссіонеры, въ подрясникахъ, съ бородами, съ полудлинными волосами, которые, какъ только вошли въ гостинницу, подняли перстъ къ небу и по-католически перекрестились въ знакъ того, что они христіане, и вынули кошельки въ удостовѣреніе, что они не нищіе и заплатятъ за обѣдъ. Наконецъ, Благовѣщенскъ посѣтилъ помощникъ начальника главнаго штаба японской арміи, генералъ-лейтенантъ виконтъ Каваками, съ тремя штабными офицерами. Японцы — маленькіе человѣчки, ростомъ съ сицилійскаго итальянца, такіе-же франтоватые, чистенькіе и бравые; кстати и военное платье ихъ похоже на итальянское. Наши офицеры, въ мундирахъ складками, съ длинными волосами и бородами, казались куда мужиковатѣй пріѣзжихъ японцевъ. Виконтъ принадлежитъ къ чистой японской расѣ: овальное лицо, большіе черные глаза, орлиный носъ и свѣтлая кожа; его спутники были «братсковатые», съ огромными скулами и усами, въ видѣ иглъ дикобраза. Японцы не одобрили благоустройства Благовѣщенска, что съ полной откровенностью и высказали. Обыватели соглашались и даже уже отъ себя прибавляли, что благоустройство у нихъ дѣйствительно «свинское», а причиною то, что городское самоуправленіе забрали въ руки купцы, а не «интеллигенція». Вскорѣ послѣ моего отъѣзда самоуправленіе перешло къ этой интеллигенціи, но я убѣжденъ, дѣла пойдутъ попрежнему плохо, на этотъ разъ уже отъ «непрактичности».

Недостатки самоуправленія не задерживаютъ, однако, роста Благовѣщенска. Основанный въ 1856 году, десять лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ 18,000 жителей, а теперь считаетъ 32,000 душъ. Берега Амура и Зеи оживлены многочисленными пароходами. Сотни китайцевъ кладутъ

новые каменные дома на главной улицѣ и на Амурской набережной. Купцы торгуютъ на славу: гг. Кунстъ и Альбертсъ поставили дворецъ, освѣщаемый электричествомъ, на улицѣ; а г. Чуринъ затмилъ ихъ дворцомъ на площади, съ башнями, куполами и статуями. Очень много солидныхъ магазиновъ другихъ фирмъ, русскихъ и иностранныхъ. Множество китайскихъ лавокъ, много японскихъ ремесленниковъ и мастеровыхъ. Все дорого, но и денегъ много,—у всѣхъ, отъ золотопромышленниковъ до прислуги, за исключеніемъ тѣхъ чиновниковъ, что живутъ только жалованьемъ: жалованье здѣсь противъ Россіи полуторное, а цѣны на все въ два съ половиною раза больше. Шире всего живутъ пріисковые рабочіе, которые по свято соблюдаемому обычаю въ нѣсколько дней прогуливаютъ въ Благовѣщенскѣ принесенныя съ пріисковъ сотни, а иной разъ и тысячи рублей. Гуляютъ нелѣпо, безумно. Разъѣзжаютъ по улицамъ на коровахъ, причемъ прихлебатели справа подаютъ гуляющему мужлану стаканы Помри-Сэкъ, а слѣва — Вёвъ-Клико. Изъ магазина въ кабакъ стелютъ дорожки изъ матерій, которыя потомъ дарятъ толпѣ. Накупаютъ органовъ, биноклей, часовъ, клистирныхъ трубокъ, принимая послѣднія за телескопы. Господа комми иностранныхъ магазиновъ-дворцовъ въ это время изысканно любезны съ пріисковыми мужланами и не выражаютъ претензій на бездѣятельность полиціи, которая не сажаетъ обезумѣвшихъ алкоголиковъ въ холодную. Между тѣмъ, еслибы это дѣлалось, безобразіе было-бы прекращено, и мужланы донесли-бы свои деньги, которыя могутъ составить счастье цѣлой семьи, до дома. Я присутствовалъ при первыхъ попыткахъ въ этомъ направленіи. Онѣ были весьма рѣшительны: пріисковыхъ, пріѣхавшихъ на пароходахъ, оцѣпляли и не освобождали до того времени, пока они не сядутъ на новый пароходъ, везущій ихъ домой, внизъ или вверхъ по Амуру. Благовѣщенскіе коммерсанты и кабатчики склонны были видѣть въ этомъ актъ насилія и грубѣйшее «усмотрѣніе».

Благовѣщенскъ—живой городъ, но умереть въ немъ очень легко. Васъ могутъ убить намѣренно или случайно. Когда я за городомъ осматривалъ переселенческіе бараки,

надо мной частенько визжали пули: сторожъ объяснилъ, что сюда, за городъ, обыкновенно пріѣзжаютъ пробовать «винчестера», и что потому ему, сторожу, жить тутъ непріятно. Пока я находился въ Благовѣщенскѣ, на недѣлю приходилось ровно по одному убійству, съ цѣлью грабежа и безъ этой цѣли. У меня было очень мало знакомыхъ, но всѣхъ ихъ обокрали, кого «давно», мѣсяца два тому назадъ, кого на-дняхъ. Первое, что я прочелъ въ мѣстной газетѣ, были слѣдующія строки: «На Офицерской улицѣ въ кустахъ (!) найденъ трупъ китайца, пролежавшій не менѣе шести мѣсяцевъ, такъ-какъ отъ трупа остались лишь скелетъ да коса». Одинъ судебный чинъ нашолъ въ подпольѣ квартиры, на которую онъ переѣхалъ, трупъ удавленнаго. Подполье было полно воды, которая просачивалась въ колодезь; дня два изъ этого колодезя брали воду и дивились ея непріятному вкусу. На одной изъ бойкихъ улицъ въ восемь часовъ утра ограбили и убили отставного чиновника, предварительно изъ ружей перестрѣлявъ его дворовыхъ собакъ. Незадолго до моего пріѣзда обворовали буфетъ губернатора.

Благовѣщенскъ — живой городъ, но сноситься изъ него съ остальнымъ міромъ весьма затруднительно. Когда нѣтъ по Амуру ни ледяной, ни водной дороги, къ услугамъ путешественниковъ и почты остается на протяженіи болѣе двухъ тысячъ верстъ вьючная тропа. Почта и телеграфъ Сибири вообще, а Дальняго Востока въ особенности, нѣчто весьма капризное. Большую часть года они совсѣмъ не работаютъ. Телеграфъ то горитъ отъ паловъ, то тонетъ въ наводненіяхъ; а почему вдругъ перестаетъ ходить почта, я ужъ и не понимаю. Телеграммы сѣвернаго агентства отъ 12-го іюля я читалъ въ Благовѣщенскѣ тридцать-перваго іюля, номеръ иркутскаго «Восточнаго Обозрѣнія» отъ 16-го іюля попалъ въ руки благовѣщенскихъ его подписчиковъ только 12-го августа; московскія газеты достигали береговъ Амура чрезъ мѣсяцъ и десять дней. Иногда происходили «залежи» почты, и въ такомъ случаѣ Благовѣщенскъ получалъ сразу пятнадцать, двадцать номеровъ газеты и, подавленный такимъ количествомъ, не читалъ ихъ.

Характеръ Хабаровска иной. Это пока центръ искусственный, административный, нѣчто вродѣ молодой столицы края. Стоитъ городъ великолѣпно, на очень высокомъ скалистомъ отвѣсномъ обрывѣ къ Уссури, впадающей тутъ же въ Амуръ. Устье Уссури, шириною почти въ три версты, представляетъ собою величественное озеро, окаймленное высокими массивными островерхими горами хребта Хехцыря, покрытыми лѣсомъ. На самомъ берегу распланированъ хорошій, уже не молодой паркъ, съ зелеными лужайками и всѣми рѣдкостями амурской флоры, отъ амурской сирени до орѣховыхъ, бархатныхъ и даже пальмовидныхъ, но низенькихъ чортовыхъ деревьевъ. На выдающемся въ Уссури утесѣ, у подножія котораго вода, гонимая водоворотомъ, течетъ вспять, на эффектномъ пирамидальномъ пьедесталѣ, стоитъ колоссальная статуя Муравьева-Амурскаго, того самого, котораго министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде хотѣлъ предать суду за присоединеніе амурскихъ земель. Садъ, монументъ, водная поверхность, противоположныя горы, картина амурской равнины вправо, удивительныя по краскамъ зори Дальняго Востока—даютъ прекрасную и величественную декорацію. Зданія набережной очень изящны и красивы. Это маленькіе дворцы, какъ извнѣ, такъ и внутри: домъ генералъ-губернатора, военное собраніе. Изященъ и стоящій тутъ-же соборъ. Остальной городъ, если не считать квартала монументальныхъ военныхъ складовъ и казармъ, совсѣмъ не то, что его оффиціальная часть. Въ немъ всего девять тысячъ жителей, деревянные домики очень скромны, въ предмѣстьяхъ—обыкновенныя избы. Къ достоинству Хабаровска должно отнести многочисленные садики при домахъ съ тѣми-же амурскими растительными диковинами, что и въ общественномъ саду, съ прибавкой фруктовыхъ деревьевъ средней полосы европейской Россіи. Послѣднія, несмотря на положеніе города подъ 48° широты (параллель Каменца-Подольскаго и Царицына), оказываются тутъ не вполнѣ выносливыми. Зато Хабаровскъ имѣетъ собственное вино изъ туземнаго винограда, которое совсѣмъ можно пить. Хабаровскій винодѣлъ, г. Хлѣбниковъ, на Нижегородской выставкѣ 1896 года даже получилъ за свое вино медаль.

«Черная половина» Хабаровска вначалѣ произвела на насъ удручающее впечатлѣніе. Пароходъ пришолъ поздно вечеромъ. По очень крутому спуску насъ взвезли въ темныя улицы, обставленныя маленькими домиками, покружили по нимъ, то взбираясь на гору, то скатываясь съ горы, и остановились у совершенно карточнаго флигеля такой-же карточной гостинницы, носившей названіе «отеля». Во флигелѣ намъ отвели кривую, косую и сырую комнату, отъ которой вѣяло чѣмъ-то «достоевскимъ», обстановкой «Бѣсовъ», «Преступленія и Наказанія», «Карамазовыхъ». Прислуживали ссыльно-поселенцы, горнозаводскій Андрей, убившій жену, и полякъ Алексѣй изъ солдатъ, сосланный за оскорбленіе въ пьяномъ видѣ офицера. Изъ флигеля мы перешли въ «отель» ужинать. Поваръ-армянинъ — тоже ссыльный, но за что, не говоритъ. Хозяинъ—ссыльный, хотя и утверждаетъ, что пріѣхалъ въ край въ качествѣ подрядчика при постройкѣ желѣзной дороги. Впрочемъ, очень много подрядчиковъ, бывшихъ сахалинскихъ каторжниковъ, которые нынѣ разбогатѣли, приняты въ «обществѣ» и дружны съ инженерами; значительная часть рабочихъ — тоже сахалинцы, такъ-что надъ дорогой какъ бы вѣетъ духъ каторги, прошедшей, настоящей и будущей. Вѣяло этимъ и въ общей залѣ отеля. Выбитый кирпичный полъ, низкіе потолки; кругомъ—лица, которыя встарь носили бы клейма; въ сосѣдней комнатѣ на бильярдѣ играютъ подозрительныя личности; въ залѣ, то появляются, то исчезаютъ особы женскаго пола неуловимаго общественнаго положенія, называющія себя «гражданскими женами» инженеровъ и подрядчиковъ. Когда мы узнали, что во флигелѣ, за перегородкой, рядомъ съ нашей комнатой, квартируетъ шесть корейцевъ, состоящихъ во временномъ бракѣ съ тремя японками, мы совсѣмъ пріуныли и заставили дверь табуретами, въ неустойчивомъ равновѣсіи, съ такимъ расчетомъ, чтобы они рухнули при первой же попыткѣ отворить дверь. Револьверы были заряжены, курки взведены, и мы приготовились дорого отдать свою жизнь всѣмъ этимъ каторжникамъ. Каторжники оказались, однако, премилыми людьми и впослѣдствіи втеченіе цѣлой недѣли нашей хабаровской жизни усердно при-

служивали, вкусно кормили, но зато и драли немилосердныя деньги.

Населеніе города, какъ и его зданія и улицы, тоже дѣлится на двѣ отличныя половины. Одну составляютъ чиновники и офицеры, очень свѣтскіе и элегантные, если они стоятъ близко къ генералъ-губернатору, и просто приличные и аккуратные; другая состоитъ изъ массы населенія, смѣси каторжника съ переселенцемъ. Отличительная черта человѣка изъ массы, это—сытость. Сытъ и хорошо одѣтъ солдатъ, бравый сибирякъ. Сытъ обитатель предмѣстья Астраханки, переселенецъ съ береговъ Каспійскаго моря, дорого продающій на базарѣ рыбу, которую ловитъ въ Уссури и Амурѣ. Сытъ извозчикъ, получающій за конецъ полтинникъ. Особенно сыты особы, именующія себя «гражданскими женами». Женщины—рѣдкость на нашемъ крайнемъ Востокѣ, а потому все къ ихъ услугамъ. Женщинъ такъ мало, что, говорятъ, выпущенныя въ іюнѣ гимназистки въ августѣ всѣ уже замужемъ. Въ амурскихъ и уссурійскихъ деревняхъ не дѣвка приноситъ приданое, а женихъ платитъ родителямъ невѣсты. Теперь, какъ мужики говорятъ, дѣвки стали дешевы: рублей пятьдесятъ, шестьдесятъ съ очень приличной физіономіей; но лѣтъ десять тому назадъ самую рябую не уступали дешевле полутораста. И теперь еще для крестьянина женить сыновей—раззоренье, а выдать замужъ нѣсколькихъ дочекъ—значитъ, сильно поправить свои обстоятельства. Зато и важничаютъ-же тутъ женщины всѣхъ возрастовъ, состояній и племенъ. Ихъ седьмое небо, конечно, Владивостокъ, переполненный солдатами, офицерами, моряками и полчищами китайскихъ и корейскихъ рабочихъ. Дамы и мужички, японки и кореянки, всѣ окружены, всѣ имѣютъ успѣхъ и принимаютъ поклоненія, — словно исправникъ, объявившій себя богомъ.

Владивостокъ—океанскій портъ, но онъ спрятался отъ океана въ своей бухтѣ Золотой Рогъ, подобно тому, какъ Константинополь спрятался отъ моря. Владивостокскій Золотой Рогъ находится на югѣ небольшого гористаго полуострова, Муравьевъ-Амурскій. Эта глубокая семи—или восьмиверстная бухта тянется въ видѣ широкой рѣки съ

востока на западъ. На западѣ она поворачиваетъ на югъ и соединяется съ проливомъ Босфоръ Восточный, который отдѣляетъ полуостровъ отъ острова Русскаго. Такимъ образомъ бухта со всѣхъ сторонъ защищена отъ вѣтровъ и волнъ. Однако, это-же обстоятельство служитъ ей и во вредъ: ея спокойныя воды зимою, несмотря на то, что Владивостокъ лежитъ подъ одною широтою съ Флоренціей, покрываются толстымъ льдомъ, сквозь который пароходы только въ послѣднее время стали пробиваться при помощи ледоколовъ.

На сѣверномъ берегу Золотого Рога расположился Владивостокъ, вытянувшійся двумя параллельными улицами вдоль бухты. Противоположный берегъ представляетъ стѣну горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Восточный конецъ бухты, съужаясь, исчезаетъ въ такихъ-же горахъ. Берегъ, на которомъ находится городъ, не такъ высокъ и крутъ, и Владивостокъ, давно занявъ наиболѣе удобную прибрежную полосу, постепенно лѣзетъ выше, на холмы. Нѣкоторыя усадьбы забрались уже на самыя макушки.

Сравнивать Владивостокъ съ международными портами Китая и Индіи, съ Шанхаемъ, Сингапуромъ или Коломбо, было-бы смѣшно. Послѣдніе, по красотѣ и обширности общественныхъ зданій, частныхъ домовъ, загородныхъ виллъ, по садамъ и порядку улицъ, — настоящія столицы, во многомъ превосходящія иныя столицы Европы. Однако, Владивостокъ все-таки изященъ, если еще и не упорядоченъ. На главной, ближайщей къ водѣ, улицѣ почти непрерывнымъ рядомъ тянутся красивые дома, лучшіе изъ которыхъ, конечно, магазины и казенныя зданія. Тутъ-же находятся два сада, содержимые безукоризненно, обнесенные изящными металлическими рѣшотками, совсѣмъ на столичный ладъ. Красивая церковь построена на высокомъ холмѣ. Изящный памятникъ Невельскому стоитъ среди отличнаго ковроваго цвѣтника. По улицѣ непрерывная ѣзда приличныхъ извозчиковъ, на которыхъ ѣздятъ военная молодежь и владивостокскія дамы и дѣвицы, принимающія непрестанныя поклоненія, сіяющія удовольствіемъ.

Владивостокъ—портовый городъ, но его портъ больше военный, чѣмъ торговый. «Купцовъ» въ бухтѣ видно

немного; зато, въ бытность мою въ городѣ, тамъ стояла наша броненосная эскадра. На одномъ изъ броненосцевъ мнѣ случилось быть, и я вынесъ такое впечатлѣніе, точно побывалъ во внутренности огромнаго утюга, биткомъ набитаго желѣзомъ, сталью и людьми. Узенькіе проходы, узенькія лѣстницы, гдѣ нужно пробираться сгибаясь и бочкомъ; а все остальное — желѣзо, сталь, толпы людей, въ бѣлыхъ матроскахъ, съ синими воротниками по плечамъ. Любезность нашихъ моряковъ извѣстна, и, кромѣ воспоминаній объ «утюгѣ», я сохранилъ таковыя о прекрасной каютъ-кампаніи, — помѣщеніи и обществѣ,—и о вкусномъ обѣдѣ на бортѣ «Памяти Азова». Броненосцы и пушки—на водѣ. Еще больше пушекъ, и страшенныхъ размѣровъ,—на горахъ, окружающихъ бухту. Оказывается, ихъ еще недостаточно, привозятъ новыя и устанавливаютъ, дулами на всѣ страны свѣта, на новыхъ холмахъ, гдѣ сотни и тысячи китайцевъ устраиваютъ баттареи.

Тонъ владивостокской жизни задаютъ военные и моряки, преимущественно молодежь, притомъ холостая. Раскатываютъ извозчики, въ разныхъ собраніяхъ танцуютъ, рестораны и кафешантаны всегда полны. Музыка, вино, устрицы—колоссальныя, величиной съ блюдечко, довольно невкусныя владивостокскія устрицы, — ухаживанье, интрижки. Такъ-же, но по-своему, ведетъ себя солдатская и матросская молодежь. Въ концѣ-концовъ, Владивостокъ въ настоящее время живетъ довольно безпутной жизнью морской станціи, въ противоложность преимущественно торговому Благовѣщенску и степенному административному центру, Хабаровску.

Владивостокъ, Хабаровскъ, Благовѣщенскъ — города, по-сибирски, цивилизованные, культурные. Они имѣютъ самоуправленіе. Въ нихъ издаются газеты, во Владивостокѣ даже двѣ, очень дѣльныя, пользующіяся значительной свободой. Существуютъ ученыя общества, весьма дѣятельныя, въ особенности отдѣленіе географическаго общества, выпускающее цѣнныя работы по изученію края. Тутъ живутъ и трудятся образованные люди. Города лежатъ въ лучшей части страны, гдѣ можно пахать и надѣются разводить сады. Впрочемъ, въ климатическомъ отношеніи Владивостокъ несчастливъ: дожди и необыкно-

венно густые туманы дѣлаютъ его лѣто самымъ непріятнымъ временемъ года, а наши мужики до сихъ поръ не могутъ приспособить къ нему своего хозяйства. Наконецъ, названные города лежатъ на большой дорогѣ и могутъ, хоть и не всегда, пользоваться услугами почты и телеграфа. Иную картину представляетъ случайный городокъ, Зейская Пристань, ко всеобщему удивленію, недавно выросшій у «резиденціи» верхне-амурской золотопромышленной компаніи, на Зеѣ, въ нетронутой, бездорожной глухой тайгѣ, заболотившей даже горы, на которыхъ она растетъ.

До Зейской Пристани пароходъ, частный пароходъ компаніи, везущій васъ «изъ любезности», но, должно ему отдать справедливость, дѣйствительно любезный, по имени «Джалта», идетъ пять сутокъ. Предъ вами развертывается панорама жизни амурской «провинціи».

Когда изъ Благовѣщенска я уѣзжалъ на Пристань, Зея, поднявшаяся на три сажени, разлилась моремъ. Картина, особенно къ вечеру, была удивительно хороша. Небо, покрытое нѣжно-сѣрой тонкой пеленой паровъ; такая-же сизая Зея. Мѣстами пелена въ небѣ прорывалась, и видно было или голубое небо, или золото и пурпуръ зари, или бѣломраморныя кучевыя облака. Эти пятна красокъ отражались въ Зеѣ, обрамленной матовымъ золотомъ песчаныхъ отмелей и необыкновенно нѣжной, на сизомъ фонѣ воды и неба, зелени травъ и деревьевъ.

На протяженіи двухсотъ верстъ, до устья Селимжи, ѣдемъ населенной частью страны. Налѣво, на высокомъ берегу, и направо, въ отдаленіи низкаго лѣваго берега, виднѣются большія деревни. Послѣдняя—Бѣлоярово, недавно основанная молоканская деревня, съ новыми, крѣпкими, крытыми волнистымъ желѣзомъ домами. Тутъ начинаются безлюдье и тайга. Въ тайгу собрались молодые семейскіе великаны, которыхъ мы спускаемъ съ парохода въ Бѣлояровѣ. Куда они? — Хищничать золото. Даже знаютъ, куда они идутъ хищничать, — на рѣку Бомъ. Всѣ хорошо одѣтые, въ высокихъ таежныхъ сапогахъ, на несокрушимыхъ подошвахъ, съ американскими винчестерами. Ихъ уже ждутъ на берегу товарищи; большая лодка стоитъ у берега, нагруженная инструментами и провизіей.

Выше Селимжи Зея вступаетъ въ горы, невысокія, нееффектныя, сплошь поросшія хвойнымъ лѣсомъ и мѣстами некрасивой даурской березой, съ чернымъ стволомъ, — невысокой, съ широкой, какъ у старой яблони, кроной. На горахъ—болота, образовавшіяся на подпочвѣ изъ глины или вѣчной мерзлоты, которая встрѣчается тутъ на глубинѣ уже $1^1/_2$—2 аршинъ. Когда лѣсъ вырубленъ, почва осыхаетъ, мерзлота опускается глубже, можно хозяйничать, но, конечно, эти мѣста не скоро будутъ заселены пахарями, для которыхъ надолго хватитъ запаса земли въ лучшихъ мѣстахъ края. Деревень уже нѣтъ. Ихъ замѣняютъ рѣдкія одиночныя избы сплавщиковъ лѣса или поставщиковъ дровъ на пароходы. Еще рѣже попадаются дикари-манегры, совершенно обезьяноподобныя существа, выползшія къ Зеѣ изъ лѣсовъ, горъ и зеленыхъ травяныхъ болотъ. Главный грузъ нашего парохода—манчжурскіе чернорабочіе, отправляющіеся на пріиски. Ихъ везутъ даромъ; взамѣнъ они должны таскать на пароходъ дрова съ берега. Китайцы лѣнятся, притворяются спящими или больными. Ихъ вытаскиваютъ за ноги и за косы, причемъ китайцы пронзительно кричатъ совершенно попугайскими голосами. Всѣхъ ихъ зовутъ однимъ именемъ: — Ванька. Бесѣдуютъ съ ними на особомъ языкѣ: «Вставай! Ваньки! Лобота есть. Долова́ носи надо есть!» кричатъ на нихъ, приближаясь къ дровамъ. Ваньки отбиваются, не хотятъ вставать и визжатъ: «Ой, худа! Ой, худа есть! Лобота (работа) не надо, сыпи (спать) надо, кушая (ѣсть) надо!»

Къ концу путешествія Зея вошла уже въ каменныя горы, тоже небольшія, отроги Становаго хребта. Уже вдали виднѣлась Зейская пристань, но предстояло пройти двѣ быстрины, изъ которыхъ одну зовутъ Плевной, другую Шибкой. На каждую пришлось больше чѣмъ по часу времени, несмотри на то, что надо было сдѣлать всего нѣсколько саженей: такъ сильна быстрина. Внизъ по теченію пароходы идутъ здѣсь задомъ, при сильномъ ходѣ впередъ. Наконецъ, прорвавшись члезъ Плевну и Шибку, пришли къ Зейской Пристани.

Пристань еще не пріиски, но уже на порогѣ пріисковъ. Невдалекѣ подымается красивый каменный хребетъ,

въ разсѣлину котораго уходитъ Зея. Тамъ, въ оврагахъ между горъ и въ долинкахъ рѣчекъ и ручьевъ, подъ слоемъ торфа роются въ подпочвенномъ пескѣ и ищутъ золото. Пріиски компаніи, устроившей свои склады и поселившей свое главное управленіе въ Пристани, находятся тамъ, за горами, каждый подъ управленіемъ меньшаго чина. Самый главный, «главноуполномоченный», живетъ на Пристани, въ отличномъ домѣ, и сносится съ пріисками посредствомъ телефоновъ. Домъ его—полная чаша. Со стола никогда не сходятъ закуски и вина. Столъ открытый. Каждый вечеръ — собраніе гостей; для молодежи танцы, для людей солидныхъ карты. Гостепріимство самое широкое. Пріѣзжающіе находятъ пріютъ и столъ, за которые не возьмутъ съ нихъ денегъ, въ одномъ изъ домовъ компаніи. Компанія на свой счетъ содержитъ горную полицію, даетъ значительную субсидію на мирового судью, содержитъ причтъ, возитъ почту, возитъ пассажировъ. Компанія, какъ, впрочемъ, и всякій золотопромышленникъ въ Сибири, большая сила, которую она черпаетъ изъ барышей, достигающихъ, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, 400% годовыхъ.

Верхнеамурская компанія была піонеромъ Пристани, получивъ здѣсь тысячу десятинъ земли. За нею, на версту выше по Зеѣ, основалась резиденція болѣе скромной компаніи, Зейской. Вскорѣ Пристань оказалась удобнымъ распредѣлительнымъ пунктомъ пріисковаго района, и сюда потянулись распредѣлители: купцы, продавцы запрещенной на пріискахъ водки—«спиртоносы»,—скупщики затаеннаго рабочими или добытаго хищниками золота. Пристань сдѣлалась распредѣлителемъ также и рабочихъ, которые стекаются сюда для пріисканія работы или по окончаніи ея для посадки на пароходы, увозящіе пріискателей изъ тайги въ Благовѣщенскъ. Народа прибавлялось. Для него понадобились квартиры, харчи, лошади,— и со всѣхъ концовъ Россіи на пристань стали стекаться энергичныя, но мало внушающія довѣрія физіономіи, которыя начали ставить дома и бани, устраивать огороды, сѣять овесъ, держать извозныхъ лошадей. Цѣна земли, таежной дикой земли, которая, какъ и во всей Сибири, принадлежитъ казнѣ, поднялась до оброка въ 36 рублей

съ десятины ежегодно. Въ 1897 году Пристань состояла изъ 400 усадебъ, съ 2000 осѣдлыхъ жителей, да, вѣроятно, столько-же было въ ней временнаго населенія,— физіономій, внушающихъ къ себѣ еще менѣе довѣрія. Управленія общественнаго нѣтъ, а находится пристань подъ отеческимъ попеченіемъ горной полиціи, которую ея названныя дѣтки огорчаютъ спиртоношествомъ, хищничаньемъ, пьянствомъ, ночными буйствами, непрестанной пальбой изъ ружей и револьверовъ на дворахъ, улицахъ и набережной и даже самовольнымъ захватомъ участковъ казенной земли, на которой захватчикъ сейчасъ-же и начинаетъ строиться. Дѣтки, должно быть, очень испорчены нравственно, потому-что продѣлываютъ свои шалости на глазахъ у всѣхъ. Такъ, впрочемъ, совершается и все сибирское «самовольство» — да и русское тоже—на глазахъ у всѣхъ, среди бѣла дня. Всѣ фокусы, даже самые на видъ хитрые, объясняются просто.

Внѣшній видъ Пристани приличенъ. Это совсѣмъ городокъ, расположившійся по обѣ стороны Зеи, въ ея неширокой плоской равнинѣ, лѣсъ которой уже вырубленъ, и гдѣ остался одинъ орѣшникъ. На правомъ берегу—лучшая часть: хоромы компаніи, дома магазиновъ, гдѣ вы найдете все, до ліонскаго бархата и драгоцѣнныхъ камней, дома полиціи и судьи, хорошіе частные дома, церковь. Тутъ есть даже общественный садъ, тротуары и аллея старыхъ деревьевъ на набережной. Лѣвобережная пристань попроще. Вмѣсто садовъ — огороды, изъ которыхъ многіе разводятъ корейцы въ бѣлыхъ балахонахъ; одинъ принадлежалъ женщинѣ, въ которой я призналъ члена семьи переселенцевъ-бродягъ, надоѣдавшей мнѣ попрошайничествомъ въ Оренбургѣ въ 1891 году. Тогда баба была дѣвочкой; теперь замужемъ за Пристанскимъ домовладѣльцемъ. Мужъ ея былъ въ отсутствіи, въ Якутской области, куда онъ отправился разузнать, каково жить на пріискахъ тамъ. На лѣвой-же сторонѣ сосредоточены и квартиры бродячихъ горнорабочихъ,—грязныя избы, въ которыхъ русскіе, китайцы и корейцы набиты, какъ селедки, съ платою по пяти рублей въ мѣсяцъ съ головы. Крохотная каморка ходитъ по 15 р. въ мѣсяцъ. Небольшіе огороды даютъ 500—1 000 р.

барыша въ лѣто. Поросенокъ стоитъ полтора рубля. Картофель—40 копѣекъ пудъ, а на пріискахъ, верстъ на 50—100 дальше на сѣверъ, 2 руб. Тамъ-же цѣна свиньѣ 100 рублей, коровѣ 120 рублей. Цѣны вродѣ клондайкскихъ. А нравы, пожалуй, хуже, чѣмъ въ Клондайкѣ. Обычная тема разговоровъ въ гостиныхъ Пристани, это—убійства, въ самой Пристани, въ ея окрестностяхъ и, въ особенности, на дорогахъ и тропахъ между пріисками. Въ мою бытность на Пристани, изъ полиціи къ судьѣ, оттуда въ арестантскую, водили скованнаго китайца Лю-Бо, на-дняхъ убившаго въ тайгѣ корейца. Пріѣхавшій изъ тайги разсказываетъ, что онъ ночевалъ на сѣнѣ подъ стогомъ; утромъ онъ сгребъ охабку сѣна, чтобы дать лошади, и обнялъ—трупъ. Любитель охоты подстрѣлилъ на болотѣ, недалеко отъ Пристани, утку, пошолъ за нею въ камыши и наткнулся на убитаго китайца. Самые интересные разсказы относились къ золотой розсыпи Милліоннаго Ключика, которою овладѣли хищники въ числѣ больше двухъ тысячъ человѣкъ, и съ которыми воевалъ поручикъ Вшосекъ, съ войскомъ изъ девятнадцати солдатъ. Поручикъ побѣдилъ послѣ трехдневной кампаніи. Самое интересное то, что девятнадцать очень невзрачныхъ солдатъ заставили уйти съ Ключика цѣлый полкъ сильныхъ хищниковъ, половина которыхъ была вооружена не хуже, если не лучше солдатъ. По разсказамъ, солдатъ только ругали скверными словами, но не стрѣляли въ нихъ. И опять странный случай «самовольства», дошедшаго до расхищенія богатѣйшей розсыпи, до учрежденія Милліонной «республики», съ «президентомъ» во главѣ, какъ называли на Пристани артель хищниковъ и ихъ старосту, какого-то разсудительнаго и толковаго полуинтеллигента. Характерно, что «республика», остолбивъ Ключикъ, на столбахъ выжгла букву Н.

Пристань я покинулъ въ концѣ августа. Березы сильно порѣдѣли, стала желтѣть липа, краснѣть деренъ. Та-же осень, что и въ средней Россіи. На половинѣ пути мы покупали съ берега хорошую спѣлую кукурузу. Осеннихъ заморозковъ не было, по-крайней мѣрѣ по берегамъ Зеи. Какъ видно, климатъ тутъ совсѣмъ «русскій», и только пропитанная влагой почва препятствуетъ массо-

вому заселенію земледѣльцами болѣе сѣверныхъ частей области.

Да и не скоро дойдетъ очередь до сравнительно худшихъ частей Амурской и Приморской областей. Еще на много лѣтъ хватитъ земли, между Зеей и Бурьей — въ первой—и въ Уссурійскомъ краѣ, во второй. Правда, и тутъ первосортныя земли, такъ сказать, филейныя части, разобраны, но и вторые сорта не оставляютъ желать лучшаго. Въ Амурской области занята южная часть равнины, между названными рѣками; въ Южно-Уссурійскомъ краѣ—при-ханкайская плоскость. Тутъ земли черныя, достаточно рыхлыя, съ полезной примѣсью песка, съ проницаемой для воды подпочвой. Это почти черноземы южной Россіи, по крайней мѣрѣ, въ первыя десятилѣтія обработки. Тутъ и травы лучше, нѣжнѣй и питательнѣй. Эти мѣста уже заняты. Чѣмъ дальше отъ Амура, въ Амурской области, тѣмъ земли становятся тяжелѣй, а травы грубѣй, но всетаки большая половина Россіи можетъ только позавидовать и тѣмъ и другимъ. Въ Уссурійскомъ краѣ, чѣмъ дальше во всѣ стороны отъ озера Ханки, тѣмъ мѣста становятся лѣсистѣй и «увалистѣй», — холмистѣе. И здѣсь почва, суглинки съ обильной примѣсью тысячелѣтіями накопленнаго растительнаго перегноя, очень плодородна.

Въ Амурской области я видѣлъ цѣлую вереницу деревень. Самой старой изъ нихъ тридцать-девять лѣтъ; двумъ самымъ малолѣтнимъ не было и года. Всѣхъ деревень 110, съ населеніемъ въ 45 000 душъ. Почти столько-же селъ и людей въ Уссурійскомъ краѣ. Кромѣ крестьянъ, область и Уссурійскій край заселены еще казаками, въ числѣ двадцати тысячъ въ первой и десяти— во второмъ.

Путешествіе по Амурской области было очень интересно, но оказалось дѣломъ далеко не легкимъ. Лѣто 1897 года отличалось особеннымъ обиліемъ обычныхъ лѣтнихъ дождей, и дороги были фантастически невозможны. Когда я всходилъ на пароходъ-перевозъ, который долженъ былъ переправить меня на лѣвый берегъ Зеи, я встрѣтилъ слѣдователя, возвращавшагося изъ поѣздки по району деревень. На мой вопросъ о дорогахъ онъ отвѣ-

чалъ, что онѣ мокроваты, и что вода доходитъ до щиколотки... если стоять на козлахъ. Такъ оно и было. Много разъ приходилось всѣ вещи складывать на поднятый верхъ тарантаса, а самому стоять на козлахъ, по щиколку въ водѣ; отъ лошадей приэтомъ видны были однѣ спины, за которыми плыли хвосты. Ручьи и рѣчонки разлились на цѣлыя версты, и экипажъ приходилось переправлять на лодкахъ. Не разъ приходилось увязать и идти въ ближайшую деревню за помощью, если судьба не посылала какой-нибудь случайной встрѣчи, напримѣръ, съ партіей китайскихъ рабочихъ, которые однажды вытащили мой тарантасъ изъ болота, съ истинно китайскимъ гвалтомъ,—мяуканьемъ, визгомъ, страдальческимъ оханьемъ и торжествующимъ хохотомъ. Сплошь и рядомъ ѣхали не дорогами, которыя размѣсились въ бездонную грязь, а объѣздками и обочинами, причемъ особенно непріятны были объѣзды по пнямъ и кочкамъ.

Лѣто 1897 года было исключительно дождливое,—и съ урожаемъ обстояло неладно. Дожди спутали и смяли хлѣба на корню, почва полей, превратившаяся въ жидкую грязь, затрудняла не только свозку хлѣба лошадьми, но и уборку; снятый хлѣбъ сталъ проростать въ копнахъ; сѣно, накошенное въ рѣчныхъ долинахъ и по низменностямъ, унесло разливами. Годъ тому назадъ мужиковъ сильно обидѣла сибирская язва. Несмотря на эти невзгоды, обжившіяся села смотрѣли зажиточными, многія—богатыми, нѣкоторыя—городками. Да и не мудрено. Земли переселенцамъ отводятъ по сту десятинъ на дворъ, спросъ на рабочія руки далеко превышаетъ предложеніе, цѣна всѣхъ хлѣбовъ отъ 1 руб. 30 коп. до полутора рублей. Не быть сытымъ и не разжиться при такихъ условіяхъ трудно.

Пейзажъ Амурской области мало привлекателенъ. На самомъ югѣ это—совершенно плоская, безграничная, отъ Зеи до Бурьи, равнина. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ чаще однообразіе равнины нарушается возвышенностями правыхъ береговъ притоковъ Зеи, текущихъ съ востока на западъ. Въ общемъ равнина имѣетъ видъ лѣстницы, начинающейся у Амура и рядомъ ступеней ведущей къ гористому сѣверу; сами-же ступени плоски. Самая об-

ширная и самая плоская—ближайшая къ Амуру. Такую безграничную и ровную, какъ столъ, равнину я видѣлъ только между Курскомъ и Кіевомъ, подъ Конотопомъ, Бахмачемъ и Нѣжиномъ. Лѣса истребляются по мѣрѣ движенія населенія внутрь страны. Близь старыхъ селеній лѣса уже нѣтъ. У болѣе новыхъ онъ еще уцѣлѣлъ, но некрасивъ,—корявые невысокіе дубы и, главнымъ образомъ, даурская черная береза. Таковъ пейзажъ Амурской области. Въ Уссурійскомъ краѣ онъ разнообразнѣй. Равнина находится только на югѣ, по близости Ханки; да и на ней тамъ-и-сямъ подымаются одиночные странные горбатые холмы, густо покрытые дубовымъ кустарникомъ. Увалы и горныя цѣпи края очень живописны. Послѣднія имѣютъ нѣчто общее съ японскими причудливыми, «диссонирующими» горами. Диссонансы не такъ рѣзки: очертанія не такъ изломаны и остры, вершины горъ какъ-будто слизаны или обтаяли; но въ основѣ, и уссурійскія цѣпи, и японскія имѣютъ тѣ-же неожиданныя и причудливыя линіи. Съ природой Уссурійскаго края вы можете хорошо познакомиться, проѣхавъ отъ Хабаровска до Владивостока по желѣзной дорогѣ. Вблизи Хабаровска дорога переваливаетъ чрезъ хребетъ Хехцырь, весь покрытый тайгой, уже не хвойной, какъ въ остальной Сибири, а преимущественно лиственной,—огромными вязами, дубами, ясенями. Южнѣе дорога идетъ крупными увалами, раздѣленными быстрыми рѣчками. Далѣе поѣздъ несетъ васъ по при-ханкайской равнинѣ и, наконецъ, вдоль рѣки Суйфуна, текущаго среди невысокихъ уваловъ. Суйфунъ и пейзажъ этого участка пути поразительно напоминаютъ Тибръ, вблизи Рима, если подъѣзжать къ послѣднему съ сѣвера, изъ Флоренціи. Такая-же рѣка, извивающаяся въ крутыхъ и высокихъ, мѣстами каменистыхъ берегахъ; такой-же корявый дубнякъ покрываетъ берега и увалы; такіе-же округло-горбатые увалы. Даже осень совершенно римская осень: яркое солнце, чистое свѣтлое голубое небо, бурый неопадающій листъ дуба. Иллюзія увеличивается, когда замѣчаешь, что деревья и кустарники тамъ и сямъ опутаны виноградомъ, листъ котораго покраснѣлъ и позолотился подъ вліяніемъ морозныхъ утренниковъ. Какъ на Тибрѣ,

такъ и здѣсь рѣдки поселенія, мало людей, въ камышахъ рѣки и болотъ водятся дикіе кабаны. По части звѣрей Суйфунъ превзошолъ Тибръ: онъ, кромѣ кабановъ, пріютилъ еще гигантскихъ тигровъ, которые, если и не свирѣпствуютъ такъ, какъ въ Индіи, то все-же не доставляютъ удовольствія казакамъ и переселенцамъ. Добѣжавъ до низовьевъ Суйфуна, желѣзная дорога преодолѣваетъ еще одинъ небольшой перевалъ и выбѣгаетъ на берегъ морского залива...

Море! Далекій просторный горизонтъ, движеніе и плескъ волнъ. Колоссальный молчащій материкъ, по которому мы проползли, считая отъ Петербурга, девять тысячъ верстъ съ половиною, пригнетенные къ его вьючнымъ тропамъ и «трактамъ», — позади. Становилось, наконецъ, душно. А теперь — воздуха, больше воздуха, и говора волнъ...

Іюнь—Сентябрь, 1897.

Семинедѣльный годъ

(Изъ Владивостока въ Одессу)

Послѣ пятимѣсячныхъ странствованій по Сибири, странѣ слишкомъ лишенной всякихъ удобствъ, переѣздъ моремъ изъ Владивостока въ Одессу былъ для меня настоящимъ отдыхомъ. Не скажу, чтобы этотъ путь былъ очень интересенъ. Наши добровольцы посѣщаютъ мало портовъ, стоятъ въ нихъ не долго. На великолѣпную восточную и южную Азію приходится взглянуть точно въ щелочку, однимъ глазкомъ. Съ людьми и страной не познакомишься. Зато необыкновенное впечатлѣніе производитъ эта быстрая смѣна климатовъ, эти точно волшебные переходы отъ зимы къ веснѣ, потомъ къ лѣту,—настоящему лѣту, съ фруктами, цвѣтами, жаркимъ солнцемъ, грозами и ливнями,—затѣмъ къ осени и, наконецъ, снова къ зимѣ. Выходитъ цѣлый маленькій годъ, всего въ семь недѣль ростомъ. Диковинная страна, гдѣ протекъ этотъ годъ, называется «Ярославлемъ». Длиною она саженъ шестьдесятъ, шириною саженъ шесть. На ея передней оконечности—огромный двуглавый орелъ съ распущенными крыльями, бѣлый какъ снѣгъ. Омывается страна множествомъ морей и однимъ океаномъ, Индійскимъ. Какъ-разъ по ея срединѣ вѣчно дымится вулканъ. Вы можете заглянуть въ его кратеръ. Тамъ, какъ паутина, переплетаются сквозныя лѣстницы и перила изъ блестящей стали, огромными бочками стоятъ цилиндры, изъ которыхъ мѣрно выскакиваютъ и въ которые снова прячутся толстые толкачи. На самомъ днѣ вертящіеся валы, какіе-то клюющіе крючья, какіе-то диски, вертящіеся вокругъ центра, помѣщающагося совсѣмъ не въ центрѣ, прутья, шары, столбы и столбики, мѣдныя коробочки, циферблаты, съ буквами, со стрѣлками и безъ стрѣлокъ.

Словомъ, усовершенствованный вулканъ конца XIX вѣка, самой лучшей англійской работы. На поверхности «Ярославля» меньше простора. Онъ — грузовикъ. Пассажирскихъ коекъ всего двѣнадцать. Небольшая каютъ-компанія, съ двумя столами, каждый на 14 человѣкъ, и съ пьянино. Небольшія площадки на спордекѣ, выше котораго вахтенный мостикъ. Остальное — узкіе корридорчики и закоулки, между желѣзныхъ стѣнъ, за которыми скрываются пропасти угольныхъ ямъ и топокъ, между грудъ канатовъ, якорей и повѣшенныхъ вдоль бортовъ шлюпокъ. Все очень чисто и заново выкрашено. Палуба желтѣетъ точно песчаныя дорожки въ саду. Каюта, моя и моего спутника, — на спордекѣ съ праваго борта. Не скажу, чтобы она была просторна, но повернуться есть гдѣ. Койки—одна надъ другой, но такъ-какъ мы оба не подвержены морской болѣзни, то и не задумываемся надъ этимъ расположеніемъ нашихъ ложъ. Впрочемъ, послѣ Сибири, мы оба были въ восторгѣ отъ своей квартиры. Мягкіе матрасы, чистое бѣлье, ни одного клопа, умывальникъ. Подумайте, умывальникъ! Гдѣ въ Сибири найдете вы у себя въ помѣщеніи умывальникъ? Въ Сибири моются въ корридорахъ гостинницъ изъ пренеудобныхъ инструментовъ въ видѣ самовара съ подвижнымъ гвоздемъ въ днѣ. Есть звонокъ для прислуги, а, главное, есть прислуга, притомъ не въ образѣ звѣроподобнаго ссыльно-поселенца или необычайно гордой ссыльно-поселенки, а завѣдомо никого не убившая и не ограбившая. Есть электрическая лампа. Побаивался я русской команды и русскихъ пассажировъ, о которыхъ много читалъ нелестнаго, но на наше счастье и та и другіе оказались очень милыми и привѣтливыми людьми. Итакъ, въ путь, на семь недѣль.

Весна.

Что за день былъ *26-го октября* во Владивостокѣ, не разберешь,—нето осень, нето весна, а то и зима. Послѣдніе дни стояли небольшіе морозы, но солнце ярко свѣтило, и не было ни пушинки снѣга. Во Владивостокѣ вся зима такая, солнечная и безснѣжная. Зато лѣтомъ

не видятъ солнца, а туманъ каплями стекаетъ съ платья. Говорили, что 26-го октября была уже зима, но похожа она больше на нашу весну, когда, въ апрѣлѣ, уже согнало снѣгъ и вдругъ прихватило морозикомъ. Двадцатьшестого октября тоже свѣтило яркое солнце, къ полудню нагрѣвшее воздухъ до 5° R. Горы, въ которыхъ лежитъ узкая и длинная бухта, синѣли. Бухта сверкала на солнцѣ. Эскадра нашихъ щеголей-броненосцевъ дремала на припекѣ. Между ними сновали пузатые китайскіе сампаны—ялики, съ однимъ кормовымъ весломъ, которымъ китаецъ шевелитъ, какъ рыба хвостомъ. Чистенькія каменныя зданія Владивостока, вытянувшіяся на много верстъ вдоль бухты, бѣлѣли. Съ горъ, перегнувшись внизъ, смотрѣли черныя длинныя пушки. Во Владивостокѣ въ этотъ день происходило торжество.

Пятьдесятъ одинъ годъ тому назадъ, 3-го сентября 1849 года, на нашей азіатской восточной окраинѣ въ бухтѣ Аянъ встрѣтились два необыкновенныхъ человѣка, Муравьевъ и Невельской. Муравьевъ послалъ Невельского узнать, что такое Сахалинъ, полуостровъ или островъ, что такое Амуръ,—рѣка упирающаяся при устьѣ въ мели, рѣка-калѣка, или великій и могучій водный путь въ три тысячи верстъ, ведущій въ сердце восточной половины нашей Азіи. Какія мечты должны были роиться въ этихъ умныхъ, упрямыхъ, горячихъ патріотическихъ головахъ! Если Амуръ не отрѣзанъ отъ океана, какое будущее предстоитъ странѣ, по которой онъ течетъ! Правда, страна пока не наша, но это вздоръ и легко поправимо. Невельской отплылъ и пропалъ безъ вѣсти. Муравьевъ его ищетъ и не находитъ. Очевидно, Невельской погибъ. Но вдругъ съ «Иртыша», на которомъ на якорѣ стоялъ Муравьевъ, замѣчаютъ какое-то судно, его признаютъ за «Байкалъ» Невельского. Муравьевъ бросается въ катеръ и спѣшитъ къ «Байкалу». Невельской хватаетъ рупоръ и кричитъ:

— Сахалинъ—островъ! Въ Амуръ можно входить съ сѣвера и съ юга!

Въ эту минуту была рѣшена судьба двухъ громадныхъ, теперь русскихъ областей съ великимъ будущимъ.

26-го октября во Владивостокѣ праздновали память

Невельского открытіемъ ему памятника. Памятникъ стоитъ на самомъ берегу бухты и представляетъ собою большой обелискъ изъ свѣтлосѣраго камня. Наверху — золотой русскій орелъ. Внизу, въ нишѣ,—бронзовый бюстъ Невельского. Въ ту минуту, когда упало съ памятника полотно, мы были на «Ярославлѣ» и видѣли всю бухту, уходившую вдаль и оканчивающуюся острымъ языкомъ въ горахъ. Лишь только открылся памятникъ, заговорили пушки, неторопливо, внушительно, какъ-будто даже и негромко,—только отъ каждаго ихъ привѣтствія отдавало въ груди. Заговорила баттарея на горѣ, позади насъ. Подхватила эскадра. На судахъ, по вантамъ, наискосокъ отъ палубы къ вершинамъ мачтъ поползли разноцвѣтные флаги, на каждомъ суднѣ свой цвѣтъ: на одномъ синебѣлые флаги, на другомъ красно-бѣлые, на третьемъ желто-синіе. Вслѣдъ за флагами полѣзли люди, маленькіе, гораздо меньше флаговъ; они лѣзли по веревочнымъ лѣстницамъ, согнувшись, и походили на тѣхъ маленькихъ морскихъ рачковъ, «шримсовъ», которыхъ ѣдятъ во Владивостокѣ. Чуть слышно доносился радостный церковный трезвонъ. Мимо памятника проходили рослые ловкіе сухіе смышленые солдаты нашей «приморской» пѣхоты, изъ природныхъ западныхъ сибиряковъ и забайкальскихъ «семейскихъ», и сытые, мускулистые моряки. Моряки идутъ съ достоинствомъ. Они привыкли къ торжествамъ: это «тулонцы», побывавшіе въ гостяхъ у французовъ. И всего какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ тому назадъ эти горы, эта бухта, это синее небо видѣли только тигровъ, да бѣглыхъ китайскихъ каторжниковъ, да кое-гдѣ корейскую избенку, платившую дань разбойникамъ. Теперь это—Россія.

Говорятъ, Муравьевъ и Невельской были честолюбцы. Разные бываютъ честолюбцы. Муравьева и Невельского при жизни чуть не отдали подъ судъ. Чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ смерти родина поставила имъ памятники,—Муравьеву въ Хабаровскѣ, при сліяніи Амура и Уссури, Невельскому—во Владивостокѣ. Какъ нелегко давались этимъ «честолюбцамъ» ихъ дѣла, видно уже изъ такой мелочи:

— Оба они, и Муравьевъ, и Невельской, были какіе-то

странные,—разсказывалъ мнѣ на другомъ концѣ области, подаренной Россіи этими людьми, за двѣ съ половиной тысячи верстъ отъ Владивостока, на верхнемъ теченіи могучей Зеи, одинъ изъ ихъ сподвижниковъ,—странные, какъ нынче говорятъ, нервные. Когда встрѣтились они въ Аянѣ, Невельской вышелъ на берегъ. Нашъ отрядъ выстроился. Онъ намъ: «Здорово, молодцы!» Мы отвѣтили, да ловко такъ, дружно. Поблѣднѣлъ, остановился... Потомъ вдругъ фуражку съ себя сдернулъ и ну ее рвать, рвать. Въ мелкіе клочья изорвалъ. Адъютантъ подскочилъ, свою ему подалъ. Это онъ, бѣдняга, въ своихъ блужданіяхъ стосковался по своимъ, и съ радости его такъ взволновало.

Посмотрѣлъ-бы я на фуражки Муравьева и Невельского, когда возникъ «вопросъ» о преданіи ихъ суду за самовольныя дѣйствія по присоединенію Амура.

Съ вечера *26-го до утра 29-го октября* идемъ въ Нагасаки. Когда вышли въ море, стало холодно, несмотря на то, что Владивостокъ на одной широтѣ съ Флоренціей, гдѣ теперь теплая осень. Въ каютѣ открыли паровое отопленіе, и тамъ была баня.

На другой день, подальше отъ береговъ, въ Японскомъ морѣ вдругъ запахло весной, мягкой, ласкающей, свѣтлой. Ночью уже не топили, и всетаки не было холодно. Двадцать-восьмого было $+14^0$ въ тѣни. Солнце яркое. Небо голубое, съ чудесными бѣломраморными кучевыми облаками. Знакомимся другъ съ другомъ, разговариваемъ,—конечно, о морѣ, о вѣтрахъ, о тайфунахъ, которые на восточныхъ берегахъ Азіи не большая рѣдкость, о смерчахъ, родственникахъ тайфуну. Смотримъ на небо и замѣчаемъ, что у одного изъ бѣлыхъ облаковъ начинаетъ рости черный хвостикъ. Онъ ростетъ, основаніе его утолщается, кончикъ движется изъ стороны въ сторону, какъ у раздраженной кошки. Не смерчъ-ли? Съ небрежнымъ видомъ какъ бы мимоходомъ освѣдомляемся у офицеровъ, какъ смотрятъ они на этотъ хвостикъ. Тѣ отвѣчаютъ, что это явленіе извѣстное, что это—движеніе воздуха.—А доходитъ этотъ хвостъ до моря?—Случается.—И корабли туда попадаютъ, въ хвостъ?—Да, возможное явленіе. — И что-же? — Потомъ явленіе прекращается. — А

корабль?—Корабль?.. Вотъ, и къ завтраку звонятъ.—Но къ завтраку не идутъ, а смотрятъ на хвостъ, который все ростетъ, все виляетъ. Потомъ онъ сталъ укорачиваться и исчезъ. Облако снова стало прекраснымъ... Никогда не распрашивайте моряковъ о разнаго рода «явленіяхъ»,—смерчахъ, *свѣжихъ* вѣтрахъ, лопнувшихъ въ бурю у руля штуръ-тросахъ и проч. Никогда ничего вы отъ нихъ не добьетесь, кромѣ того, что это—«явленіе».

Утромъ 29-го весна въ полномъ блескѣ. Мы уже подъ тридцать-третьимъ градусомъ широты. Зеленое море, зеленый горный берегъ Японіи, ея южной части, ея Италіи. Издали эти горы представляются разлинованными желтыми линейками по зеленому фону. Линейки, это—каменные барьеры искусственныхъ террасъ; а на террасахъ зеленыя поля риса, огороды и рощи. Еще часъ, другой—и мы, между такихъ разграфленныхъ островов и островковъ, входимъ въ узкій и длинный, напоминающій Золотой Рогъ Владивостока, фіордъ Нагасаки. Насъ сейчасъ-же окружаютъ десятки лодокъ, съ маленькими обезьяноподобными человѣчками. Одни изъ нихъ, въ подпоясанныхъ синихъ халатахъ, съ непокрытой головой, причесанной съ проборомъ на боку, съ безбородыми лицами, напоминаютъ старыя каррикатуры на нашихъ чиновниковъ; другіе—голышомъ, въ короткой разстегнутой курточкѣ и съ бѣлымъ фартухомъ, пропущеннымъ назадъ и тамъ привязаннымъ къ поясу. Это — торговцы. Ихъ безпрепятственно пускаютъ на пароходъ: они честны, никогда не украдутъ. Они въ высшей степени вѣжливы, даже тогда, когда грубы съ ними. Они смотрятъ прямо въ глаза, когда съ вами говорятъ. Когда вы чѣмъ-нибудь ихъ обрадовали, они слегка присѣдаютъ, упираются ладонями въ колѣни и начинаютъ шипѣть: это они счастливы дышать съ вами однимъ воздухомъ и спѣшатъ надышаться побольше. Мы въ самой интересной, изящной, красивой и своеобразной странѣ, какую дала культура дальняго Востока.

Природа Японіи поразительно своеобразна. Нигдѣ вы не увидите ничего подобнаго. Основа этой оригинальности—въ физіономіи горъ. Въ Европѣ, да и въ той части горной Сибири, которую я проѣхалъ, горные кряжи

всегда имѣютъ въ своемъ очертаніи нѣчто ритмическое, группы ихъ гармоничны, отдѣльныя горы болѣе или менѣе геометрически правильны. Здѣсь иначе. Горы, если можно сказать, «звучатъ» диссонансомъ. Цѣпи состоятъ изъ чередующихся очень высокнхъ и, рядомъ, очень низкихъ вершинъ. Вотъ, гора острая и тонкая, точно колокольня. Рядомъ гора въ нѣсколько этажей, изрѣзанныхъ и изукрашенныхъ, какъ этажи китайскихъ пагодъ. Слѣдующая оканчивается верхушкой, свернувшейся на сторону и свисшей. И вдругъ среди этихъ уродцевъ безукоризненный конусъ, съ очень широкимъ основаніемъ и острой макушкой. Украшены эти горы такъ-же странно. Всѣ онѣ, отъ моря, изъ котораго круто подымаются, почти до верха опоясаны террассами полей. Желтая каемка камня смѣняется зеленой полосой посѣва. Коегдѣ оставлены кудрявыя рощи. На самыхъ крутыхъ склонахъ и на вершинахъ горъ непремѣнно и намѣренно оставлены одиночныя старыя деревья. Японцы хотятъ, чтобы ихъ горы были красивы. И онѣ дѣйствительно красивы. Ихъ угловатость, ихъ полосатая окраска, ихъ причудливость — выхоленныя, породистыя. Это — диссонансъ, но художественный. Европейскій глазъ догадывается, что тутъ скрыта недоступная ему гармонія очертаній. Для японца это—гармонія и есть, потому-что тотъже артистическій диссонансъ чувствуется въ японскомъ искусствѣ, въ постройкахъ, въ одеждѣ и прическахъ. Все это знакомо намъ по рисункамъ, картинамъ и вазамъ японцевъ. Стиль этого, неуловимый ритмъ, диссонирующая гармонія коренятся въ удивительномъ по причудливости японскомъ пейзажѣ. Да и пейзажъ, — нестолько естественный, сколько созданіе человѣка. Поѣзжайте въ древній храмъ Сува, тутъ-же въ Нагасаки. Громадная широкая каменная лѣстница, которую нѣсколько разъ пересѣкаютъ крохотныя улицы, обставленныя крохотными домами, приведетъ васъ на вершину горы. Здѣсь роща. Она искусственная; весь паркъ наполненъ площадками, памятниками какимъ-то великимъ японцамъ и ихъ святымъ, превращенъ въ террасы. Когда-то надъ планировкой парка потрудились. Это было очень давно. Съ тѣхъ поръ камфарныя деревья парка превратились въ велика-

новъ по 9 саженей въ обхватѣ. Перевалите черезъ вершину, — и на той сторонѣ всѣ склоны и низины заняты японскими полями. Ни одной пяди земли не пропадаетъ даромъ. Вездѣ площадки, отъ пяти до пятидесяти квадратныхъ саженей, не больше. Откуда японцы наносили на нихъ землю, не знаю, но земля чудесная, огородная, въ мѣру рыхлая, въ мѣру плотная и достаточно глубокая. Все, что на ней растетъ, отъ картофеля до пальмъ, растетъ великолѣпно. Не налюбуешься на эту удивительную культуру.

Весна,—по-японски, начало зимы,—въ Нагасаки стояла чудесная. Днемъ было почти жарко. Ночи были теплыя, съ глубокимъ звѣзднымъ небомъ. Когда подымалась луна, горы и заливъ казались фантастической декораціей. Одно было непріятно,—здѣшнія весеннія благоуханія, доносившіяся съ полей — а поля тутъ всюду, — тучно удобряемыхъ... всѣмъ. «Ярославль» стоялъ въ докѣ, колоссальномъ каменномъ ящикѣ, изъ котораго выкачали воду. Его киль лежалъ на рядѣ поперечныхъ подставокъ; бока въ два ряда были подперты бревнами. Сотни полуголыхъ быстрыхъ цѣпкихъ обезьяноподобныхъ человѣчковъ, при свѣтѣ керосиновыхъ факеловъ, дружно отскабливали отъ парохода раковины, которыми онъ обросъ, и красили его подводную часть. Двѣ такія-же обезьянки, но уже въ европейскомъ форменномъ платьѣ, таможенные чиновники, вѣжливые и скромные, дежурили у насъ на пароходѣ, скучали и читали свои іероглифическія японскія газеты. Населеніе нашего «Ярославля», восемьсотъ толстомясыхъ молодыхъ парней, уволенныхъ въ запасъ солдатъ и матросовъ, бродили по краямъ дока и съ недоумѣніемъ смотрѣли на возню худенькихъ крикливыхъ чертенятъ на днѣ искусственнаго оврага, дока. Толстощекій лупоглазый младенецъ цивилизаціи старался понять морщинистаго, но все еще бодраго и дѣятельнаго старичка культуры. Высшій классъ «ярославскаго» населенія почти все время проводилъ на берегу.

Нагасаки—совсѣмъ сказочный городъ, городъ карликовъ или дѣтей. Ужь на что малы и мелки неаполитанцы, а японцы и того миніатюрнѣй. И городъ имъ по росту. За исключеніемъ европейскихъ зданій на самой

набережной, построенныхъ изъ камня, остальной городъ состоитъ изъ деревянныхъ двухъ-этажныхъ клѣтокъ, до потолка которыхъ европеецъ средняго роста достаетъ головой. Стѣнки — изъ тонкихъ брусковъ столярной отдѣлки, а въ нижнемъ этажѣ стѣнъ на улицу и совсѣмъ нѣтъ. Комнаты импровизируются помощью передвигаемыхъ бумажныхъ экрановъ. Полы тонкіе, гнутся подъ вами и устланы чистѣйшими разноцвѣтными узорчатыми циновками. Мебели никакой, украшеній никакихъ, кромѣ горшка съ великолѣпными хризантемами. На кухнѣ стоитъ жаровня съ десяткомъ угольковъ. Подлѣ нея сидитъ маленькая японка, съ огромной прической, въ видѣ бабочки, въ синемъ халатикѣ, поддуваетъ угольки вѣеромъ и жаритъ пару картошекъ или рыбью печенку или телячью ножку. Иногда у японки на спинѣ подъ халатомъ сидитъ малолѣтній японяикъ, желтенькій, черноглазый и, несмотря на возрастъ, такой-же благовоспитанный, какъ и его мамаша съ папашей. Япончиковъ одѣваютъ очень щеголевато. Ихъ халатики— шелковые или вродѣ шелковыхъ, яркихъ красокъ, съ крупными цвѣтами и листьями. Голова кругомъ подбрита, на самой маковкѣ тоже выбрита тонзурка,—и японцы не могутъ оторваться отъ этой чудной головки, разсыпающіеся монгольскіе волосы которой образуютъ вылитый хризантемъ: Когда это чудо надо снять со спины, его мамаша, нимало не стѣсняясь, снимаетъ съ плечъ халатъ— подъ нимъ нѣтъ ничего—и освобождаетъ свое сокровище. Вѣжливые прохожіе помогаютъ ей въ этомъ.

Стѣны домовъ, выходящія на маленькія, безукоризненно шоссированныя улицы, днемъ отсутствуютъ, и все, что происходитъ въ магазинахъ и мастерскихъ, вы можете видѣть. Кузнецы и мѣдники прилежно куютъ маленькими молоточками, столяры дѣлаютъ маленькую мебель, портные кроятъ маленькіе халаты. Взрослые и старики всѣ ушли въ работу. Мальчуганы стараются подражать имъ, но иной разъ вы подмѣтите поистинѣ гомерическій зѣвокъ, съ закатываніемъ глазъ, съ заломленными назадъ руками, — единственный протестъ, да и то не мальчугана, а его природы. Вышелъ мальчуганъ на улицу, онъ идетъ благовоспитанно. Благовоспитанны

школьники, не торопясь идущіе изъ школы домой, съ учебниками за пазухой халата. Благовоспитанны маленькія дѣвочки, утирающія носъ младшимъ родственникамъ или держащія ихъ на-вѣсу, надъ маленькими канавками, для этого и сдѣланными по бокамъ улицъ. Сама улица безукоризненно чиста и ровна. Да и портить ея некому. Въ Японіи и людей, и тяжести возятъ на людяхъ, на «джин-рик-ша», что значитъ: человѣкъ-лошадь. Въ Нагасаки есть полдюжины лошадей и воловъ, но они обуты въ толстые соломенные башмаки, ходятъ осторожно, не мычатъ и не ржутъ и никого не толкаютъ. А по улицамъ ходятъ и ѣздятъ на джинрикшахъ и важные люди, которыхъ толкать нельзя. Ихъ сейчасъ-же отличите по лицу. Простой народъ—широколицый, съ большими щеками, съ головами не по росту, особенно женщины. А вотъ ѣдетъ на джинрикшѣ важная дама подъ зонтикомъ. Удлиненный овалъ лица, съ острымъ подбородкомъ, орлиный носъ, хотя и нѣсколько широкій, и узкіе глаза, наискось. Цвѣтъ лица матовый, блѣдный. Проходитъ жрецъ съ бритой головой, жирный, круглолицый. Это жрецъ—жуиръ; но есть и строгіе, постники, старые и сухіе; эти о чемъ-то думаютъ, — быть можетъ, о новшествахъ въ видѣ дока, пароходовъ, уланскихъ мундировъ нагасакскихъ городовыхъ, отмѣнѣ благороднаго обычая «харакири»—распарыванія живота, и завоевательныхъ планахъ правительства. Эти не сочувствуютъ реформамъ. Реформы поддерживаются вотъ этимъ господиномъ, въ сѣромъ халатѣ, но въ шляпѣ-котелкѣ и въ стальныхъ очкахъ, съ тросточкой, у которой ручка изображаетъ европейскій женскій ботинокъ. Это — журналистъ. Онъ присѣлъ въ трактирѣ, пьетъ изъ маленькой чашечки чай, закусываетъ плодомъ хурьмы (каки) и обдумываетъ громоносную статью противъ Россіи для «Нагасакскаго Листка». Проходятъ прогуливающіяся семьи людей, могущихъ располагать досугомъ. Они были загородомъ, въ рукахъ—зеленыя вѣтки и букеты хризантемъ. Улицы полны народа, но вездѣ порядокъ. Снаружи модныхъ лавокъ навѣшены груды платья, платковъ, матерій. Толпы женщинъ перебираютъ и разсматриваютъ эти прелести.

Это—главныя улицы, бойкая торговая часть города. Загляните въ переулки. Какая тамъ прелесть! Переулки такъ узки, что съ трудомъ разъѣдутся двѣ игрушечныя коляски джинрикшей. Сквозь дома, съ отсутствующими стѣнами, видны крохотные садики, позади домовъ, съ однимъ, двумя камфарными деревьями или бананами. Старая могучая криптомерія, кустъ бамбука, клумба вездѣсущихъ хризантемъ, грядка лука, маленькій каменный бассейнъ съ водой. Кое-гдѣ на улицѣ попадается каменная стѣна, покрытая, точно вуалемъ, какимъ-то очень мелкимъ плющемъ; изъ-за стѣны свѣшиваются вьющіяся розы. Открываются боковыя улицы. Одна изображаетъ собою лѣстницу, ведущую на холмъ; опять видны розы, бамбуки, плющи, плакучія ивы, а на заднемъ планѣ—причудливая японская гора, съ старой сосной на вершинѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ городъ прорѣзываютъ ручьи. Они — въ каменныхъ набережныхъ; чрезъ нихъ перекинуты каменныя арки мостовъ, И это миніатюрно, и это красиво и украшено тѣмъ-же мелкимъ плющемъ и розами. Все — въ порядкѣ, на всемъ печать выработанной техники. Возьмите хоть-бы мельницы, работающія водою ручейковъ. Колесо по отдѣлкѣ—игрушка, по устройству—образецъ механики: небольшая струйка воды ворочаетъ колесо въ нѣсколько саженей въ діаметрѣ. На всемъ вы видите всепроникающую установившуюся культуру.

Изъ города совсѣмъ нечаянно мы попали въ японскую «деревню». Мы приказали джинрикшамъ везти насъ въ китайскій театръ,—они подкатили къ русско-китайскому банку. Тогда мы велѣли ѣхать въ садовое заведеніе хризантемъ, — они доставили насъ въ японскій театръ, гдѣ не было представленія. Мы махнули рукой и знаками приказали ѣхать впередъ. Поѣхали куда-то въ гору. Кончился городъ. Началось загородное шоссе, съ загородными трактирчиками, увитыми плющами и розами, украшенными хризантемами. Внизу видно Нагасаки, съ его заливомъ въ зубчатыхъ горахъ. По бокамъ диковинныя японскія горы. Куда же насъ везутъ, и что тамъ? Отвѣчаютъ непонятно: тамъ—нето могила, нето море. Какое-же въ горахъ море! Начались поля, отъ одной до десяти

квадратныхъ саженей. Вотъ «поле» рѣпы. Съ его края сидитъ десятокъ японцевъ и что-то въ листьяхъ рѣпы «ищутъ». Подходимъ. У каждаго — банка съ какою-то липкой желтой жидкостью и палочка. Японецъ обмокнетъ палочку въ жидкость, найдетъ на листѣ рѣпы земляную блоху, поймаетъ ее на конецъ палки и утопитъ въ жидкости. Это — японскій способъ борьбы съ вредными насѣкомыми. Въ придорожныхъ избушкахъ молотятъ, не снопы, а пучочки—риса, пшеницы и нашей гречихи. Кое-гдѣ уже разсажены кустики новаго риса. На другихъ клочкахъ полей — овощи, картофель нашъ, китайскій сладкій картофель, томаты, салатъ. Тамъ-и-сямъ стоятъ развѣсистыя старыя хурьмы, сбросившія листъ, но осыпанныя желтыми плодами, величиною съ мандаринъ. Въ оврагѣ ручей медленно ворочаетъ мельничныя наливныя колеса, изъ которыхъ ни одно ни разу не скрипнуло.

Вотъ мы добрались до перевала горы. Что-же дальше?—Опять: нето море, нето могила. Но, вѣдь, море у насъ позади. Не желѣзная-ли дорога? догадываемся мы. Вдругъ намъ стали попадаться навстрѣчу цѣлыя вереницы джинрикшей, ломовыхъ, легковыхъ и даже лихачей. Ѣдутъ откуда-то съ багажемъ, съ дѣтьми, съ няньками, съ дорожными сумками черезъ плечо. Рѣшили ѣхать дальше. Едва начался спускъ съ горы, какъ мы попали въ какой-то райскій садъ. Довольно круто внизъ спускалась узкая горная долинка. По ней бѣжалъ голубоватый ручей. Дорога извивалась зигзагами и, то выбѣгала на прогалины, то ныряла въ лѣсъ. Насъ то прикрывали темные своды камфарныхъ деревьевъ, то мы вступали въ трепещущую сѣтчатую тѣнь бамбуковой рощицы. Склоны горъ, направо и налѣво, сплошь покрыты рощами, изрѣдка чередующимися съ полянкой риса или овощей. Поляны, рощи, красивый камень, очертанія горъ, куски и полоски синяго неба, пятна тѣней и солнечнаго свѣта,—все это составляло картину удивительнаго изящества, разнообразія и оригинальности.

Мы спустились съ горъ и увидѣли — море! У берега стоитъ небольшой пароходъ, высадившій только что встрѣченныхъ нами путешественниковъ. Оказалось, мы

пересѣкли узкій мысъ, по одну сторону котораго находится Нагасаки, а по другую — деревня Моки. Эту-то Моки мы и принимали за могилу, и стали роптать на Добровольный флотъ, который держитъ въ своихъ пароходныхъ библіотекахъ разныхъ «Княгинь Напраксиныхъ» и анекдоты Павла Вейнберга и не запасся ни порядочнымъ географическимъ атласомъ, ни путеводителемъ по мѣстамъ, которыя посѣщаются его пароходами. Въ попутныхъ портахъ вы найдете только англійскіе гиды, но по-англійски мы не знали.

Нагасаки, если не считать Владивостока, былъ послѣднимъ и единственнымъ національнымъ портомъ на нашемъ пути. Дальше пошли международныя «станціи», угольныя и торговыя.

1-го ноября.—Въ девять часовъ утра вышли въ море. Вблизи стоялъ щеголеватый французскій броненосецъ и все время вопросительно поглядывалъ на насъ.—Что-же, крикнемъ ему на прощанье ура? — Въ чужомъ портѣ, знаете, какъ-будто неловко.—Проходимъ мимо броненосца и потихоньку салютуемъ флагомъ. Вмигъ на французѣ высыпали матросы, кто съ ведромъ, кто съ мочалкой, поваръ съ ножикомъ. «Vive la Russie»! «Hourra!» Тогда и восемьсотъ нашихъ младенцевъ цивилизаціи подхватили. Молодцы французы!

Прошли острова и островки, съ разграфленными полями и рощами, съ деревьями, уцѣпившимися за скалы, и почти по параллели, почти по границѣ Желтаго и Восточнаго Китайскихъ морей направились въ Шанхай. Весна что-то зашалила, стало холоднѣй. По морю ходитъ крупная мертвая зыбь, и зеленыя мутныя волны колышатъ пароходъ.

2-го ноября.—Опять тепло. Тихо. Душно. Предъ нами на горизонтѣ легкій молочный туманъ. Полъ-неба, за нами, прикрыто бѣлоснѣжной облачной пеленой удивительной красоты, похожей на стеганый атласъ. Эта пелена съ сѣвера медленно задергивается свѣтло-коричневой тучей. За бортомъ въ водѣ колышатся колоссальныя медузы, со снопомъ щупальцевъ подъ ихъ колоколами. За кормой наши два винта въ клочья рвутъ эти громадины. Тамъ время отъ времени звонко щелкаетъ

лагъ, отсчитываетъ пройденные узлы. На пароходѣ тишина. Вдругъ сотни ногъ загрохотали по палубѣ, и всѣ съ носа кинулись къ кормѣ. Поблѣднѣвшій вахтенный офицеръ рветъ сигнальные рычаги и звонки въ машину: малый ходъ, потомъ—стопорить. Гулъ испуганныхъ голосовъ, блѣдныя лица, испуганные вопросы, испуганные отвѣты. Всѣ столпились на кормѣ, а за ней кружится шлюпка, то высоко вздымаясь, то низко падая на груди глубоко дышащаго моря. Проходитъ четверть часа, шлюпка возвращается и привозитъ спасательный кругъ, матросскій пиджакъ и шапку съ надписью «Манчжуръ«, съ которыхъ каплями, искрящимися на солнцѣ, точно слезы, стекаетъ вода. Утонулъ чахоточный матросикъ, вышедшій подышать на корму. Корма вильнула, слабый полумертвый страдалецъ покачнулся и упалъ за бортъ. Сначала, видѣли, онъ неподвижно лежалъ на спинѣ, а потомъ исчезъ. Опять звонки въ машину, — и пошли дальше. Это было около четырехъ часовъ пополудни. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта четверть часа откликнется глубокимъ горемъ въ далекой глухой томской деревнѣ.

Около восьми вечера, въ черную темь, приближаемся къ устью Янцсекіанга малымъ ходомъ. Потомъ увидѣли маякъ и пошли смѣлѣе. Вода, разрѣзаемая пароходомъ, свѣтится голубоватымъ свѣтомъ молніи, — свѣтится, но не освѣщаетъ. Сталъ накрапывать дождь, и море засвѣтилось точками. Направо въ водѣ появилась движущаяся яркая полоса, точно лучъ электрическаго солнца. Это — огромная стая рыбъ или дельфиновъ рѣжетъ воду и заставляетъ ее свѣтиться. Свѣтящаяся полоса исчезла, и снова наступила черная темь, въ которой идти мы не рѣшились, а стали жечь на носу бенгальскіе огни, вызывая лоцмана. На огонь прежде всего прилетѣла стрекоза, самая обыкновенная русская стрекоза. Вслѣдъ за нею на спордекъ упала птичка, величиной съ дрозда, ужъ совсѣмъ необыкновенная: черная, какъ та ночь, изъ которой она явилась, съ черными перепончатыми лапками и трехъэтажнымъ клювомъ. Птичка совсѣмъ одурѣла отъ перенесенныхъ темной ночью бѣдствій, далась въ руки и сидѣла на ладони неподвижно; только слышно было, какъ у нея быстро бьется сердце. За птичкой появился

лоцманъ, но мало помогъ дѣлу. Сначала онъ увѣренно отдавалъ приказанія мужественнымъ горловымъ рѣшительнымъ, англійскимъ голосомъ, но потомъ на море легъ туманъ, и мы остановились.

3-го ноября. — Разсвѣло, и мы увидѣли себя не въ черной каменноугольной шахтѣ ночи, а въ срединѣ гигантскаго опала,—въ туманѣ. Пройдемъ немного и остановимся и прислушиваемся. Гдѣ-то тутъ близко, въ нѣсколькихъ саженяхъ, время отъ времени громко и гнусливо реветъ корова. Это не очень насъ интересуетъ, потому-что мы знаемъ, что это плавучій маякъ. Внимательнѣй относимся мы къ другимъ голосамъ. Вотъ, слѣва изъ опаловаго тумана несутся нестерпимо рѣзкія взвизгиванія, похожія и на свистъ, и на мяуканье; это кто-то даетъ о себѣ знать сиреной. Изъ двухъ, трехъ другихъ мѣстъ раздаются то мѣрные удары колокола, то задумчивые гудки. Мы отзываемся по-своему: одинъ изъ нашихъ горнистовъ играетъ сигналы. Разрѣдится немного туманъ, и мы различаемъ силуэты нашихъ товарищей по заключенію въ туманѣ, подымемъ якорь, пройдемъ немного. Потомъ воздухъ снова превратится въ слѣпое бѣльмо, опять грохочетъ якорная цѣпь, и опять начинаютъ переклитаться удивительные морскіе голоса. Въ Шанхай пришли къ ночи. Какой дорогой мы шли, какіе были берега, что на нихъ, — мы такъ и не видали. Видѣли только, что у борта вода изъ зеленой все больше превращалась въ желтую, пока не сдѣлалась совсѣмъ мутной, желто-бурой. Сначала это была вода Янцсекіанга, а затѣмъ его притока, Вусунга, впадающаго въ великую рѣку при ея устьѣ. На притокѣ и расположенъ Шанхай, англо-французскій городъ-станція.

4—8-го ноября.—Шанхай—станція большая, бойкая, богатая. На рѣкѣ множество громадныхъ пароходовъ, морскихъ и рѣчныхъ, не уступающихъ морскимъ. Всѣ они грузятся, разгружаются, приходятъ и уходятъ. Съ рѣки городъ имѣетъ очень внушительный и вполнѣ европейскій видъ, со своими башнями, шпицами церквей, многоэтажными домами и деревьями бульваровъ и садовъ. Внутри, Европы оказывается не такъ много. Толпа сплошь китайская, и европеецъ среди нея рѣдкость. Джинрик-

ши—китайцы, чернорабочіе—китайцы, купцы—китайцы, купчихи—китаянки, съ крохотными ногами. Китайцы въ кабріолетикахъ джинрикшей, въ каретахъ, извощичьихъ и «собственныхъ», въ качествѣ прислуги въ отеляхъ и прикащиковъ въ магазинахъ. Китайская часть города, застроенная красивыми, изукрашенными рѣзьбой, раскраской и позолотой двухъ и трехъэтажными домами, своей обширностью и оживленіемъ подавляетъ чопорные и простые европейскіе кварталы. У Европы тутъ банки, оптовые склады, да нѣсколько магазиновъ наиболѣе изысканныхъ товаровъ; остальное все въ рукахъ китайцевъ. И эти китайцы не какіе-нибудь, не загнанные, не скромные, не уличные торгаши. Это — сытыя, величавыя фигуры, съ породистыми бѣлыми ксендзовскими лицами, въ тончайшихъ шелкахъ. Ихъ китаянки такія-же сытыя, крупныя, съ прекрасными большими томными черными глазами, а шелка ихъ панталонъ и куртокъ еще дороже и красивѣй, чѣмъ у ихъ супруговъ. Таково купечество, очень богатое, все больше оттирающее европейца отъ торговли дальняго Востока, но толпа, не въ примѣръ японской, груба, нагла и нища. Богачи ее забыли, чиновничество безсильно и смѣшно. Нѣтъ ничего курьезнѣй шествія по улицамъ Шанхая мандарина. Какіе-то тощіе одноглазые скороходы, въ зеленыхъ курткахъ и захватанныхъ красныхъ колпакахъ, въ видѣ цвѣтка belle-de-jour; какіе-то полуголые оборванцы, съ палками въ рукахъ; нѣсколько всадниковъ на тощихъ клячахъ, и, наконецъ, самъ мандаринъ въ паланкинѣ, размалеванномъ во всѣ цвѣта радуги. Европейцы смѣются, смѣется китайская толпа, даже улыбаются англичанки, попадающіяся навстрѣчу въ открытыхъ коляскахъ. Въ Китаѣ, въ противоположность демократической Японіи, царитъ купецъ, управляютъ деньги, а это уже конецъ націи, какъ-бы величественъ, безмятеженъ и породистъ ни былъ жрецъ золотого тельца.

Шанхай какою-то маленькой рѣчонкой дѣлится на двѣ части, англійскую и французскую. У однихъ названія улицъ написаны по-англійски, у другихъ—по французски. У англичанъ городовыми служатъ громадные, тонкіе, какъ жерди, темно-коричневые индусы, въ пур-

пурныхъ чалмахъ; у французовъ — обыкновенные французскіе городовые. Это—старшіе городовые, у которыхъ подъ началомъ состоятъ второстепенные, изъ китайцевъ, въ синихъ блузахъ и зонтикообразныхъ шляпахъ. Послѣднихъ иной разъ сопровождаетъ другой китаецъ, голова котораго защемлена въ тяжелую доску. Это—наказанный по приговору англійскаго или французскаго мирового судьи воръ или мошенникъ, обязанный съ такимъ воротничкомъ ходить вслѣдъ за городовымъ по улицамъ и терзаться угрызеніями совѣсти. Изъ двухъ хозяевъ Шанхая видимо первенствуетъ англичанинъ. У него и улицы чище, и дома больше, и городовые бравѣе. Толпа понимаетъ по-англійски и не говоритъ по-французски — даже во французскомъ кварталѣ. Мѣстная французская газета печатается въ англійской типографіи, помѣщающейся во французской части, какъ-разъ противъ французскаго консульства. Въ типографіи говорятъ только по-англійски, и, чтобы купить нѣсколько послѣднихъ нумеровъ газеты, мнѣ пришлось по телефону вызывать переводчика изъ французскаго «Hôtel de Colonies». Но и въ «Hôtel des Colonies» по-французски понимали только хозяинъ, да одинъ старый китаецъ; остальные — только по-англійски. Насколько нашъ другъ, французъ, мастеръ устроиться и хозяйничать у себя дома, настолько-же онъ смякаетъ и слабнетъ, скучаетъ и окисаетъ въ своихъ колоніяхъ. Должно быть, онъ слишкомъ вѣжливъ и, главное, слишкомъ либераленъ для довольно-таки предосудительнаго колоніальнаго ремесла, которое у англичанъ поставлено, въ концѣ концовъ, на грабительскую ногу. Никто такъ не бьетъ жалкихъ азіатовъ и африканцевъ, какъ англичане, притомъ чѣмъ попало и какъ попало,—несчастныхъ шанхайскихъ джинрикшей палкой или каблукомъ въ спину, возставшихъ индійскихъ сипаевъ — пушкой, ускользавшій изъ-подъ ихъ власти Египетъ — разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ. Однако, знающіе люди говорятъ, что въ послѣднее время англичанъ начинаютъ заѣдать нѣмцы, оттирая ихъ отъ торговли даже въ ихъ «станціяхъ». И въ самомъ дѣлѣ, въ Шанхаѣ множество нѣмецкихъ магазиновъ; а въ бытность нашу тамъ англичане скрежетали зубами

при извѣстіи о занятіи нѣмцами китайской бухты Кіао-Тчеу.

Какая разница между нашей колонизаціей и англійской! У англичанъ—города, набережныя, электричество, порты. У насъ—сѣрыя деревни. У нихъ, что ни новая колонія, то новый источникъ доходовъ. Каждое наше новое пріобрѣтеніе заставляетъ наше казначейсто чесать въ затылкѣ: опять пойдутъ новыя войска, новые переселенцы, новые окружные и областные чиновничьи штаты. Англія захватываетъ готовенькое: благораствореніе воздуховъ, цвѣтущія нивы, привыкшее къ платежу податей населеніе,—остается дренировать «новое мѣсто» и цѣдить изъ него деньги. Наши «новыя мѣста»—пустопорожнія. Населены они волками, а то такъ и тиграми, которыхъ только намъ на зло могла занести нелегкая изъ Бенгаліи въ село Никольское Южно-Уссурійскаго округа. Если тамъ и найдутся сотни, полторы какихъ-нибудь манегровъ или ороченъ, такъ и тѣ сейчасъ-же начинаютъ просить ссуду на продовольствіе. Словомъ, расходовъ не оберешься. И все-таки наши колоніи прочнѣй. Мы занимаемъ новыя мѣста не въ качествѣ отдѣльныхъ торговцевъ, а массой своего народа. Мы эту массу не тѣснимъ, какъ это дѣлали англичане даже съ единокровной Сѣверной Америкой, а сами еще покряхтываемъ подъ тяжестью жертвъ въ пользу новой колоніи. Наше дѣло не эффектно, сѣро, но оно прочно и, какъ это ни смѣло сказать, подвигается впередъ быстрѣе, чѣмъ дѣло англичанъ. На «Ярославлѣ» я перечитывалъ Гончаровскую «Палладу». Какъ мало измѣнилось съ тѣхъ поръ положеніе вещей хоть-бы въ Сингапурѣ. Конечно, городъ выросъ, число складовъ увеличилось, торговля разрослась, но суть дѣла та-же. Такъ-же и теперь, какъ сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ, европеецъ — случайный гость, скучающій, полубольной, но жадный. Такъ-же менѣе крупная торговля въ рукахъ китайцевъ. Такъ-же сытъ и равнодушенъ китайскій «буржуй», и такъ-же невѣжественны и нищи китайцы и малайцы-чернь. Такіе-же они язычники, такіе-же голыши. Богатый и просвѣщенный такъ-же забылъ нищаго и темнаго. На Явѣ голландцы попрежнему умышленно держатъ туземцевъ въ глубокомъ не-

вѣжествѣ и бѣдности. Только денегъ за эти сорокъ-пять лѣтъ выцѣжено изъ населенія милліоны и милліарды. На что они пошли, какіе-такіе земные раи завели у себя «на старинѣ» европейцы? Нѣтъ, у насъ лучше хоть-бы тѣмъ, что грѣха меньше, а прочія достоинства нашего способа колонизаціи должно показать будущее, если скептикамъ мало настоящаго зрѣлища стотысячнаго *сытаго* населенія Амурскаго края, котораго во времена «Фрегата Паллады» даже и не существовало для Россіи. Съ этой точки зрѣнія, старовѣрческое село Халкидонъ, на Суйфунѣ, нравится мнѣ больше Шанхая, на Янцсекіангѣ.

Повторяю, Шанхай красивый и внушительный городъ. Набережная превращена въ тѣнистую аллею. Улицы вымощены безукоризненно. Огромные магазины съ зеркальными стеклами. Въ скверахъ стоятъ статуи какихъ-то великихъ англичанъ, въ сюртукахъ и въ брюкахъ со штрипками. Улицы китайцевъ жосткой щеткой англичанъ тоже вычищены и выметены. Китайской неряшливости нѣтъ; остались китайскія оригинальность и живописность. Главная улица города, Нанкинъ- родъ, мало-по-малу переходитъ въ улицу загородныхъ домовъ, окруженныхъ садами и шелковыми истинно-англійскими газонами, увитыхъ ползучили растеніями и плющами. Смотритъ это, однако, не очень привѣтливо. Во-первыхъ, холодно. Наша весна зашалила и, послѣ теплыхъ дней въ морѣ, послала намъ всего 10—12 градусовъ тепла. Небо сѣро. Вѣтеръ. Иногда дождь. Затѣмъ, Шанхай построенъ на болотѣ. Въ канавахъ, по бокамъ загородной аллеи, и въ сажалкахъ садовъ стоитъ зацвѣтшая позеленѣвшая вода. Почва тоже неважная, песчаная, и деревья, по большей части ива, не отличаются здоровымъ видомъ. Въ концѣ этой улицы дачъ мы натолкнулись на китайскій публичный садъ. Тутъ были звѣри въ загородкахъ и птицы въ клѣткахъ, чайныя бесѣдки самой хитрой архитектуры и ресторанчики, еще причудливѣй. Были примѣрные роскошные дома, съ внутренними дворами и фонтанами, эстрады для театральныхъ представленій, игрушечные пруды, коллекціи садовыхъ и огородныхъ растеній, цвѣточныя клумбы, деревья, обстриженныя въ видѣ людей и животныхъ, и, наконецъ, знаменитыя карликовыя де-

ревья. Деревцо, величиною въ аршинъ, до смѣшного воспроизводитъ стараго, даже дряхлаго лѣсного великана. Морщинистая кора, корни, выдающіеся изъ земли, кривыя вѣтви, сухіе сучья, даже дупла. Даже хвоя и листва этихъ живыхъ миніатюръ во много разъ уменьшены искусствомъ противъ нормальнымъ размѣровъ. Этотъ секретъ европейцамъ неизвѣстенъ. Карлики были единственнымъ примѣчательнымъ предметомъ въ саду, цѣль котораго, очевидно, развлекать и поучать, сразу. Все остальное было неряшливо и неаккуратно. То, что должно было быть чудомъ изящества, носило печать искривившагося и выродившагося китайскаго искусства, нашедшаго для себя въ Японіи такую благодарную почву. Великолѣпны были только шолковые наряды китайскихъ богачей и богачихъ, которые, вмѣстѣ съ ребятишками, нянькми и лакеями, пріѣхали въ садъ въ отличныхъ колясках и каретахъ. Взрослые пили чай, а дѣти съ няньками ходили по саду и изумлялись собраннымъ тамъ ихнимъ китайскимъ чудесамъ.

8-го ноября, въ семь часовъ утра, вышли въ дальнѣйшій путь и съ любопытствомъ разсматриваемъ тѣ мѣста, гдѣ недавно шли въ опаловомъ туманѣ. Сначала— Вусунгъ, широкая рѣка, съ воздѣланными берегами, садами и фермами. Потомъ желтый и мутный Янцсекіангъ, широкій до того, что не видно его плоскихъ береговъ. Наконецъ, море. Тутъ сразу стало теплѣе. Миновали группу Сѣдельныхъ острововъ, причудливыми неуклюжими скалами высоко подымающихся изъ воды. На одномъ изъ нихъ находится маякъ, у котораго въ глухую темь мы останавливались, когда подходили къ Шанхаю. За островами еще теплѣй. Мы вступаемъ въ лѣто, которое увидимъ въ полномъ блескѣ въ Сингапурѣ, на двѣ тысячи верстъ южнѣе, подъ $1^{1}/_{2}{}^{0}$ широты.

Лѣто.

Съ восьмого по пятнадцатое ноября шли въ Сингапуръ. Восемь съ половиною сутокъ въ открытомъ морѣ для морскихъ путешественниковъ настоящаго времени представляется очень долгимъ срокомъ. Встарь плавали

не такъ, да и теперь не такъ ходятъ парусники. — Однажды, — разсказалъ намъ командиръ, — встрѣчаю подъ Аденомъ англійскаго парусника, который подаетъ мнѣ сигналъ: очень радъ васъ видѣть. Отвѣчаю тоже привѣтствіемъ, но и спрашиваю: что случилось? Отвѣтъ: сорокъ-пять сутокъ стоялъ въ штилевой полосѣ, вижу ваше судно первымъ.

До одиннадцатаго ноября все шло обычнымъ порядкомъ. Днемъ одни винтятъ, другіе работаютъ. Свободные отъ этихъ повинностей смотрятъ на море, которое изъ зеленоватаго мало-по-малу превращается въ темносинее. Море показываетъ намъ новинку,—летучихъ рыбъ. Изъ воды, то-и-дѣло, выскакиваютъ, то одиночками, то небольшими стаями, какія-то черныя ласточки, съ ласточкиными крыльями, и очень быстро, опускаясь и подымаясь, даже дѣлая повороты, несутся невысоко надъ водой прочь отъ парохода. Пролетятъ сажень тридцать, самыя бойкія — сажень пятьдесятъ, и затѣмъ сразмаху, носомъ впередъ, воткнутся въ воду и исчезнутъ въ ней со своими крыльями. Десятаго стало уже настолько тепло, что наши запасные солдаты вынесли канареекъ, которыхъ въ огромномъ количествѣ накупили въ Нагасакахъ, на палубу,—и у насъ неумолкающія птичьи пѣсни. Когда, десятаго-же, шли недалеко отъ Формозы, къ намъ сѣла стайка воробьевъ. Эти господа вовсе не имѣли того измученнаго вида, какой былъ у черной птички, попавшей на «Ярославль» въ темную ночь подъ Шанхаемъ. Это было общество бодрыхъ, веселыхъ туристовъ, направлявшихся съ Формозы въ Сингапуръ. Общество прежде всего нашло лужицу прѣсной воды подъ краномъ и напилось, потомъ сытно пообѣдало крошками солдатскаго хлѣба и зерномъ, уворованнымъ изъ клѣтокъ съ канарейками, а дальше повело себя совершенно какъ дома, какъ путешествующіе англичане: никакого вниманія ни на солдатъ, ни на канареекъ, шумныя бесѣды между собою на непонятномъ языкѣ и разнаго рода спортъ, въ видѣ борьбы, круженія вокругъ парохода, взлетанія на самыя верхушки мачтъ. Изъ трюмовъ, гдѣ, очевидно, уже совсѣмъ жарко, появились крысы, которыя стали часто ходить пить изъ той-же лужицы, подъ

краномъ. Къ неудовольствію пассажировъ, ихъ путь лежитъ чрезъ каютъ-компанію, двери и окна которой мы, въ ожиданіи лѣта, уже держимъ отворенными настежъ. Крысы входятъ въ дверь, въ одномъ концѣ, по спинкѣ дивана взбѣгаютъ до окна, на противоположномъ, — а за окномъ и вода. Потомъ тѣмъ-же путемъ — назадъ. Сначала это казалось непріятнымъ, особенно дамамъ, которыя, какъ извѣстно, крысъ боятся почти такъ-же, какъ мышей, а послѣднихъ немногимъ меньше, чѣмъ навозныхъ жуковъ,—но скоро привыкли и только искоса посматривали, когда крыса, задѣвая ваше колѣно, устремлялась въ окно. Какъ-то разъ окно было затворено, крыса ударилась о стекло, испугалась, словно-бы дама, отпрянула и шлепнулась—въ полную тарелку съ супомъ одного изъ кавалеровъ. Можете себѣ представить, какой вопль испустили дамы! Только одна изъ нихъ сохранила самообладаніе и успѣла во-время крикнуть кавалеру: «Не ѣшьте вашего супа! Не ѣшьте этого супа!»—Несчастный внялъ благоразумному совѣту.

По вечерамъ, надо сознаться, опять винтили. Не-винтеры играли въ шахматы. Нашлись музыканты, между ними хорошій скрипачъ, и иногда задавали маленькіе концерты, которые привлекали многочисленную публику нашихъ солдатиковъ, лица которыхъ виднѣлись во всѣ окна и двери. Молодежь возилась съ маленькими пассажирами, изобрѣтая чрезвычайно занимательныя игры. Играли въ безхвостыхъ крысъ: маленькіе проползали подъ столами и скамьями, а молодые ихъ ловили. Играли въ форсированіе проливовъ: проливомъ былъ узкій проходъ на спордекѣ; Иванъ Ивановичъ или Андрей Александровичъ изображали грозныя укрѣпленія, а прорывались стопушечные броненосцы, «Густавъ» и «Владиміръ», причемъ броненосцы пронзительно пищали отъ удали и воодушевленія.

Словомъ, до одиннадцатаго все шло благополучно, но съ этого числа появились признаки, которые на опытный морской глазъ были несовсѣмъ благопріятны.

Одиннадцатаго, послѣ полудня, наши офицеры сдѣлались особенно милы съ пассажирами, а другъ съ дру-

гомъ загадочно холодны; въ то-же время какъ-будто появились на морѣ волны, покрупнѣй.

— А волны покрупнѣй? спрашиваемъ мы.

— Какія волны? Это не волны.

— Какъ не волны?! Вонъ, идетъ одна. Видите, какая жирная.

— Это волна—сзади, попутная.

Двѣнадцатаго утромъ уже нельзя было отрицать очевиднаго присутствія волнъ, шедшихъ хотя-бы и сзади.— Но,—говорили намъ со снисходительной улыбкой,—какое-же море безъ волнъ? Безъ волнъ была-бы лужа! Часовъ около десяти осматривали рулевую цѣпь («Смазать было нужно»).

Тринадцатаго! Число, какъ всѣмъ извѣстно, — дрянь. Командиръ поздравилъ съ рожденіемъ луны.

— Нужно спрыснуть новорожденную, говоримъ мы.

— Пусть сначала заслужитъ, отвѣчаетъ командиръ, и лицо у него въ это время—«неблагопріятный признакъ»; но онъ сейчасъ-же спохватывается, дѣлаетъ лицо признакомъ наиблагопріятнѣйшимъ и повторяетъ уже съ шутливостью:—Пусть сначала заслужитъ!

Нехорошо! За завтракомъ на столѣ появляются *штормовыя скрипки*, рамы съ гнѣздами для посуды. Послѣ завтрака не до винта, работы и не до игръ въ проливы. Офицеры и механики, окончивъ завтракъ, не остались по обыкновенію, а, переглянувшись, разошлись по своимъ каютамъ. Говорятъ: письменная работа накопилась. Волны, дѣйствительно, идутъ сзади, но, несмотря на это, онѣ все-же волны, да еще какія! Еслибы офицеры не скрылись, мы убѣдили-бы ихъ въ своей правотѣ. Мы повели-бы ихъ на корму, которую нагоняютъ водяныя горы, въ полтора раза выше «Ярославля», черносинія, съ бѣлыми разводами, съ гребнемъ, похожимъ на растопыренные пальцы, которыми вотъ-вотъ гора зажметъ насъ въ горсть. Мы показали-бы имъ другую гору, которую сфотографировалъ одинъ изъ насъ въ тотъ моментъ, когда она вдругъ вытянулась вверхъ и выбросила изъ себя, ужъ я не знаю, сколько сотенъ бочекъ воды, которую сейчасъ-же сорвалъ вѣтеръ и, какъ сѣвецъ сѣмена, въ видѣ мелкихъ зеренъ, разбросалъ по морю. Мы пока-

зали-бы имъ вахтеннаго офицера, который хмурился и нервно щелкалъ пальцами, когда одинъ бортъ былъ въ уровень съ валомъ, а другой оставался обнаженнымъ и ничѣмъ не подпертымъ чуть не до самаго киля.

— Скажите, пожалуйста, спрашиваемъ мы окончившаго вахту офицера, нервно щелкавшаго пальцами, — гдѣ теперь лучше, здѣсь или у васъ въ симбирской деревнѣ?

— Мм... въ Симбирскѣ, пожалуй, ходить удобнѣй: не качаетъ.

Всегда одни и тѣ-же!

Вѣтеръ—сзади, но все-же онъ рветъ съ головы шапку. Каковъ-бы онъ былъ, еслибы дулъ спереди, можемъ судить по встрѣчному огромному пароходу, который медленно подвигался впередъ, глубоко зарываясь носомъ въ воду, весь въ облакахъ брызгъ.

И вдругъ — опять на вахтенномъ мостикѣ рвутъ сигнальные рычаги и звонки, опять запѣли командные свистки, опять топотъ:—лопнулъ штуръ-тросъ, рулевая цѣпь, та самая, которую осматривали подъ тѣмъ предлогомъ, что ее «нужно смазать». Насъ помаленьку повертываетъ, повертываетъ—и ставитъ вдоль волнъ. Молча, мы наблюдаемъ это. Кто зачѣмъ-то застегивается, кто нахлобучиваетъ шапку; всѣ ищутъ глазами, за что-бы держаться, когда волны начнутъ бить прямо въ бортъ. Но «Ярославль» оказазался необыкновенно стойкимъ: вдоль волнъ онъ качался еще меньше. Чрезъ четверть часа все было исправлено, и мы пошли дальше. Но штуръ-тросъ занозой засѣлъ въ нашу память.

Четырнадцатаго стихъ вѣтеръ и, по странному совпаденію, тогда-же кончились письменныя занятія офицеровъ. Спордекъ и каютъ-кампанія снова оживились.

— А, вѣдь, мы маленькую бурьку вынесли?

— Когда была буря?!

— Да вчера!

— Едва-ли. Знаете, письменныя занятія... Нѣтъ, бури не было: иначе мы замѣтили-бы. Можетъ быть, какихъ-нибудь девять балловъ было, но буря,—нѣтъ!

Чрезъ мѣсяцъ, отъ моряковъ (ѣхавшихъ со мной по желѣзной дорогѣ изъ Одессы въ Петербургъ) я узналъ,

что двѣнадцать балловъ—это ужь такой вѣтеръ, что даже кочегары, работающіе при шестидесяти градусахъ жары, начинаютъ молиться объ избавленіи отъ неминучей гибели и о продленіи ихъ кочегарной жизни.

Вѣтеръ утихъ, но волненіе не улеглось, превратившись въ мертвую зыбь, которая гораздо больше дѣйствуетъ на нервы, чѣмъ правильная живая волна. Послѣдняя накреняетъ, но и поддерживаетъ судно. Одна толкнетъ его справа, а другая подхватитъ слѣва и поможетъ стать прямо. Мертвая зыбь безтолковыми горами ходитъ по морю, и пароходъ можетъ о нихъ споткнуться иной разъ очень нехорошо. Это было видно и по нашему «Ярославлю», который весь день четырнадцатаго ноября качался на мертвой зыби, словно угорѣлый. Писать было труднѣе, чѣмъ наканунѣ, во время полу-бури. Приходилось то придерживаться рукою, чтобы не отвалиться отъ стола, то напрягаться, чтобы не слишкомъ налегать на его край. На пароходѣ тишина, ни шума вѣтра, ни шипѣнья волнъ,—и ужь слишкомъ замѣчаешь качку, даже участвуешь въ усиліяхъ, которыя дѣлаетъ пароходъ, чтобы возстановить равновѣсіе. Иной разъ поднимешь глаза отъ работы, взглянешь въ открытую дверь и видишь не небо, а зеленую воду, — точно въ колодезь заглянулъ.

Пятнадцатаго вечеромъ мы завидѣли огни Сингапура. Ночь была великолѣпная, но чужая, незнакомая. Народившійся мѣсяцъ стоялъ въ самомъ зенитѣ, надъ мачтой, рожками вверхъ, по-магометански. Звѣздъ было мало, и все неизвѣстныя. Полярной звѣзды нѣтъ, Большой Медвѣдицы не видно. Въ воздухѣ—баня: жарко, влажно и душно. Съ далекаго берега, на которомъ видны рѣдкіе огоньки, изрѣдка добѣгаетъ до насъ едва замѣтный вѣтерокъ и доноситъ слабый, но тоже словно душный, ароматъ кокоса. На берегу—склады кокоса, топятъ кокосомъ, мажутся и помадятся кокосомъ, спятъ на кокосовыхъ циновкахъ. Въ этой ароматной духотѣ, въ таинственной темнотѣ, которую не могъ освѣтить маленькій осколокъ новаго мѣсяца, медленно подошли мы къ Сингапуру.

16—19 ноября. Сингапуръ.

Разгаръ лѣта, $+23^0$ R. въ тѣни. На лоткахъ у раз-

нощиковъ, открывшихъ цѣлую ярмарку на набережной,— бананы, ананасы и мангустаны. Около парохода въ крохотныхъ душегубкахъ вертятся голые малайскіе мальчуганы, неистово кричатъ и ныряютъ въ воду за брошенной монетой. Съ китайцевъ, грузящихъ намъ уголь, ручьями льетъ потъ. Каждый день около двухъ пополудни набѣгаютъ тучи, и втеченіе нѣсколькихъ минутъ падаютъ грозовые ливни. Вода узкаго пролива, представляющаго собою сингапурскій рейдъ, и виднаго вдали моря—свѣтло-зеленаго цвѣта. Небольшіе каменные холмы, на берегу,—словно изъ розоваго коралла, съ красными прожилками. Кромѣ этого немногаго камня, все остальное—пышная, темная древесная зелень. Ею убраны розовыя горки, покрыта прибрежная низина; небольшіе островки пролива—настоящія корзины зелени. Общее впечатлѣніе отъ деревьевъ и кустовъ такое-же, какъ и отъ нашихъ. Диковины тропиковъ, пальмы и бананы и разныя другія замысловатыя деревья, и здѣсь, должно быть, не очень заурядны, потому-что ихъ видишь только въ садахъ и на плантаціяхъ.

Чтобы вполнѣ насладиться тропическимъ лѣтомъ, мы прежде всего отправились въ знаменитый сингапурскій ботаническій садъ. Великолѣпенъ, изященъ, что и говорить, но, гуляя въ немъ, по его пригоркамъ и ложбинкамъ, по лужайкамъ и аллеямъ, я постоянно сбивался, и то мнѣ казалось, что я нахожусь въ огромной теплицѣ, то представлялось, будто я попалъ въ отличный сквэръ какого-нибудь столичнаго европейскаго города. Въ саду не было неба: надъ нашими головами разстилалась сѣровато-бѣлая туманная пелена, назойливо напоминавшая несовсѣмъ чистое матовое стекло. Распланированъ знаменитый садъ совсѣмъ по-англійски—даже газоны англичане ухитрились сдѣлать изъ какой-то тропической травки,—что, по-моему, совсѣмъ не идетъ къ экватору. Аллея изъ пальмъ — то-же, что аллея изъ брюквы; куртина банановъ напоминаетъ гряду салата. Тутъ слѣдовало-бы изобрѣсти какой-нибудь особый стиль. Впрочемъ, садъ служитъ научнымъ цѣлямъ, а деревья и кусты его удивительно красивы и роскошны. На однихъ были непонятные плоды и сѣмена, другіе были покрыты

причудливыми, крупными, толстокожими, яркими, преимущественно красными цвѣтами. Изъ не-ботаническихъ диковинокъ сада самая примѣчательная—клѣтки съ обезьянами; а самая неожиданная—надпись при входѣ. Увидавъ ее, мы даже немного обидѣлись. Надпись—по-русски и гласитъ такъ: «Объявленіе. Строго воспрещается срывать цвѣты и растенія въ ботаническомъ саду; уличенные въ семъ будутъ привлечены къ отвѣтственности. Управленіе». Или, быть можетъ, наши переселенцы и солдаты, и въ самомъ дѣлѣ, тутъ пошаливали, ломая вѣтки, чтобы отмахиваться отъ комаровъ, и видя въ сторожахъ-индусахъ не стражу, а цыганъ, которые хотятъ ихъ ограбить? Есть въ саду и еще нѣчто русское. Самымъ любимымъ и распространеннымъ цвѣткомъ въ Сингапурѣ, по крайней мѣрѣ въ это время года, оказываются бархатцы, тѣ самые бархатцы, безъ которыхъ немыслимъ огородъ ни одной хохлушки, сухіе вѣнки которыхъ непремѣнно висятъ въ каждой хохлацкой хатѣ, отъ Галиціи до Южно-Уссурійскаго края. Въ саду бархатцы посажены на самыхъ видныхъ мѣстахъ, на тщательно приготовленныхъ куртинахъ, бережно привязнныя къ палочкамъ, и важно посматриваютъ на вѣерныя пальмы, удава и орангутанга.

У клѣтокъ съ обезьянами встрѣчаемъ нашихъ броненосцевъ, Густава и Владиміра. Броненосцы не могутъ оторваться отъ созерцанія обезьянъ. Орангутангъ, черно-рыжій, лысый, съ черной суконной физіономіей, ростомъ съ двѣнадцами-лѣтняго мальчика, приводитъ ихъ въ восхищеніе упражненіями съ какимъ-то рядномъ, которымъ обезьяна то повязывается по-бабьи, то кутается какъ пледомъ, то надѣваетъ на себя въ видѣ фартука. Еще занимательнѣй семья небольшихъ сѣрыхъ обезьянъ. Отецъ уже не молодъ: это видно по его длиннымъ желтымъ зубамъ. Его супруга—дама молодая. Сынокъ, величиною съ котенка, съ лица удивительно похожъ на стараго чухонца. Отецъ сидитъ въ сторонѣ и что-то обдумываетъ. Мать не отходитъ отъ сына. То беретъ его за подбородокъ и съ нѣжностью разсматриваетъ милыя черты, то по-человѣчьи кормитъ грудью, то укачиваетъ на рукахъ. Броненосцы пищатъ отъ восторга совершенно такъ, какъ при форсированіи проливовъ. Много смѣялись и взрослые.

Вдругъ замѣчаемъ, что мамаша броненосцевъ отъ смѣха начинаетъ переходить къ плачу. Это, конечно, дѣйствіе тропиковъ на нервы. Но оказалось не совсѣмъ такъ. Наша спутница, оставившая «Ярославль» послѣ насъ, сходя съ парохода по слишкомъ круто поставленному трапу, поскользнулась и упала въ воду. Спутница отдѣлалась однимъ испугомъ, но испугъ былъ не малый: вода совсѣмъ чужая, сингапурская; въ водѣ—акулы; вытаскивали похожіе на чертей малайцы. На остальныхъ этотъ случай произвелъ дурное впечатлѣніе. Одинъ изъ пассажировъ, склонный къ мрачнымъ мыслямъ, сталъ задумываться: утонулъ солдатикъ, лопнулъ штуртросъ, упала въ воду дама,—что-же дальше, какъ-то доѣдемъ, доѣдемъ-ли?—Тутъ ужъ заговорили нервы подъ вліяніемъ тропиковъ.

Европейцамъ плохое житье подъ тропиками. У всѣхъ у нихъ какой-то разваренный видъ. Блѣдные, желтые, тусклый взглядъ, раздражительные. И немудрено, потому-что приходится жить въ настоящей теплицѣ, при вѣчной духотѣ и въ необыкновенной сырости. Тѣло постоянно покрыто согрѣвающимъ компрессомъ влажности, которая течетъ по спинѣ и по рукамъ. Сидятъ на плетеныхъ стульяхъ, разставивъ ноги и руки; точно въ такой-же мало живописной позѣ ѣздятъ по улицамъ, чтобы всего продувало вѣтромъ. Спятъ на широчайшихъ кроватяхъ, чтобы можно было перекатываться на еще сухое мѣсто. Конечно, это изнуряетъ. Видъ нашихъ моряковъ, плавающихъ между Одессой и Владивостокомъ, тоже нельзя назвать здоровымъ. Правда, они — не всегда въ тропикахъ, но рѣзкіе переходы отъ экваторіальныхъ жаровъ къ морозамъ Одессы и Владивостока не проходятъ безъ слѣда. Европейцамъ въ Сингапурѣ—неладно; зато тропическіе люди — малайцы, южные китайцы и индусы чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ. Малайцы и въ самомъ дѣлѣ — полу-рыбы. Ихъ хижины построены въ водѣ на сваяхъ. Всю жизнь проводятъ въ своихъ душегубкахъ. Интересно было смотрѣть, какъ они шныряли въ этихъ скорлупкахъ по сингапурскому рейду. Волненіе наливаетъ воду въ лодки, а они гребутъ, разговариваютъ о дѣлахъ и выбрасываютъ воду изъ душегубки — ногами. Волна

перевернула лодку, малайцы высыпались изъ нея въ море, сейчасъ-же поставили лодку какъ слѣдуетъ, вычерпали ладонями воду, усѣлись—и продолжаютъ разговоры о своихъ дѣлахъ.

Какъ городъ, Сингапуръ — тотъ-же Шанхай, только въ меньшихъ размѣрахъ. Тотъ-же великолѣпный европейскій кварталъ монументальныхъ каменныхъ домовъ, какихъ не найдете въ Петербургѣ, зданія котораго, послѣ этихъ торговыхъ станцій, Шанхая, Сингапура, Коломбо, представляются очень скромными. Тѣ-же дворцы: суда, музея, губернаторскаго дома. Тѣ-же загородныя виллы, окруженныя великолѣпными тропическими садами. Набережная, съ тѣнистыми аллеями фикусовъ и смоковницъ. Отлично шоссированныя улицы. Тотъ-же рѣзной и цвѣтистый китайскій кварталъ, со всевозможными магазинами и безчисленными съѣстными лавками и цирюльнями, безъ стѣнъ на улицу. Новы тутъ только индусы и ихъ зебу. Индусъ почти черенъ, его зебу бѣлъ, но и тотъ и другой имѣютъ странный, сплющенный и вытянутый видъ, одинъ — вытянутый человѣкъ, другой — сплющенный быкъ, — видъ растеній, вынутыхъ изъ гербарія. Индусъ очень высокъ и очень худъ. Руки и ноги—словно жерди. Когда индусъ сядетъ на корточки, онъ имѣетъ видъ сверчка, подобравшаго свои спички-ноги. Зебу съ боковъ сдавленъ; узкая и длинная морда; длинные рога направлены прямо вверхъ и параллельно. На холкѣ—узкій горбъ. Украшенія у индусовъ и зебу немногочисленны. У перваго — бѣлая чалма и цвѣтной фартукъ; у второго на рога надѣты бронзовые, хорошей чеканной работы футляры. Индусы со своими зебу — сингапурскіе ломовики.

19—24 ноября. Отъ Сингапура до Коломбо.

Тропики великолѣпны, но трудно тутъ существовать. Особенно тяжело въ Малакскомъ проливѣ, которымъ мы теперь идемъ. Двадцать-шесть градусовъ въ тѣни, духота и сырость. Къ этому прибавьте по нѣскольку въ день шкваловъ,—небольшихъ грозовыхъ тучъ, съ такими ливнями, которые у насъ бываютъ въ половинѣ мая, когда рѣшительно повернетъ на тепло. У насъ эти весенніе ливни и грозы только радуютъ: хороши будутъ хлѣба и травы.

Здѣсь шкваловъ не любятъ: изъ-за ливня не видно, что впереди. Лишь только изъ тучи начиналъ лить небесный водопадъ, сейчасъ-же уменьшали ходъ, и наша пароходная сирена начинала свое отвратительное мяуканье, отъ котораго даже въ ушахъ чесалось. Дамы не выносили этихъ звуковъ и начинали плакать. Склоннымъ къ мрачнымъ мыслямъ пассажиромъ овладѣвали тяжелыя предчувствія. Мирились съ сиреной только въ виду ея явной пользы. При началѣ ливня на морѣ обыкновенно никого не было видно; но лишь только онъ кончится, откуда только появятся пароходы, и справа, и слѣва, и за кормой, и чуть не подъ самымъ носомъ. «Нѣтъ, ужь лучше мы поплачемъ», рѣшили дамы.

Да, тропики, страна вѣчнаго тепла и вѣчной сырости, великолѣпны. Земля изукрашена роскошной растительностью. Въ открытомъ морѣ удивляютъ и восхищаютъ облака и вода. Однако, и тѣ и другая хороши не днемъ, когда небо слегка задымлено испареніями; днемъ и небо, и море одноцвѣтны и сѣроваты. Настоящее великолѣпіе появляется незадолго до заката и продолжается нѣкоторое время послѣ него. Солнце заходитъ ровно въ шесть часовъ, погружаясь въ воду въ вертикальномъ направленіи. Происходитъ это быстро: солнце тонетъ на глазахъ. Лишь только оно коснулось нижнимъ краемъ горизонта, сѣрое море превращается въ матовое серебро, по которому переливается глубокое индиго съ блестками старой мѣди. Краски—густыя, теплыя, почти тяжелыя и мрачныя, но великолѣпныя, какъ змѣиная кожа. Въ тоже время на западѣ вспыхиваютъ безчисленныя курчавыя облака, словно горящіе золотомъ и пурпуромъ острова; на нихъ—фантастическія пирамидальныя пагоды, колоссальные дворцы, густыя рощи и ряды пальмъ. Солнце погрузилось въ море, и фантастическій пейзажъ начинаетъ меркнуть, остывать, темнѣть. Черезъ полчаса день уже совсѣмъ конченъ. Декорація мѣняется. На небѣ свѣтитъ серебряный мѣсяцъ. Море становится зеленоватымъ, чистымъ, искрящимся. Прочищается и небо, въ которомъ загораются немногочисленныя незнакомыя звѣзды. Если грозовыя тучи не успѣли сойти съ неба до вечера, который иногда заставалъ ихъ на горизонтѣ, получались уже

совсѣмъ фантастическія картины. Однажды, въ первый же вечеръ по выходѣ изъ Сингапура, вдали, на югѣ, мы видѣли горбъ громаднаго, до-красна раскаленнаго острова, полузакрытый синими кучевыми облаками. Можно было подумать, что это — настоящій островъ, только-что выдвинутый на поверхность моря подземными силами. Великолѣпно, но что-то подавляющее, зловѣщее есть въ этомъ чуждомъ великолѣпіи. Зори восточной Сибири такъ-же роскошны и фантастичны, но тамъ общее настроеніе радостное.

21-го ноября мы увидѣли слѣва и настоящій островъ, Суматру. Настоящій островъ гораздо привѣтливѣй, чѣмъ привидѣніе. Да и видѣли мы Суматру днемъ. Это—горный островъ, горная цѣпь, поднявшаяся изъ океана и сверху до-низу покрытая густымъ курчавымъ темнолистымъ лѣсомъ. Только у самой воды, да мѣстами не первыхъ холмахъ расчищены поляны, на которыхъ желтѣютъ посѣвы, тамъ и сямъ стоятъ пальмы; кое-гдѣ поднимается дымокъ; людей даже въ сильный бинокль нельзя отличить. Но люди есть.—«И тутъ люди. Господи, Боже мой, вездѣ люди!» говоритъ нашъ кроткій, молчаливый пароходный іеромонахъ и почему-то вздыхаетъ. Выше полянъ—сплошной лѣсъ, а выше его ходятъ тучи, въ которыхъ сверкаютъ молніи и отъ которыхъ внизъ спускаются туманныя завѣсы ливней. Къ полудню эти тучи оставятъ островъ и пойдутъ разгуливать по морю въ видѣ шкваловъ, заставляя сирену мяукать, а дамъ проливать слезы.

Двадцать-перваго, около четырехъ часовъ вечера, прошли мимо крохотнаго островка, съ маякомъ, на которомъ, рядомъ съ кокосовой пальмой, на шестѣ развѣвался голландскій флагъ; изъ пролива вышли въ океанъ и вздохнули легче. Жара не такая невыносимая, шквалы рѣже, подуло вѣтромъ, который иногда какъ-будто хотѣлъ не на шутку усилиться, такъ-что дамы спрашивали, не начинается-ли тайфунъ?

Въ океанѣ все было спокойно, и всѣ были спокойны. Волноваться стали тогда, когда завидѣли маякъ Коломбо, но по особой причинѣ: намъ сказали, что въ Коломбо мы простоимъ не меньше двухъ сутокъ. Значитъ, можно

будетъ съѣздить въ Кэнди, въ центръ Цейлона. Говорятъ, что это—чудная экскурсія. Въ Кэнди — самые настоящіе индусы, не только съ зебу, но и со слонами, и индійскія древности. По дорогѣ—тропическіе пейзажи, по разсказамъ, еще болѣе красивые, чѣмъ въ Японіи, въ чемъ я, однако, сомнѣваюсь. И, вотъ, эти мечты не сбылись. Въ свободныхъ трюмахъ у насъ былъ чай. Въ Сингапурѣ намъ телеграфировали, что дадутъ тоже чай, а предложили грузить кокосъ. Это значило-бы испортить чай, мы отказались, и отходъ нашъ былъ назначенъ на слѣдующій день.

Мы недовольно посматриваемъ на портъ, посреди котораго остановились, отдѣленный отъ океана необыкновенно длиннымъ моломъ, и на Коломбо. Съ одной стороны плоскій берегъ, весь въ пальмахъ. Между водой и пальмами хлопотливо бѣгаютъ чуть замѣтные паровозы и вагоны. Небось, въ Кэнди идутъ! Съ другого борта видно Коломбо, тѣ-же европейскія каменныя потемнѣвшія и отсырѣвшія зданія, что въ Сингапурѣ и Шанхаѣ. Въ гавани такое-же множество судовъ. Недалеко отъ насъ стоитъ землякъ, добровολецъ «Воронежъ», который везетъ семьсотъ человѣкъ казаковъ, нанятыхъ для охраны изысканій манчжурской желѣзной дороги. Разсказываютъ, что казаки—въ формѣ, съ какими-то драконами на папахахъ. Вообще, военнаго элемента теперь на дальнемъ Востокѣ много. Въ каждомъ портѣ—броненосцы, полуброненосцы, канонерки, пушки, матросы. Въ одномъ мѣстѣ англичане, а рядомъ французы; русскіе, а по близости—японцы. То-же и въ Коломбо. Стоитъ англичанинъ, а рядомъ—германецъ. Пришолъ другой германецъ, а за нимъ черезъ часъ, два бросаетъ якорь другой англичанинъ. Англичанинъ ушолъ, не сказавши куда. Немного погодя, въ такомъ-же молчаніи, снимается и нѣмецъ и идетъ вслѣдъ за англичаниномъ. При встрѣчахъ раскланиваются, входя въ портъ салютуютъ и выслушиваютъ отвѣтные салюты изъ крѣпостей, но ходятъ другъ за другомъ и одинъ по пятамъ другого, какъ два кабана, у которыхъ начало поединка обставлено длинными и сложными обрядностями, тоже похожими на обмѣнъ вѣжливостей.

Только-что собрался я сойти на берегъ, какъ налетѣлъ изъ шкваловъ шквалъ. Громъ грохоталъ, а молніи не было видно, должно быть, потому, что и ничего не было видно изъ-за дождя, который стекалъ съ безчисленныхъ крышъ, мостиковъ и палубъ парохода ручьями и каскадами. Пришлось остаться на пароходѣ и развлекаться зрѣлищемъ голыхъ индѣйчиковъ, продѣлывавшихъ все тѣ-же штуки съ вылавливаніемъ мелочи изъ воды, да почти голыхъ индусовъ, грузившихъ уголь. Въ этой работѣ сказывался характеръ народа. У японцевъ она шла дружно, весело. Работала молодежь, которая у японцевъ тоже не гуляетъ. Отъ угольной баржи до отверстія пароходной угольной ямы японцы устроили лѣстницу. На каждой ея ступени стало по парѣ японичиковъ. И вотъ, по рукамъ работавшихъ отъ баржи до ямы побѣжали небольшія корзинки съ углемъ, быстро, непрерывно и мѣрно передаваемыя изъ одной пары рукъ въ другую. Чтобы движеніе шло ритмично, толпа вполголоса напѣвала: «цинга-цинга, цинга-цинга!»—точно цикады. И только изрѣдка раздавался громкій молодой хохотъ, когда просыпалась корзина, или кто-нибудь не успѣвалъ подхватить ее. «Ахъ, дружный народъ!» повторялъ нашъ батюшка, любуясь работой. Китайцы работаютъ прилежно, покорно, но тяжело и молча. Съ трудомъ и даже съ опасностью таскали они по крутымъ скользкимъ сходнямъ на коромыслахъ увѣсистыя корзины съ углемъ. Ни пѣсенъ, ни смѣха, ни шутокъ. Индусы работали медленно, нехотя, но ужасно важничали тѣмъ, что они работаютъ, а до того ужасно долго составляли глубокомысленный планъ предстоящей работы. Въ Нагасаки японцы ничего не украли на пароходѣ, потому-что считаютъ постыднымъ украсть. Въ Шанхаѣ и Сингапурѣ тоже ничего не пропало, потому-что китайцы боятся красть. Въ Коломбо индусы въ одну минуту стащили сумку, въ которой была изрядная сумма денегъ, вдобавокъ всѣ сбереженія ея обладателя, оставшагося безъ копѣйки и даже безъ документовъ, которые были въ той-же сумкѣ. Жалко было смотрѣть на человѣка. На другой день встрѣчаемъ его на спордекѣ. Видъ довольный; напѣваетъ.

— Поздравьте! говоритъ.

— Съ чѣмъ?

— Двѣсти рублей золотомъ украли.

— Еще двѣсти рублей!

— Нѣтъ, всего. Остальное подбросили. Матросы утромъ стали мыть палубу и нашли. — И опять напѣваетъ.

Рѣдкій случай, увидѣть человѣка, который счастливъ отъ того, что у него украли двѣсти рублей.

Однако, еще новое неблагопріятное предзнаменованіе. И въ каждомъ портѣ! А впереди — восьмидневный переходъ до Адена, потомъ Красное море, съ его теченіями, безъ маяковъ, гдѣ теперь на рифѣ сидитъ «Кострома», потомъ Архипелагъ, гдѣ турки, подъ предлогомъ войны съ Греціей, тоже не жгутъ маяковъ, наконецъ, сезонъ штормовъ на нашемъ разбойникѣ—Черномъ морѣ. А тутъ еще недалеко отъ насъ стоялъ англичанинъ изъ Бомбея, съ желтымъ, чумнымъ флажкомъ на мачтѣ! Пассажиръ, расположенный къ мрачнымъ мыслямъ, задумывается еще больше.

26 ноября—3 декабря.

Переходъ по океану до Адена прошолъ однообразно и благополучно. Покачивало, изрѣдка и едва замѣтно, а то шли точно по рѣкѣ. Все время дулъ легкій бархатный муссонъ съ сѣверо-востока, осушилъ воздухъ и навѣвалъ «прохладу», въ 22° R. Кое-какъ можно было спать въ каютахъ; въ Малакскомъ-же проливѣ и до Цейлона всѣ, нарядившись въ широчайшія фланелевыя куртки и кофты, валялись по кресламъ на спордекѣ и во снѣ стонали. Изъ морскихъ новостей видѣли большихъ летучихъ рыбъ, длиною въ аршинъ, сѣрыхъ, да вдали замѣтили фонтаны китовъ, причемъ узнали, что фонтаны эти состоятъ не изъ водяныхъ струй, а изъ столбовъ мельчайшихъ брызгъ. Все шло благополучно, и непріятны были только частыя встрѣчи съ англичанами, великими морскими невѣжами и нахалами. Съ французами, нетолько торговыми, но и военными, мы неизмѣнно обмѣнивались раскатистыми ура. Американскій броненосецъ былъ такъ милъ, что, въ отвѣтъ на нашъ троекратный салютъ флагомъ, тоже поклонился три раза, вмѣсто обязательнаго для военнаго судна одного. Всѣ остальныя націи

были вѣжливы и приличны. Одни только англичане держатъ себя уличными скандалистами. Встрѣчные никогда не сворачиваютъ съ дороги.

Звонокъ въ машину. Потомъ команда вахтеннаго офицера рулевому:

— Лѣво!

— Есть лѣво.

— Лѣво на бортъ!

— Есть лѣво на бортъ.

— Что такое? — Англичанинъ претъ прямо на насъ. Дьяволъ! Скотина! Свистни ему сиреной.

Если англичанинъ обгоняетъ съ одного борта, онъ, догнавъ, обрѣжетъ носъ и дальше пойдетъ съ другого борта. И, говорятъ, держатъ они себя такъ со всѣми и всегда.

1-го декабря мы замѣтили туманную громаду Сокоторы. Этихъ мѣстъ, островъ Сокотору и мысъ Расъ-Гафунъ, очень не любятъ моряки. Сильныя теченія, бурные вѣтры и отсутствіе маяковъ. Въ каютъ-кампаніи разсказывали мрачныя исторіи. Владѣютъ этой непривѣтливой сторонкой сомаліи, людоѣды и разбойники. Пробовали тутъ ставить маяки, но не проходило и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ маяки оказывались разрушенными, а служащіе на нихъ исчезали безъ слѣда, можетъ быть, даже въ желудкахъ людоѣдовъ. Тогда съ сомаліями вступили въ такое соглашеніе. Маяковъ ставить не будутъ. Разбившееся у береговъ судно принадлежитъ со всѣмъ грузомъ сомаліямъ. Взамѣнъ людоѣды обязались людей не ѣсть и оказывать имъ помощь, разумѣется, за деньги. Когда «Москва» добровольнаго флота вылетѣла на пески у Расъ-Гафуна, сомаліи стали отымать у пассажировъ даже маленькіе узлы съ бѣльемъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что это пароходный грузъ. Женщины на всякій случай переодѣлись мужчинами и обрѣзали волосы. Сомаліямъ дали письмо въ Аденъ, съ извѣщеніемъ о несчастіи, но письмо было доставлено только тогда, когда стало очевиднымъ, что вышли всѣ деньги на покупку, конечно, по людоѣдскимъ цѣнамъ, жизненныхъ припасовъ. Взамѣнъ при разставаніи людоѣдскій султанъ прислалъ командиру «Мо-

сквы» горшочекъ съ медомъ, въ три фунта вѣсомъ. Это все, что осталось въ барышахъ отъ «Москвы».

Второго, утромъ, прощаясь съ Индійскимъ океаномъ, командиръ бросилъ въ море въ благодарность морскому царю свою фуражку. У морского царя должна быть огромная коллекція фуражекъ, потому-что эта церемонія совершается всѣми моряками, съ тѣмъ большей охотой, что Индійскій океанъ, какъ они говорятъ,—честный парень. Если будетъ буря, объявляетъ о томъ впередъ. Если обѣщаетъ хорошую погоду, сдержитъ обѣщаніе. Не то другія «морёшки», которыя у насъ впереди. Тамъ нельзя поручиться за ближайшій часъ.

Третьяго мы на нѣсколько часовъ остановились у скалъ Адена. Аденъ вовсе не такъ мраченъ, какъ его описываютъ. По описаніямъ представляешь себѣ водяную пустыню, изъ которой подымается одинокая черная, какъ негръ, скала, а на скалѣ нѣсколько рыжихъ англичанъ продаютъ черный каменный уголь. На самомъ дѣлѣ островов-скалъ нѣсколько, притомъ не черныхъ, а свѣтлокофейныхъ. Растительности дѣйствительно нѣтъ никакой, но скалы такъ причудливы и такъ отчетливо выдѣляются въ прозрачномъ сухомъ воздухѣ, что вовсе не производятъ удручающаго впечатлѣнія. Одинъ изъ острововъ, весь состоящій изъ тонкихъ и острыхъ пиковъ, на фонѣ янтарной вечерней зари представлялся покрытымъ старымъ еловымъ лѣсомъ. Вдали видно плоское прибрежье, съ бѣлымъ городкомъ и зеленѣющими пальмами. Нашъ пароходъ сейчасъ-же окружили лодки торгашей. Аденскіе евреи, въ арабскихъ халатахъ, съ пейсами въ видѣ штопоровъ, привезли разную африканскую мелочь: палки, рога, клыки, кофе, какія-то матеріи. Черные людоѣды-сомаліи, съ курчавыми волосами, выкрашенными въ рыжій цвѣтъ, задрапированные бѣлыми небольшими простынями, сверкая бѣлками глазъ и, къ ужасу неустрашимыхъ броненосцевъ, Густава и Владиміра, блестящими зубами, предлагали акульи челюсти и раковины. Мальчуганъ-людоѣдъ предлагалъ за двѣ копѣйки побить мальчугана-жидка. Билъ, получалъ двѣ копѣйки и одну отдавалъ жидку. Когда вечеромъ я работалъ, мнѣ на бумагу сѣла прекрасивая аденская бабочка. На рейдѣ стояло около

десятка пароходовъ подъ самыми разнообразными флагами: голландцы, австрійцы, бельгійцы, испанцы, даже японцы, которые недавно установили европейскій рейсъ, употребивъ для этого пароходы, купленные во время китайской войны для перевозки войскъ. Пароходы, говорятъ, неважные, старые. Капитанами на нихъ—европейцы. Флагъ бѣлый съ краснымъ дискомъ посрединѣ, т.-е. съ изображеніемъ солнца. Теперь всѣ свѣтила небесныя попали на морскіе флаги. Луну взяли турки, звѣзды достались американцамъ. Остается свободной только комета. Не взять-ли ее нашему многочисленному торговому флоту?

Осень.

Осень наступила внезапно и неожиданно, какъ-разъ на серединѣ Краснаго моря, 7-го декабря. Наканунѣ было еще жарко. Пятаго, когда вѣтеръ съ кормы не перегонялъ насъ и мы шли въ неподвижномъ воздухѣ, былъ невыносимый день, несмотря на африканскую сухость атмосферы. Болѣла голова, нервы ныли. Спать пришлось опять на палубѣ. Напуганный происшествіемъ въ Коломбо, почтовый чиновникъ спитъ около денежнаго сундука, на спордекѣ, и видитъ, должно быть, дурные сны. Какой-то англичанинъ, котораго мы нагнали, не хотѣлъ пустить насъ впередъ и всю ночь вилялъ передъ носомъ, загораживая дорогу. Красное море, лежащее въ провалѣ между двухъ раскаленныхъ пустынь, непріятно теперь, но лѣтомъ оно невыносимо. Въ случаѣ попутнаго вѣтра, приходится поворачивать назадъ и идти такъ нѣсколько часовъ, чтобы провѣтрить пароходъ и дать отдышаться людямъ. Около полночи съ пятаго на шестое лопнулъ штуръ-тросъ. Опять! Какъ-разъ въ это время мы были окружены судами со всѣхъ сторонъ. Поспѣшили поднять три красныхъ фонаря, означавшихъ, что стоимъ на мѣстѣ и просимъ не обращать на насъ вниманія. Больше нѣтъ никакихъ сомнѣній: штуръ-тросъ никуда не годится. Этого отъ насъ уже и не скрываютъ и говорятъ, что въ Портъ-Саидѣ, предъ выходомъ въ бурныя «морешки», пріобрѣтутъ новый. Это насъ отчасти успокаиваетъ.

Седьмого сразу наступила осень. Термометръ упалъ до 14 градусовъ, и всѣ обитатели «Ярославля» ежатся, какъ при морозѣ. Сняли тенты. Солдаты спрятались, со своими канарейками, подъ палубу и довольны: въ прохладѣ спится хорошо. Солнце стало желтоватымъ, осеннимъ. Воздухъ тоже осенній, прозрачный. Скалы острововъ и береговъ, иногда появляющихся то на востокѣ, то на западѣ, такія-же голыя, какъ въ Аденѣ, рисуются въ чистой атмосферѣ во всѣхъ своихъ причудливыхъ подробностяхъ. Въ водѣ плаваютъ водоросли табачнаго цвѣта, похожія на опавшій листъ. Мѣстами два встрѣчныхъ теченія своимъ стремленіемъ сглаживаютъ зыбь и образуютъ извивающуюся гладкую дорожку, по которой плыветъ всякій соръ, отъ кухонныхъ отбросовъ до изломаныхъ камышевыхъ креселъ, брошенныхъ за негодностью съ пароходовъ.

Ночь на восьмое спали уже притворивъ дверь въ каютѣ. Утромъ подошли къ Суэцу. Что за краски, что за воздухъ, что за осень! Тропики, даже Японія послѣ этого показались намъ тусклыми и грязными. Направо и налѣво подымаются палевыя скалы береговъ Суэцкаго залива; впереди—золотой песокъ пустыни и бѣлые кубики—дома Суэца. Въ безупречно-чистомъ бирюзовомъ небѣ стоятъ серебряныя выпуклыя облака. Море, прозрачное какъ драгоцѣнный камень, вдали темносинее, вблизи изумрудное, заставляетъ нашихъ дамъ вскрикивать отъ восторга. Нигдѣ нѣтъ такихъ красокъ и такого воздуха, кромѣ южнаго Средиземнаго моря. Изъ морей это первый красавецъ въ мірѣ. Это родитель античной скульптуры и архитектуры, итальянской живописи и музыки. Прекрасно, но—холодно. Увѣряли, что ночью, когда мы шли по каналу, у Измаиліи, то-есть, въ центрѣ пустыни, которую прорѣзаетъ каналъ, на берегахъ видѣли иней.

Чудесное зрѣлище представляетъ и каналъ. Вошли мы въ него ночью. На носъ повѣсили колоссальную электрическую лампу. Подъ ея лучами вода представлялась рѣкою молока. Зеленые, бѣлые и красные буи, которыми огражденъ фарватеръ, свѣтились подъ электричествомъ словно фарфоровые. Утромъ, недалеко уже отъ Портъ-Саида, влѣво мы увидѣли безконечныя морскія

лагуны, покрытыя безчисленными стаями птицъ. Утки и лебеди кружились безпорядочными стаями. Розоватые фламинго и бѣлыя бабы сидѣли и двигались правильными шеренгами. Намъ навстрѣчу по берегу бѣжали небольшіе поѣзда желѣзной дороги. Небо голубое, солнце яркое,—но холодно: до полдня видно дыханье.

Въ Портъ-Саидѣ—нагрузка угля, обмѣнъ неумолкающихъ ура съ французскимъ броненосцемъ, покупка новаго штуръ-троса (уфъ, съ души камень свалился!) и выходъ въ море.

Зима.

До Одессы — всего четыре дня. Въ Константинополѣ не остановимся, — ну, и Богъ съ нимъ: скорѣй-бы, скорѣй. Чего медлить? Замѣшкаемся, а тутъ какъ-разъ на Черномъ морѣ и задуритъ какой-нибудь «нордъ-остище», или какой иной «штормяга», какъ выражаются моряки. Положимъ, штуръ-тросъ у насъ новый, уступленный намъ пріятелями французами администраціи Суэцкаго канала, и, стало быть, доброкачественный, но и со штуръ-тросомъ болтаться между Босфоромъ и Одессой вмѣсто тридцати-шести часовъ трое сутокъ, конечно, не доставитъ удовольствія. Всѣ становятся все болѣе нетерпѣливыми, въ особенности кочегары, которые обнаруживаютъ изумительное искусство подбрасывать уголь въ топки такимъ образомъ, чтобы онъ горѣлъ вдвое жарче. То-и-дѣло, ихъ просятъ:—Потише, ребята, потише, все равно раньше утра не пройдемъ мимо Родоса. — Родосъ указываетъ входъ въ Архипелагъ, а турки все еще не могутъ собраться зажечь маякъ, потушенный въ греческую войну.— Но кочегары не внимаютъ увѣщеваніямъ; пришлось повернуть назадъ и самымъ малымъ ходомъ идти, въ ожиданіи разсвѣта, обратно.

Въ Архипелагѣ, одиннадцатаго, небо уже хмурое, покрытое темными снѣжными тучами. Всего пять градусовъ тепла. Вѣтеръ—какъ-разъ злой нордъ-остъ. Тутъ, между острововъ, ему нѣтъ большой воли, но что дѣлается тамъ, сѣвернѣй Босфора? Море бушуетъ, но «Ярославль»—молодецъ, не шелохнется. Въ теплой каютъ-кампаніи вин-

тятъ, пишутъ, занимаются музыкой, разговариваютъ. Не хватаетъ только камина. Совсѣмъ «журъ-фиксъ». Кто-то входитъ въ каюту съ палубы.

— На улицѣ-то вѣтеръ, холодъ, зима,—говоритъ онъ, пожимаясь и потирая руки.

— А извощиковъ не видать? отзывается шутникъ.

— Стоятъ. На Хіосѣ, около клуба.

Двѣнадцатаго утромъ въ Дарданеллахъ мы поздравили другъ друга съ первымъ снѣгомъ. Запахло чистымъ холоднымъ снѣжнымъ воздухомъ. Всѣ встрепенулись и оживились: повѣяло родиной. Чудеса и красоты тропиковъ тоже возбуждали, но иначе. Тамъ изумлялись глаза, воображеніе, умъ,—здѣсь радовался весь человѣкъ,—наперекоръ уму и глазамъ. Крутые береговые холмы пролива, падающіе въ море глинистыми обрывами, покрыты снѣжкомъ. Снѣжокъ на древнихъ крѣпостяхъ, въ видѣ колоссальныхъ бочекъ, на земляныхъ валахъ новѣйшихъ баттарей. съ ихъ чудовищами-пушками, на дворахъ обширныхъ казармъ, на пожнивьяхъ, по которымъ бродятъ овцы. Въ балкахъ спрятались рощи и дачи. Кипарисы выпукло чернѣютъ на фонѣ снѣга. Пирамидальные тополи стоятъ безъ листьевъ, и, кажется, слышишь, какъ звенятъ ихъ обледенѣвшія голыя вѣтви, качаясь подъ ударами вѣтра. Холодно, голо, полумертво,—а сѣверный человѣкъ радуется и чувствуетъ себя здоровѣй и бодрѣй.

Тринадцатаго (охъ, нехорошее число!) утромъ мы подходимъ къ Константинополю и въ тотъ-же день (не лучше-ли четырнадцатаго?) выйдемъ въ Черное море. И число тринадцатое, и нордъ-остъ выказываетъ явное намѣреніе превратиться въ нордъ-остовую «штормягу». Въ Черномъ морѣ онъ, должно-быть, уже и превратился, потому-что теченіе въ Босфорѣ необычайно сильно, что бываетъ тогда, когда буря съ сѣвера гонитъ воду въ проливъ. Здѣсь вѣтеръ, то-и-дѣло, посылаетъ снѣжные штормы. Снѣгъ еще больше, чѣмъ тропическіе дожди, мѣшаетъ видѣть и идти. То-и-дѣло, останавливаемся и воемъ нашей сиреной. Тутъ, между холмовъ узкаго пролива, сверху до-низу усыпанныхъ зданіями, стѣнами, башнями, сирена ужъ совсѣмъ невыносима. Сотни отголосковъ, справа, слѣва, изъ Европы и Азіи, изъ каждой улицы,

подхватывали этотъ отвратительный звукъ, — точно всѣ константинопольскія собаки вторилн намъ своимъ воемъ. Должно-быть, мы кричали очень страшно, потому-что, когда мы проходили мимо бухточки Золотого Рога, слѣва отъ насъ вдавшейся въ городъ, намъ на-перерѣзъ вдругъ полетѣла русская военная шестерка. Съ неудовольствіемъ уменьшаемъ ходъ и ждемъ, кое-какъ удерживаясь противъ теченія. Шестерка, запыхавшись, подкатила къ борту.

— Что случилось? спрашиваемъ мы.

— Нѣтъ, съ вами какое стряслось несчастье?

— Никакого.

— Отчего-же вы такъ страшно воете?

Шестерка была послана съ нашего стаціонера «Колхиды», гдѣ вообразили, что мы гибнемъ.

Въ промежутки между метелями мы можемъ любоваться Константинополемъ. Зимою и онъ некрасивъ, но нашему сердцу мила сама зима. Затѣмъ, какой громадный, какой живой это городъ. Жизнь его не культурная; это не торговая станція, подобно Шанхаю, не фабричный городъ. Это просто гигантскій человѣческій муравейникъ, который копошится сверху до-низу. Радуетъ просто зрѣлище огромныхъ толпъ бодрыхъ живыхъ существъ, покрывшихъ берега всего Босфора, отъ Мраморнаго до Чернаго моря, безчисленными узкими и высокими домами итальянскаго типа, мечетями, дворцами, древними замками. На водѣ и въ водѣ тоже кишѣла жизнь. Люди сновали на пароходахъ и въ лодкахъ. По Босфору зимою идутъ огромныя руна рыбы. Надъ ними вьются тучи чаекъ. Каждое руно оцѣплено дельфинами, которые хватаютъ рыбу, дѣлая прыжки изъ воды.

Подвигаемся все впередъ и спрашиваемъ себя, что-то ждетъ насъ въ морѣ, со стороны котораго несутся снѣговые вихри. Въ узкомъ, какъ рѣка средней величины, проливѣ волненія нѣтъ; зато трудно справиться съ порывами вѣтра и напоромъ теченія. Иногда мы проходимъ такъ близко отъ береговъ, что видно, кто смотритъ на насъ изъ оконъ домовъ, подымающихся прямо изъ воды. Вотъ, послѣдній домъ. Вотъ, конецъ пролива, — направо и налѣво два черныхъ, изъѣденныхъ волнами каменныхъ

бугра,—и мы въ морѣ. Сильно раскачалось. Темносѣрые верхи волнъ чередуются съ черными глубокими бороздами, между нихъ. Морозъ въ два градуса. Вѣтеръ—NO! Весь вопросъ въ томъ, начинается онъ или кончается? Распрашивать безполезно, а потому покорно ждемъ. Ждемъ до слѣдующаго утра: вѣтеръ не закрѣпчалъ и превратился въ N. Къ завтраку—NW. Слава Богу!

Около семи вечера *четырнадцатаго декабря* мы уже дома, въ Одессѣ.

1897 г.

Оглавленіе.

Р. Ангара
НИЖНЕУДИНСКЪ
Байкалъ
ИРКУТСКЪ
Лиственичное
Мысовая
Р. Селенга
ВЕРХНЕУДИНСКЪ
Веклелишево
ЧИТА
Р. Ингода
НЕРЧИНСКЪ
Стрѣтенскъ
Митрофанова
Р. Шилка
Покровская
Р. Амуръ
Зейская Пристань
Р. Зея
БЛАГОВѢЩЕНСКЪ
АЙГУНЪ
Р. Бурея
ХАБАРОВСКЪ
Р. Амуръ
Р. Уссури
Ханка
НИКОЛЬСКЪ
ВЛАДИВОСТОКЪ
К И Т А Й
К И Т А Й
К И Т А Й

В. Л. Дѣдловъ.

Вокругъ Россіи. Путевыя замѣтки. Цѣна 2 р.
Переселенцы и новыя мѣста. Цѣна 1 р.
Письма съ Парижской выставки 1889 г. Цѣна 1 р.
Варваръ Эллинъ. Еврей. Современныя характеристики. Цѣна 2 р.

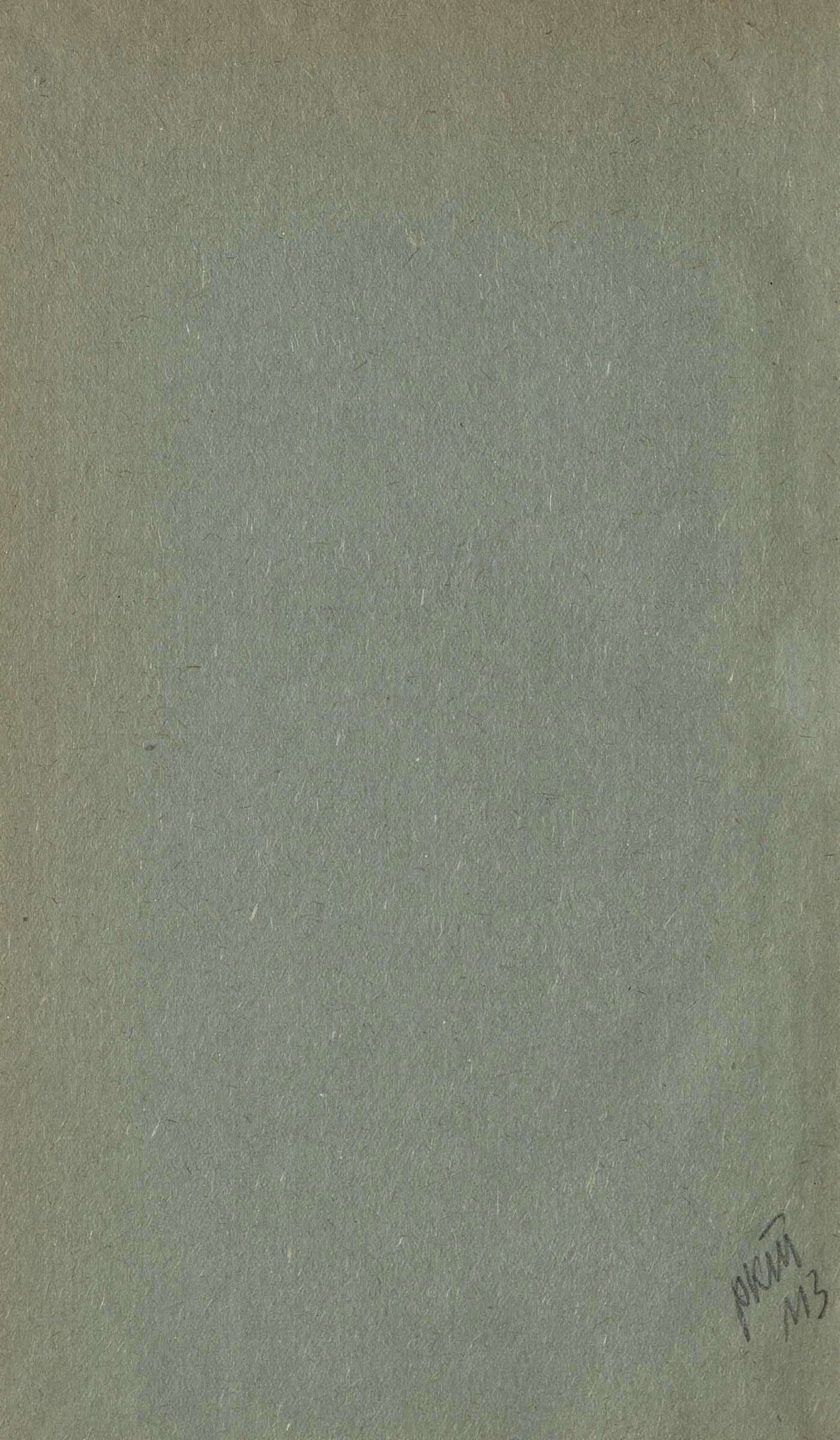
ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ ВТОРЫЯ ИЗДАНІЯ:

По Италіи, Египту и Палестинѣ.
Сашенька. Романъ.
Повѣсти и разсказы.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Кіевскій Владимірскій Соборъ
и
Его художественные творцы
(В. Васнецовъ, Котарбинскій, Нестеровъ, Праховъ, П. Свѣдомскій).
Изданіе І. Н. Кнебеля въ Москвѣ.

Цѣна 1 рубль

2022565529